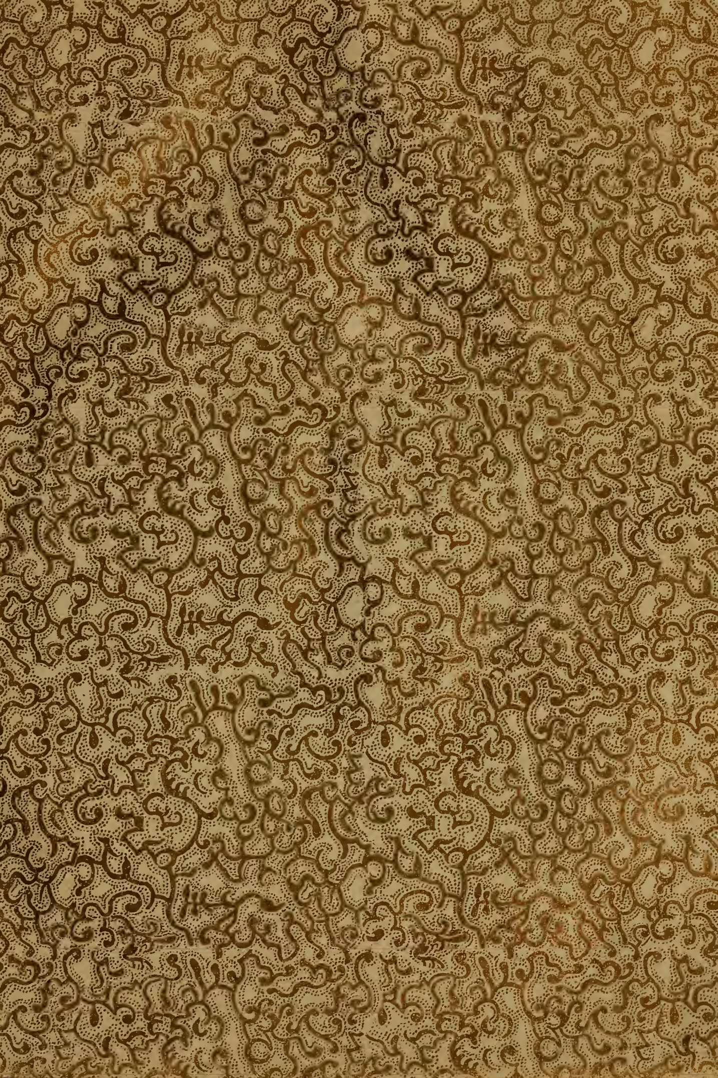

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

КРАСНОЕ ЯИЧКО.

КРАСНОЕ ЯИЧКО

1848 года.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1848.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 2 Марта, 1848 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ПЕТЯ и МИТЯ.

Повѣсть изъ купеческаго быта.

. . . . . странныя вещи приходятъ въ голову человѣку, когда у него нѣтъ выхода, когда жажда дѣятельности бродитъ болѣзненнымъ началомъ въ мозгу, въ сердцѣ, и надобно сидѣть сложа руки.... а мышцы такъ здоровы, а крови въ жилахъ такая бездна!...

Искандеръ.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить.

Кольцовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Видите-ли вы этого человѣка лѣтъ сорока пяти, довольно полнаго, румянаго, съ двумя медалями на шеѣ, въ длиннополомъ сюртукѣ, но безъ бороды? Это *самъ*, хозяинъ — коммерціи совѣтникъ

Василій Иванычъ Колчановъ. Онъ что-то особенно веселъ, доволенъ: въ этотъ вечеръ онъ обручилъ дочь свою Елену Васильевну — его милую Ленхенъ, какъ онъ ее обыкновенно называлъ,— съ надворнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ Иваномъ Терентьичемъ О*. По этому-то случаю — онъ и задалъ пиръ на весь міръ, пиръ горой.

Василій Иванычъ разговариваетъ въ сію минуту съ кумомъ своимъ, 2-й гильдіи купцомъ Кузьмой Андреичемъ Кузьминымъ. Они большіе друзья, и Кузьма Андреичъ часто, безъ всякаго роста и документовъ, занимаетъ у Василія Иваныча значительныя суммы, для своихъ торговыхъ оборотовъ.

— Нечего сказать, славную пирушку задалъ ты, Василій Иванычъ, говорилъ Кузьма Андреичъ. — Ну, да для такого женишка и стòитъ. Чтò за молодецъ собой! и чинъ знатный, и мѣстечко завидное... Посмотри-ка: вотъ онъ...

И Кузьма Андреичъ указалъ на Ивана Терентьича, вальсирующаго съ невѣстой. Это былъ высокаго роста мужчина, черноволосый, недурной собой... Но не мѣшаетъ пополнить его физіологію: она хоть и несвѣтла, тѣмъ не менѣе замѣчательна.

Прежде всего о цѣли, съ какой задумалъ жениться Иванъ Терентьичъ. Для этого бросимъ бѣглый взглядъ на его прошедшее. Двадцати-двухъ лѣтъ кончилъ онъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Родители его были небогатые потомки одной нѣкогда гремѣвшей своими мильёнами фамиліи. Но вотъ супруги умерли, случайно въ одинъ день, что̀ и подало поводъ къ заключенію, что они жили душа въ душу, — умерли, оставивъ сыну желаніе быть богатымъ и счастливымъ. Крѣпко призадумался Иванъ Терентьичъ, тотчасъ-же послѣ блестящихъ поминокъ, заключившихъ похоронную процессію, для которыхъ

былъ подписанъ вексель на значительную сумму. — Какъ и чѣмъ жить? спросилъ онъ себя и самъ-же отвѣтилъ: службой! Сказано — сдѣлано: Иванъ Терентьичъ столаначальникъ. Другой бы на его мѣстѣ возблагодарилъ судьбу за такой подарокъ; но желанія Ивана Терентьича далеко превышали жалованье. Но вотъ черезъ два года онъ и начальникъ отдѣленія, и этого показалось мало. Рано развилось въ немъ молодечество, по этой остроумной поговоркѣ: послѣдняя копейка ребромъ! Человѣкъ онъ былъ страстный; выше-же всѣхъ страстей широко развертывалась въ немъ страсть себя показать, во чтó-бы то ни стало, — та настроенность души, которую такъ поэтически воспѣвалъ молодецъ Давыдовъ. — Какъ тутъ быть? Какимъ процессомъ пять тысячъ рублей разложить такъ, чтобъ ихъ хватило на все? — Извѣстно, какія чудеса творитъ мудрость человѣческая; но здѣсь и она становилась втупикъ.

Говорятъ, возникни только запросъ, явится и отвѣтъ. Конечно, это невообще справедливо; но случилось, что Иванъ Терентьичъ оправдалъ на себѣ это мнѣніе. Въ одну изъ самыхъ отчаянныхъ минутъ денежнаго запроса получаетъ онъ письмо подъ чорною печатью. Развернулъ Иванъ Терентьичъ письмо, прочолъ — и вдругъ лицо его приняло самый веселый видъ, какъ у мальчика, котораго хотѣли оставить на воскресенье въ училищѣ, да простили. Извѣстіе о смерти дяди Ивана Терентьича, сообщенное ему въ письмѣ, никакъ не могло произвесть на него тяжелаго впечатлѣнія. Смерть была для него радостнымъ вѣстникомъ; дядя его, степнякъ-помѣщикъ отказалъ ему нѣсколько сотенъ душъ, да нѣсколько тысячъ рублей. «Презрѣнный металлъ» имѣлъ такую цѣнность въ глазахъ Ивана Терентьича, что онъ и души обратилъ въ монету. При карьерѣ по службѣ, при деньгахъ въ карманѣ, любо было жить

Ивану Терентьичу на бѣломъ свѣтѣ, до того любо, съ такимъ обаятельнымъ дѣйствіемъ металла на его организмъ, что онъ не успѣлъ и опомниться, какъ какой-то злой духъ шепнулъ ему, что уже все прожито, да сверхъ того нажито за сто тысячь долгу. Но находчивость человѣка, въ критическія минуты его обстоятельствъ, часто бываетъ изумительна. Живой примѣръ тому Иванъ Терентьичъ. Едва только успѣлъ онъ спросить себя: какъ быть? чтò дѣлать? какъ тотчасъ-же и отвѣтилъ, громко и протяжно: жениться! — Давно, очень давно, Марлинскій, говоря о русскихъ писателяхъ, замѣтилъ, что у насъ по нихъ не кличь кликать: такъ ихъ много. Такъ и Иванъ Терентьичъ, только лишь задумалъ жениться, какъ увидѣлъ себя со всѣхъ сторонъ осажденнымъ свахами. А женихъ онъ завидный! нѣтъ еще и тридцати лѣтъ отъ роду, а ужь надворный совѣтникъ и кавалеръ, начальникъ отдѣленія, дѣловой че-

ловѣкъ. Жилъ онъ къ тому-же открыто и форсисто, что̀ давало полное право разсчитывать на его набитый кошелекъ. Ко всему этому Иванъ Терентьичъ—аристократъ происхожденіемъ и манерами, глубокой знатокъ салоннаго обхожденія и дамскаго туалета... Это-ли еще не женихъ? Довѣрить ему хорошенькое, розовое созданіе съ приличной красотѣ обстановкой—разсуждали,—все равно, что вручить свой капиталъ на сохраненіе королю евреевъ. Много было невѣстъ у Ивана Терентьича, и дворянскихъ фамилій и купеческаго сословія; между тѣми и другими значились даже маленькіе Ротшильды въ женскомъ родѣ. Но Иванъ Терентьичъ послѣднихъ предпочелъ первымъ. Вотъ почему: къ чести его должно сказать, что долгъ лежалъ на немъ тяжелою совѣстью; онъ не могъ дождаться дня, въ который будетъ имѣть возможность уплатить его. Заплатить, разумѣется, должна была его жена: на ней лежала святая обязанность

залечить съ любовью и смиреніемъ матеріяльныя язвы супруга. Уврачеванія душевныхъ недуговъ мужа отъ нея нетребовалось: въ ней предполагалось одно только «тупое терпѣнье», одинъ только «безсмысленный, вѣчный испугъ», — и ничего больше.

— Да! жена должна заплатить мои долги, думалъ Иванъ Терентьичъ. — Но какъ-бы это сдѣлать, чтобъ при расплачиваніи ни сердитой, недовольной мины, ни малѣйшаго упрёка, – чтобъ мнѣ неприбѣгать ни къ просьбамъ, ни къ лести, ни къ ласкамъ? Какъ бы это обдѣлать? Жениться на дѣвушкѣ изъ высшаго круга никакъ нельзя по моимъ разсчетамъ; она такъ развита, что не признàетъ полнаго отданія супругу всего, чтó имѣетъ. Она можетъ отказать мнѣ въ моемъ требованіи, а хотя и неоткажетъ, зато опозоритъ мое поведеніе. Дѣло другое дѣвушка въ купеческомъ обществѣ: тамъ развитіе ея душатъ уже въ самыхъ пеленкахъ; ей съ

самыхъ раннихъ лѣтъ толкуютъ, что мужъ — это что̀-то въ родѣ судьбы, противъ которой и мысль объ укорѣ безполезна!... Итакъ, рѣшено: женюсь на купеческой дочери!...

Василій Иванычъ взглянулъ на своего будущаго зятя, привѣтствуя его улыбкой пріязни. Вдругъ онъ отворотился къ окну: Василій Иванычъ замѣтилъ, какъ Иванъ Терентьичъ презрительно взглянулъ на одного молодаго купца, танцующаго въ сюртукѣ. Молодой человѣкъ, до сихъ поръ игравшій въ преферансъ, вышедши въ бальный залъ, искусился — и во славу Лабицкаго — лихо протанцовалъ нѣсколько фигуръ вальса.

— Что̀-же нашолъ онъ въ немъ смѣшнаго? подумалъ Василій Иванычъ. — Такъ, пожалуй, будетъ онъ хохотать и надо мной: я ношу сибирку!... Да и чудакъ, право, этотъ Петя: на балъ вздумалъ пріѣхать въ сюртукѣ... Пускай бы не

было фрака, а то гердеробъ, словно у дѣвушки-невѣсты...

Молодой человѣкъ, между-тѣмъ, крѣпко сжимая руки своей дамы, извинялся въ своемъ костюмѣ.

— Извините, кузина, извините, повторялъ онъ. — Это нечаянный случай. Всему виноватъ Левъ Платонычъ... Ахъ, да! онъ вамъ кланяется...

— Кланяется? Какой Левъ Платонычъ?

— Будто вы его незнаете?

— Левъ Платонычъ?... кто бы такой? Нѣтъ, незнаю.

— Припомните-ка.

— Никакъ не могу.

— А стóитъ вспомнить: интересный молодой человѣкъ.

— Ахъ, Боже мой! да кто-же?

— Ну, ужь такъ и быть, я скажу вамъ, чтобъ необратить вашего любопытства въ мучительную неизвѣстность. Левъ Платонычъ — это молодой человѣкъ, проте-

жѐ прекраснаго пола и судьбы, мой короткій пріятель...

— Нельзя-ли безъ предисловій?...

— Удовольствіе, которое онъ сегодня доставилъ мнѣ, выше похвалъ, выше — выше всякаго самопожертвованія...

Терпѣніе не было добродѣтелью Петиной кузины. Любопытство — одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашихъ: стòитъ только затронуть его — и оно перещеголяетъ въ нетерпѣніи всякое другое чувство.

— Или твой Левъ Платонычъ миѳъ, или ты хочешь смѣяться надо мной! говорила раздосадованная кузина. — Не все можно извинить, даже и брату. Довольно того, что съ тобой пошли танцовать... Въ сюртукѣ! какъ это деликатно!...

Петя пожалъ плечами и улыбнулся.

— *Вы* еще смѣетесь!... какъ это мило, cher cousin!

— Неужли я въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ непростительную глупость, что явился сюда не во фракѣ, — глупость, на которую всякой имѣетъ право указать пальцемъ? спрашивалъ себя Петя, когда кузина отошла отъ него. — Неужли, нарушая форму, для собственной пользы или удовольствія, я оскорбляю этимъ приличіе?

— Милостивый государь! сказалъ одинъ изъ партнеровъ Пети по преферансу, подходя къ нему и пощолкивая пальцемъ по серебряной табакеркѣ. Потомъ онъ еще разъ, и громче прежняго, и съ бо́льшей разстановкой, повторилъ: милостивый государь! наконецъ заключилъ: вы нарушаете приличіе!

— Чѣмъ еще? подумалъ Петя. — Что́ вамъ угодно? спросилъ онъ вслухъ, всматриваясь въ лицо разговаривающаго съ нимъ; но потомъ вдругъ, узнавъ въ немъ своего партнера, онъ извинился, что замедлилъ игру.

— Это чрезвычайно непріятно! Помилуйте, терять такое золотое время!... Теперь ужѐ можно было бы играть вторую пульку...

— Да, да! продолжалъ Кузьма Андреичъ:—что́ и говорить! славный женихъ!.. А все лучше бы, Василій Иванычъ, еслибъ зятюшка-то твой былъ нашъ братъ, купецъ. Тогда бы Елена-то Васильевна была у насъ своя... и въ какомъ почотѣ! А теперь она — отрѣзаный ломоть... Тутъ, самъ знаешь, невсегда придешь къ ней въ гости.

Василій Иванычъ, что касалось до чего-либо въ его семействѣ, не умѣлъ притворяться. Въ торговлѣ — дѣло другое: тамъ онъ никогда не плутуя, нерѣдко прибѣгалъ къ такой маскѣ, которая ставила втупикъ самыхъ смышленыхъ подрядчиковъ; тамъ у него часто было шито да крыто то̀, что́ другой на его мѣстѣ не-утерпѣлъ бы не высказать, хотя и съ по-

терей своего барыша. Но теперь ему незачѣмъ было притворяться.

— Эхъ, Кузьма Андреичъ! сказалъ онъ: — не все дѣлается, какъ мы хотимъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Видно, на то была Его воля. Иванъ-то Терентьичъ человѣкъ мнѣ давнымъ-давно знакомый. Сколько дѣлъ моихъ перешло черезъ его руки, и не пересчитаешь! Ленушкѣ онъ понравился, видно, когда сама она сказала, что лучшаго жениха не найдетъ себѣ... Никто, какъ Богъ!... Конечно, кумъ, и я скажу: лучше бы купецъ, да...

— Что̀ да?

— Длинная, братецъ мой, пѣсня: нескоро споёшь.

Тутъ Василій Иванычъ пошолъ встрѣчать какого-то новаго гостя.

На купеческомъ балѣ, который весьма часто дается съ неменьшею роскошью, какъ и балъ богача-аристократа, нерѣдко встрѣтите вы лица недовольныя; а ка-

жется, кругомъ ихъ довольство, самое боярское угощеніе. Эти лица, до изнеможенія танцуя, плотно кушая, исправно попивая винцо, какое въ ихъ дѣдовскихъ сосудахъ уже давно высохло,—все-таки недовольны; они говорятъ съ гримасой: что̀ за балъ! что̀ за угощеніе! что̀ за общество! Мы все это знали, предчувствовали, прибавляютъ они. Но зачѣмъ-же не остались дома, когда знали, что ни для ихъ зрѣнія, ни для слуха, ни для вкуса не найдутъ они ничего порядочнаго? спросите вы. Этотъ народъ выведетъ и тутъ свое заключеніе: отказомъ мы обидѣли-бы звавшаго насъ, скажутъ они.

Взгляните, напримѣръ, вотъ на эту дѣвушку лѣтъ восемнадцати, роскошно, со вкусомъ одѣтую, «съ букетомъ ландышей и пышныхъ тюбе-розъ». Какъ она граціозна, сколько прелести въ ея лицѣ! Ее можно полюбить, она сто̀итъ любви самой страстной, самаго юношескаго обожанія! Но она была-бы во сто разъ луч-

ше, ея любовью можно-бы было гордиться, еслибъ не такъ узки были ея понятія о гордости, еслибъ, рабски благоговѣя къ своей породѣ, она сознала кровную необходимость любить и другую.

Она разговариваетъ съ своей подругой — своимъ двойникомъ. Она сказала чтò-то, и смотрите, какое насмѣшливое выраженіе приняло ея лицо и какъ много чрезъ это утратило оно своей миловидности. Но вотъ она повторила, что сказала:

— Буржуа!... Здѣсь что шагъ, то нарушеніе приличія! добавила она по-англійски, какъ бы не желая выразить вслухъ своего мнѣнія на языкѣ, болѣе понятномъ для большинства.

Но къ кому-же относилось это слово? Кто-же нарушилъ приличіе? Петя, опять онъ, сидѣвшій отъ дѣвушки черезъ два, три стула и дружески разговаривавшій съ какимъ-то полковникомъ. Но чѣмъ-же?

А! дядя Назаръ! это ты? вскричалъ онъ, подзывая къ себѣ стараго служителя въ домѣ Колчановыхъ. — Здоровъ-ли ты? что тебя невидать? прибавилъ онъ, взявъ съ подноса стаканъ.

Старикъ, по болѣзни своей, давно невидѣвшій Петю, разсыпался въ поклонахъ.

Петя услышалъ привѣтствіе, сказанное ему дѣвушкой. Досадно было слышать ему не слово буржуа, а тотъ тонъ, которымъ произнесли его. Онъ быстро оборотился въ ту сторону, гдѣ сидѣла Юлія, —такъ назовемъ мы особу, произнесшую слово буржуа, — и взглянулъ на нее. Юлія смутилась, покраснѣла отъ этого взгляда: столько въ немъ негодованія и ироніи!

Петя подошолъ къ ней.

— Могу я танцовать съ вами эту кадриль? спросилъ онъ.

Юлія, посмотрѣвъ на его костюмъ, хотѣла отказать, думала солгать, что она уже ангажирована, и потомъ попросить

своего кузена, чтобы тотъ вывелъ ее изъ непріятнаго положенія. Но Петя опять взглянулъ на нее — и, какъ бы подъ вліяніемъ магнетисма, она сказала, подавая ему руку:

— Извольте.

Юлія чувствовала... есть-же въ насъ органъ пророчества... что передъ ней — человѣкъ, который, еслибъ захотѣлъ, могъ жестоко уязвлять ее каждымъ своимъ словомъ, не нарушая при этомъ приличія.

Петя и Юлія встали въ первой парѣ. Протанцовали фигуру: Юлія замѣтила, что Петя танцуетъ ловко и легко. Петя предложилъ ей стулъ и самъ сѣлъ. Юлія хотѣла заговорить съ нимъ, но пугалась насмѣшекъ. Въ молчаніи прошла и вторая фигура кадрили. Петя злобно улыбался, Юлія все болѣе и болѣе мѣшалась. Послѣ третьей фигуры, когда они опять сѣли, къ Петѣ подошолъ недавно разговаривавшій съ нимъ полковникъ.

А Б

— Ахъ, Александръ Александрычъ, я виноватъ передъ вами, сказалъ Петя: — забылъ передать вамъ поклонъ и крѣпкое пожатіе руки.

— Отъ кого-же? ужь не отъ Николаяли Николаича?

— Да. И къ вамъ есть длиннѣйшее post-scriptum: въ цѣлый листъ. Я вамъ пришлю его завтра съ человѣкомъ... Или вы сами заѣдете?

— Хорошо: я буду у васъ. Но чтóжь онъ пишетъ?

— Вотъ первыя строки: «Любезнѣйшій Александръ Александрычъ, потрудитесь выслать мнѣ экземпляра четыре стихотвореній Кольцова, да Бѣлинскаго брошюру о Полевомъ...»

Петя все болѣе и болѣе заинтересовывалъ Юлію.

— Какъ онъ золъ! думала она: — за одно слово съ моей стороны, онъ мститъ такимъ долгимъ молчаніемъ съ своей.

— Вы читали Кольцова? спросилъ Юлію Петя.

— Наконецъ заговорилъ! — Да, сказала она вслухъ; потомъ въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризировала поэзію Кольцова, увлеклась до того, что забыла его мѣщанское происхожденіе, и рѣшила, что это была благороднѣйшая натура.

Петя только и ждалъ этого; онъ взглянулъ на Юлію и сказалъ:

— А вѣдь Кольцовъ былъ буржуа!

Четвертая фигура по обыкновенію шла галопомъ.

Петя видѣлъ, какъ хороша Юлія; Юлія замѣтила, какъ интересенъ Петя. Оба они были молоды, у того и у другой не было недостатка въ пылкости. Оба они могли увлечься до того, чтобы глядѣть другъ на друга, если не съ любовью, то по-крайней-мѣрѣ съ удовольствіемъ. Это они рѣшили въ ту-же минуту, какъ онъ обхватилъ одной рукою ея талію, а она взяла его другую руку. Щоки Юліи и до

того горѣли уже очень ярко, но теперь онѣ пылали еще сильнѣе; въ глазахъ ея бѣгалъ огонь. Она хотѣла подѣйствовать на Петю этимъ опаснымъ пламенемъ. Теперь она не боялась его взгляда: у ней былъ свой — отвѣтный. Но... увы!

Въ глазахъ Юліи по-прежнему огонь, но огонь досады, обиженнаго самолюбія женщины. Петя и Юлія протанцовали нѣсколько колѣнъ галопа, а гордый буржуа ни разу не взглянулъ на свою даму, ни разу не пожалъ, какъ бы нечаянно, ея руку; другая рука его едва касалась ея таліи.

Гордый своими успѣхами, Петя предложилъ Юліи стулъ. Тутъ онъ наградилъ ее взглядомъ, сопровождая его насмѣшливой улыбкой. Потомъ онъ продолжалъ разговоръ съ полковникомъ.

— Николай Николаичъ пишетъ, что онъ начинаетъ скучать долгимъ сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, хочетъ махнуть въ Соединенные-Штаты, зоветъ и меня.

— Чтожь вы? спросилъ полковникъ.

— Нѣтъ, съ меня довольно, отвѣчалъ Петя.—Три года былъ я типомъ туриста. Притомъ-же я не надѣюсь удовлетворить своего любопытства, хотя-бы осмотрѣлъ всѣ уголки нашего міра: все будетъ тянуть въ заманчивую terra incognita, добавилъ Петя, подавая Юліи руку: музыка играла пятую фигуру кадрили.

— Давно вы были въ Парижѣ? спросила Юлія.

— Я былъ тамъ два раза: за пять лѣтъ, какъ только кончилъ слушаніе университетскихъ лекцій, и года полтора назадъ, отвѣчалъ Петя.—Вотъ сейчасъ спроситъ, что я, подумалъ онъ.

— Вы служите?

— Я — купецъ.

Кадриль кончилась.

Долго Юлія не могла дать себѣ отчота, что за впечатлѣніе, какое произвелъ на нее Петя. — Только это не любовь, думала она и не ошибалась, потому-что не

была создана такъ, чтобъ полюбить человѣка съ первой встрѣчи. Она не могла понять, какимъ образомъ Петя, который такъ дерзко попиралъ формы приличій, которыя она считала законами,—какимъ образомъ этотъ человѣкъ въ тоже время можетъ возбуждать въ ней такое участіе къ своимъ поступкамъ. И отчего въ ней такая досада, что Петя такъ преданъ своей *bourgeoisie?* Зачѣмъ онъ для нея пожертвовалъ быть-можетъ высокимъ званіемъ, которое ждало его впереди? Или эта среда дѣйствительно нечужда ни страстей, ни благородныхъ стремленій, ни жажды познаній, какъ и та, въ которой родилась она? Быть-можетъ, въ-самомъ-дѣлѣ, все, что̀ мнѣ натолковали про это общество, все, что̀ я ни читала о немъ, — все это безсовѣстная ложь, безсмысленная ненависть?

И Юлія близка была къ примиренію съ чуждой ей сферой людей. Но убѣжденіе

взяло верхъ надъ предположеніемъ, которое было такъ справедливо.

— Онъ одинъ такой между ними, сказала она, лелѣя свое убѣжденіе. — А можетъ-ли одинъ служить ручательствомъ за остальныхъ!

Вскорѣ послѣ того Юлія уѣхала съ бала. Петя черезъ день и забылъ ее, но она долго еще помнила его. Юлія часто встрѣчала Петю и въ театрахъ, и въ собраніяхъ, и въ маскарадахъ. Сначала она видѣла его одного или съ пріятелями, а потомъ съ дамой, которая могла стать въ уровень съ нею. Эта дама была жена Пети. Любовь никогда нельзя сохранить въ тайнѣ: въ ней столько гордости, что она вѣчно является наружу. Глаза Юліи и ея сердце сказали ей, что это супруги-любовники. — Ахъ, какъ она счастлива! проговорила Юлія, и что̀-то похожее на ревность предъявило въ ней права свои...

Но вы, можетъ-быть, съ каждой строкой этой повѣсти ждете, что вотъ я начну

описывать вамъ купеческой балъ, имѣя при томъ въ виду доставить вамъ удовольствіе посмѣяться... да, да! посмѣяться... Знаю, читатели и читательницы, что найдутся между вами многіе, которые прочитавъ: «Петя и Митя, повѣсть изъ купеческаго быта», воскликнутъ: ахъ, какъ это должно-быть смѣшно! вѣроятно, сколько тутъ уморительныхъ лицъ!... Нѣтъ! описывать купеческое общество такъ я отказываюсь. Причины очень ясны.

Дайте мнѣ руку: мы пойдемъ вслѣдъ за Петей. Будьте въ надеждѣ, что вы незагрязнитесь знакомствомъ съ нимъ.

Куда-же онъ такъ торопится. Его не можетъ остановить рядъ различныхъ восклицаній: Петя! а, Петя! Петръ Леонтьичъ! да куда ты? Неугодно-ли вамъ выбрать карточку? да постой-же: мнѣ тебѣ нужно сказать кое-что! и нѣсколько звучныхъ, пріятныхъ голосковъ: Петръ Леонтьичъ, пойдемте съ нами! Петя то-

и-знай повторяетъ: погодите, и спѣшитъ далѣе. Но вотъ рядомъ комнатъ чрезъ небольшія сѣни прошолъ онъ въ другую половину, гдѣ жилъ младшій сынъ Василія Иваныча, Дмитрій Васильичъ, или Митя, какъ выставлено въ заглавіи повѣсти.

Предполагая въ читателѣ болѣе талантливаго портретиста, чѣмъ я, ему предоставляю я изобразить Митю, во весь ростъ. Только вотъ что неудобно: еслибъ читателю вздумалось вообразить себѣ Митю краснощокимъ, пухлымъ, я бы сказалъ ему, что онъ ошибается: Митя былъ худъ и только немного румянъ. Еслибъ читателю пришла охота разлить въ чертахъ лица Мити плутовство, глупость или что-либо въ родѣ этого, онъ и тутъ-бы солгалъ: благородство, грусть вмѣстѣ съ женской изнѣженностью, — вотъ это такъ. Еслибъ читатель принялъ намѣреніе находить въ глазахъ Мити безсмысліе, неподвижность ума или что-

нибудь подобное этому, я бы замѣтилъ ему, что глаза Мити поражали огнемъ своимъ. Еслибъ читатель, одаренный тамбуръ-мажорскимъ ростомъ, захотѣлъ мѣряться съ Митей, я бы тотчасъ остановилъ его, сказавъ: не безпокойтесь, Митя былъ роста средняго.

Между-тѣмъ какъ въ другой половинѣ гремѣла музыка и царило полное веселье, Митя казалось былъ совершенно чуждъ всего этого; въ бѣлыхъ брюкахъ и въ пальто расхаживалъ онъ по кабинету.

Петя, войдя, остановился въ дверяхъ и всплеснулъ руками.

— Чему ты такъ удивляешься? спросилъ Митя.

— Ты еще и не одѣвался?!

— Ну, такъ что̀-жь?

— Послушай, Митя, говорилъ Петя, опускаясь въ вольтеры: — это уже изъ рукъ вонъ, какъ ты себѣ хочешь.

— Да что̀ такое?

— Ахъ, пожалуйста, перестань отыгрываться вопросами!... Ну, отчего ты нейдешь къ гостямъ.

— Мнѣ сегодня что-то особенно нездоровится...

— Нездоровится!!.. нѣженка! Вообразилъ себѣ, что у него чахотка, геморрой, разслабленіе нервъ и еще чортъ знаетъ что̀, да и говоритъ: нездоровится!... гм!... Развѣ ты не можешь понять, что этимъ ты бросаешь подозрѣніе на ваши семейныя отношенія?...

— Ну, я сейчасъ одѣнусь, сказалъ Митя, сбрасывая пальто и дергая за снурокъ колокольчика, проведеннаго въ другую половину.

Петя вскочилъ и началъ перезванивать во всѣ столовые колокольчики, сколько ихъ было; потомъ опять сѣлъ.

Дверь отворилась съ шумомъ, и въ кабинетъ вбѣжалъ запыхавшіійся и испуганный слуга, думавшій, что съ больнымъ бариномъ случилось что-нибудь недоброе.

Увидя же, что все обстоитъ благополучно, онъ не зналъ что дѣлать.

— Здорово, Иванъ! сказалъ Петя.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Леонтьичъ! Это вы изволили такъ звонить?

— Я.

— Перепугали такъ-съ.

И Иванъ хотѣлъ было уйти.

— Да, нѣтъ, погоди: еще не все. Сперва принеси мнѣ трубку, а потомъ одѣвай барина. Живѣй!

Пока Митя одѣвался, Петя разсказывалъ ему, на непонятномъ для любопытнаго Ивана діалектѣ, исторію своего мщенія надъ Юліей.

Иванъ впрочемъ считалъ французскимъ все, что было нерусское, также и разговоръ этотъ.

— Катя у насъ? спросилъ Митя.

— Что̀? вскричалъ Петя, занятый въ эту минуту Полиной.

— Катинька у насъ? повторилъ Митя.

— Какая? Катинекъ такъ много: Катинька Вѣтрова, Катинька Гуляева.... мало-ли ихъ тамъ!

До слуха Ивана долетѣли знакомыя ему фамиліи. Любопытство сильно мучило его, и на этотъ разъ онъ горько сѣтовалъ, что неучился по-басурмански.

— Ужь не жениться-ли сбирается нашъ Петръ Леонтьичъ? думалъ онъ. — Давно пора. Беззаконная-то любовь до добра не доводитъ.

— Катинька Алексѣева, — здѣсь она? продолжалъ Митя.

— Здѣсь; а что̀?

— Такъ, ничего.

— Очень ясно: она тебя интересуетъ. Я тебя всегда предполагалъ человѣкомъ со вкусомъ; теперь особенно убѣждаюсь... И ты еще не хотѣлъ идти. Донья *Катрина* ждетъ отъ него серенады, а онъ... непостижимо!...

И Петя пропѣлъ изъ Новаго Поэта: —

«Подъ покровомъ темной ночи,
Пѣсни пламенной въ отвѣтъ,
Потупляя скромно очи,
Донья бросила букетъ.»

Да это непростительно!... Печоринъ сказалъ: «Бываютъ минуты, когда я понимаю вампира»; а я скажу, братъ Митя: бываютъ минуты, когда я непонимаю тебя... Иванъ!

— Что угодно-съ?

— Какое имя лучше нравится тебѣ? продолжалъ Петя: Полина или *Катрина?*

— Да Катерина, сударь, лучше, отвѣчалъ Иванъ, подумавши и спросивши у своего собственнаго сердца.

— Отчего-же лучше?

— Да такъ-съ, лучше...

— Ну, я готовъ, пойдемъ, перебилъ Митя.

Выйдя въ сѣни, Петя повернулъ направо, по лѣстницѣ, въ третій этажъ.

— Куда ты?

— Видишь, куда. Съ этой стороны подымусь, а съ той спущусь.

— Но вѣдь тутъ надо пройти чрезъ уборную. Развѣ ты незнаешь?

— Знаю, очень знаю...

— Но тебя не пустятъ...

— А вотъ увидимъ.

И Петя началъ стучать въ дверь; Митя махнулъ рукой, а Иванъ, спускаясь внизъ, проговорилъ:

— Вишь, какъ охочъ до красныхъ дѣвушекъ!

Петя постучалъ сильнѣе.

— Кто тамъ? спрашивали за дверью.

— Я.

— Мавра! ты, что-ли?

Петя геройски перенесъ искушеніе расхохотаться и молчалъ. Дверь отворилась.

— Вишь, еще не откликается... Ахъ!

Но Петя былъ уже въ комнатѣ.

— Петръ Леонтьичъ! что̀ вы? да какъ это можно?

И дверь отворилась снова, приглашая Петю возвратиться обратнымъ трактомъ.

— Тс! что̀ ты раскричалась?... Сережки новыя куплю, платокъ подарю,—все, что хочешь, возьми, только молчи, Маша! шепталъ Петя, подвигаясь къ дверямъ другой комнаты. — Я вѣдь непойду къ нимъ: я только у портьеръ постою да послушаю... Право, сережки куплю, и не въ два съ полтиной, а дорогія, большія, à la cancan что-ли, какихъ ни у кого не будетъ... Потомъ можешь похвастать: скажешь, что вотъ-де, Иванъ, Степанъ, что-ли какой, купилъ... Я бы на твоемъ мѣстѣ... а?

Просьба-ли Пети разжалобила Машу, или обѣщаніе сережки купить ей, такія невиданныя и неслыханныя до сихъ поръ — à la cancan, только она сказала, махнувъ рукой:

— Ну, ужь такъ и быть, идите.

Многіе изъ гостей уже видѣлись съ Митей: поздоровавшись съ хозяиномъ, они

отправлялись на половину его любимаго сына, иные изъ расположенія, иные такъ — изъ приличія. Невидѣвшіе Митю встрѣчали его съ почтеніемъ, но холодно; появленіе его произвело на гостей не одинаковое вліяніе, тогда какъ будь это Петя, всѣ бы привѣтствовали его одинаково радушно. Понятно — почему: Митя былъ бо́льшею частью угрюмъ, скрытенъ, онъ слишкомъ высоко сталъ надъ средой, его окружающей, онъ сбросилъ съ себя всѣ ея характерности. При всей любви своей къ ней, онъ не могъ слиться съ нею воедино; тѣ интересы, которые онъ возвелъ до возможности выполненія, среда эта только еще начала сознавать, и то неясно, робко. Другое дѣло — Петя: ставъ выше этой среды своимъ образованіемъ, онъ не старался выказывать предъ нею своё превосходство; онъ не гналъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ Митя, ея привычки и заблужденія, искорененіе ихъ предоставляя времени, его идеалъ былъ

въ будущемъ. Съ другой стороны, онъ рѣзко бросался въ глаза своимъ старанiемъ выказать свое равенство передъ той средой, которая такъ упорно примирялась съ его сферой. Старанiе это, надо замѣтить, несопровождалось ненавистью или ожесточенiемъ. Потомъ, необыкновенно сильно дѣйствовало на интересы его среды, что онъ остался въ томъ званiи, которое дало ему первоначальное воспитанiе. Самая веселость Пети, въ противоположность угрюмости Мити, ни въ комъ немогла встрѣтить равнодушiя: онъ всегда собиралъ около себя кружокъ.

По мѣрѣ теченiя повѣсти раскроется дальнѣйшая разница между Петей и Митей. Всего вдругъ невыскажешь.

Митя говорилъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей. Наконецъ, онъ подошолъ къ Катинькѣ, которая его такъ интересовала, какъ замѣтилъ Петя. Онъ поклонился ей и сѣлъ подлѣ нея.

Катинька была подруга Ленхенъ, сестры Мити. Обѣ онѣ въ одно и тоже время вышли изъ института. Митя и Катинька видѣлись очень часто, сблизились, и въ то время, какъ начинается наша повѣсть, имъ недоставало только случая, чтобъ открыться въ любви.

— Что̀ вы такъ долго невыходили сюда? спросила Катинька.

— Да все сбирался, отвѣчалъ Митя.

— Вотъ прекрасно! однакожъ у васъ продолжительный туалетъ.

— Но здѣсь и безъ меня, думаю, было весело.

— Разумѣется. А вы думали, скучно?

— Я ничего не думалъ...

— Еще лучше! вы ничего не думали!..

— Напротивъ...

— Да что̀ съ вами? какъ вы отвѣчаете? Васъ и непоймешь... Сегодня вы и разсѣяны, и застѣнчивы, и хандрите... Да скажите-же что-нибудь.

— Спросите.

— Можно отвѣчать, неожидая вопроса.

Фраза эта, сказанная Катинькой, заставила ее смѣшаться. Она испугалась своей игры словами, хотѣла измѣнить разговоръ, но было уже поздно.

— Это значитъ, подхватилъ Митя: — отвѣчать на ваши мысли,–не такъ-ли?... Напримѣръ, я вамъ отвѣчу: *да*. Что̀ вы на это скажете?

«Ну, вотъ дошли и до объясненія!» замѣтитъ догадливый читатель — и на этотъ разъ ошибется.

Инстинктъ шепнулъ Катинькѣ, какой смыслъ заключается въ словахъ Мити. Въ другомъ мѣстѣ она бы съ удовольствіемъ высказала ему благопріятный для него отвѣтъ; но не здѣсь. Влюбленныхъ, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ бѣдные Макары, укоряютъ, между прочимъ, въ нетерпѣніи. Согласенъ, что это— правило, но правило съ исключеніемъ. У Катиньки достало терпѣнія отдалить ми-

нуту признанья на нѣсколько часовъ. Пламенныя изъясненія въ любви на балѣ ненравились ей и въ романахъ.

— Знаете-ли что̀! сказала она, вставая со стула.

Митя тоже всталъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ далѣе.

— Но я вамъ послѣ скажу, продолжала Катинька.

— Послѣ? хорошо! послѣ и я вамъ скажу что̀-то.

Катинька порхнула въ уборную. Митя, отходя отъ нея, встрѣтился съ Кузьмой Андреичемъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ что̀-то шепнулъ ему на ухо.

— Это уже давнымъ-давно было извѣстно, замѣтилъ Кузьма Андреичъ, подчуя Митю табакомъ. Это была его привычка; онъ подчивалъ табакомъ даже дамъ.

— Какъ давно! Что̀жь вы не сказали мнѣ?... Эхъ, Кузьма Андреичъ!

— Да что было говорить тебѣ! развѣ на досаду навести. Чтòжь тутъ хорошаго? Ты поднялъ бы тревогу, шумъ, разгорячился... чего добраго!... захворалъ бы...

— Фу! какъ гадко!

И лицо Мити приняло болѣзненное выраженіе. Поспѣшно вышелъ онъ съ Кузьмой Андреичемъ въ дальнюю комнату, и тамъ, не владѣя собой, схватился за грудь, послѣ тяжолаго вздоха, опускаясь на диванъ.

— Боже! Боже! проговорилъ онъ: — какое оскорбленіе!... Но чтó-же *она?* — Потомъ, не дожидаясь отвѣта, Митя быстро перемѣнилъ разговоръ.

— А гдѣ вы были сегодня утромъ, когда я заѣзжалъ къ вамъ? спросилъ онъ.

— Да у Палкина... съ пріятелемъ были... подрядъ вспрыскивали. Самъ знаешь, дѣло торговое.

Митя взглянулъ на Кузьму Андреича: тотъ отвернулся.

— Неправда: вы не у Палкина были. Зачѣмъ вы меня обманываете? Говорите правду, какъ бы она на меня оскорбительно ни подѣйствовала...

— Ну, я былъ у Ситкина.

— Зачѣмъ?

— Хлопоталъ о племянникахъ.

— Чтóжь онъ сказалъ вамъ?

— Вакансіи, говоритъ, нѣтъ.

— Какой вздоръ! Къ образованію всякому должна быть вакансія, тѣмъ болѣе въ нашемъ обществѣ.

— Не всякой, братецъ мой, тѣхъ-же мыслей, какъ ты.

— Но отчего-жь не всякой?... Вѣдь это досадно!... Можно-ли быть глухимъ и слѣпымъ къ своимъ-же собственнымъ пользамъ!

— Видно можно, когда есть примѣры.

Негодованіе Мити сообщилось и Кузьмѣ Андреичу.

— Вышелъ въ люди да и заважничалъ! продолжалъ онъ. — Представь себѣ, Дмитрій Васильичъ: придешь къ нему, битый часъ ждешь въ передней! точно какъ... гм! бывали мы и у генераловъ, да нето видѣли: и ласково приметъ, и руку жметъ... А этотъ!...

— И вы могли дожидаться... въ передней!...

— А чтожь, по твоему, убѣжать было надо? Вѣдь дѣло-то шло не о какой-нибудь сотнѣ рублей, а объ участи сиротъ... Отецъ-то ихъ служилъ обществу вѣрой и правдой десятки лѣтъ, да и денегъ-то не мало переплатилъ; сосчитай-ка!.. Лучше, скрѣпя сердце, прождать часъ или два, чѣмъ послѣ пятдесятъ разъ ходить да слышать: дома нѣтъ, почиваютъ-съ, гости у нихъ-съ, зайдите завтра утромъ... Эхъ, народецъ!...

Въ это время подошла къ нимъ Катинька.

— Да что вы такіе сердитые? спросила она Кузьму Андреича, взглянувъ на него.

— Гм! гм! Поневолѣ будешь сердитъ, какъ... гм!

Катинька была слишкомъ настроена къ веселости: звонкимъ смѣхомъ сопровождала она гм! гм! Кузьмы Андреича.

— Вамъ все смѣшки да хи! хи! Катерина Осиповна, а намъ-то...

— Да что такое?

— Эхъ, матушка! дѣло торговое!... Тутъ Кузьма Андреичъ махнулъ рукой и пошолъ къ буфету.

Таже веселость не дала Катинькѣ замѣтить и нерасположеніе Мити. Она не знала, что есть у человѣка стремленія, есть цѣли, желаніе достиженія которыхъ привязчивѣе и самой любви. Она не знала, что можно испытывать муки и въ самыя счастливыя минуты любви, когда видишь, что цѣлямъ этимъ что шагъ, то преграда. И гдѣ-же ей было знать это, — ей, постоянно занятой только тѣмъ, что

касалось ея сердца , что давало ростъ ея стараніямъ нравиться и блистать? Правда, ее занимало и что̀-то другое , не такъ бѣдное содержаніемъ, какъ желаніе блистать, но только то, что было слишкомъ осязательно , что понималось безъ долгаго, глубокаго анализа. Анализа Катинька пугалась: онъ представлялся ей разрушительной силой , способной исказить всѣ ея сердечныя вѣрованія. — Анализъ можетъ открыть мнѣ гадкія стороны человѣка: — это было ея убѣжденіе. Не проникая въ смыслъ благородной натуры Мити, она тѣмъ-не-менѣе горячо любила его и за его *внѣшность*. Въ шестнадцать лѣтъ она вообразила себѣ, что полюбила кого-то , черезъ полгода дѣйствительно полюбила ; восемьнадцати лѣтъ , изъ отношеній своихъ къ Митѣ она заключила, что это — любовь примѣрная.

— Вы танцуете съ кѣмъ-нибудь эту кадриль? спросила она Митю.

— Нѣтъ. А вы?

— Нѣтъ. Пойдемте со мной.

Кузьма Андреичъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ, отыскивая Петю: ему хотѣлось поговорить съ нимъ, побалагурить, чтобъ отдохнуть отъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него его-же собственнымъ разсказомъ. Буфетъ, на этотъ разъ, не могъ настроить его на веселый видъ.

— Что за чудо! думалъ Кузьма Андреичъ. — Да куда это пропалъ онъ?

Ему пришла на мысль уборная.

— Неужли онъ туда забрался? Пожалуй: онъ вездѣ откроетъ себѣ дорогу...

Кузьма Андреичъ воротился назадъ, подошолъ къ лѣстницѣ, которая вела въ уборную, началъ прислушиваться: это Петя... да, это его голосъ. И крѣпко захотѣлось Кузьмѣ Андреичу узнать, чтò-то тамъ подѣлываетъ Петя.

Надо замѣтить, что Петя, между прочими способностями, былъ одаренъ и му-

зыкальнымъ ухомъ. Но теперь эта способность не была ему кстати: ухо его очень несчастливо воспринимало все, что говорилось за портьерами. Вамъ вѣроятно случалось бывать въ женской компаніи. Припомните себѣ этотъ концертъ, отъ котораго вы потому только не убѣгаете, затыкая уши, что его составляютъ дамы: къ дамамъ, какъ извѣстно мнѣ и каждому, питаете вы глубокое уваженіе. Незнаю, что это за странно-убійственно-разнохарактерный хоръ, когда вдругъ, всѣ разомъ, заговорятъ пять, десять женщинъ! А о чемъ говорятъ онѣ? Одна говоритъ то, та — другое, третіе — иное и т. д. и каждая старается говорить яснѣе, убѣдительнѣе, громче, одна перебиваетъ другую, увѣряетъ, что вотъ та-то говоритъ неправду, и сама запутывается въ истинѣ. Вы слышите тысячи словъ, но ни одной фразы. А между тѣмъ сколько въ этихъ милыхъ разскащицахъ горячаго убѣжденія, что онѣ говорятъ дѣло, и —

что главное — весьма понятнымъ языкомъ!...

— Да о чемъ-же онѣ говорятъ, спорятъ, кричатъ? думалъ Петя. — Хоть убей, не понимаю.

И онъ прикладывалъ ухо къ портьерамъ, что производило колыханіе ихъ. А тамъ какая-нибудь красавица можетъ-быть думала, что это зефиръ поигрываетъ ими. Неудовлетворяясь слушаніемъ, Петя часто прибѣгалъ и къ глядѣнію за границу, которую онъ самъ-же по условію поставилъ своему любопытству. Но такое глядѣніе, нарушая условіе, въ тоже время нарушало согласіе между Петей и Машей, стоявшей сзади его. Тогда обыкновенно начиналась между ними борьба: Маша тащила его за руку прочь, а онъ упирался. Вслѣдъ за тѣмъ происходилъ между ними шопотъ, оканчивающійся божбою Пети, что онъ больше не будетъ глядѣть, что онъ вооружится терпѣніемъ. Но искушеніе брало верхъ, и борьба,

прервавшись на минуту, начиналась снова, оканчиваясь словами Маши: Ну, не грѣхъ-ли вамъ божиться даромъ? — Но вотъ немного поутихли, многія замолкли, разговоръ становился понятнѣе. Чей-то голосокъ проговорилъ: Петя. Нашъ пріятель притаилъ дыханіе и навострилъ слухъ.

— Ну ужь, ma chère, что ты нашла особеннаго въ Александрѣ Петровичѣ!... Вотъ Петя...

— Какой Петя? вскричали три, четыре голоса.

— Какой!... Петръ Леонтьичъ...

— Да, онъ прекрасный молодой человѣкъ...

— Ну, что дальше? шепталъ Петя, взглянувъ на Машу и въ самодовольствіи потирая руки.

— Ловкой танцоръ, любезенъ...

— Ты не знаешь, чей это голосъ, Маша?

— Это... это... погодите...

— Уменъ...

— Ну, говори-же.

— Это Варвара Дмитревна.

— И какъ говоритъ! какой вкусъ!... Правда, немного воленъ въ обращеніи...

Петя распахнулъ портьеры. Маша ахнула, ахнули десятки голосовъ. Петя раскланивался Варварѣ Дмитревнѣ — и, чтобъ оправдать вполнѣ ея мнѣніе объ немъ, сдѣлалъ ей ручку, къ явной зависти всей компаніи.

Боже! какой шумъ поднялся тогда, какой крикъ! Въ главѣ непріятельницъ была кузина Пети: ей нужно-же было чѣмъ-нибудь отомстить ему.

— Гоните его, mesdames, гоните! кричала она. — Такая дерзость!

— Кузина! можно-ли быть такой сердитой? Это уже явное недоброжелательство!... А я еще поклонъ принесъ вамъ отъ Льва Платоныча...

Дѣло приняло другой оборотъ: у непріятельницъ и руки опустились.

— Ага, ma chère!... Какой Левъ Платонычъ?... Разскажите намъ исторію поклона, Петръ Леонтьичъ: это должно-быть прелюбопытная исторія.

— Но обыкновенная...

— Тѣмъ лучше; обыкновенныя исторіи теперь въ ходу.

— Не вѣрьте ему, говорила кузина Пети:—онъ все лжетъ. Я не знаю никакого Льва Платоныча...

— А этотъ брюнетъ, съ усиками, одѣтъ всегда львомъ?

— А! Вотъ онъ — Левъ Платонычъ! А я думала, Богъ знаетъ кто... Чтóжь! особеннаго нѣтъ ничего въ немъ! Да я и видѣла его всего два раза: съ какой-же стати онъ мнѣ кланяется...

— Ну, чтóжь вы, Петръ Леонтьичъ, разсказывайте.

— Я разсказалъ.

— Только-то? Такъ убирайтесь-же отсюда.

И между Петей и нѣсколькими хорошенькими ручками снова завязалась борьба. Петя то-и-знай цаловалъ то одну, то другую изъ нихъ: это была единственная и, надо замѣтить, крѣпкая защита.

— Ну, я вамъ завтра *прочту* «Обыкновенную Исторію», говорилъ онъ: — только не гоните меня.

— Мы ее уже читали. Да она намъ, правду сказать, и неправится: въ ней все не наше.

— Ахъ, mesdames, возразила какая-то блондинка съ томными глазками: — а эпизодъ – любовь Надиньки и Александра, – вы его и забыли?

— Да, да! какъ онъ хорошъ, какъ натураленъ!

И тысячи привѣтствій сыпались на Гончарова за этотъ эпизодъ. Зато все остальное, за исключеніемъ весьма немногаго, подвергалось неумолимому осуж-

денію, потому-что не льстило интересамъ женщины. Рѣшено было, что Гончаровъ писалъ свой романъ, забывши, что въ мірѣ есть читательницы.

— Петръ Леонтьичъ, сказала одна барышня, вообще довольно равнодушная къ романамъ:—вы прочтете намъ завтра «Кто виноватъ?»

— Ахъ, да, да! раздалось со всѣхъ сторонъ.

И вотъ другаго рода похвалы летѣли за Искандеромъ, далеко, далеко, за синее море. Увлеченіе было общее; все пришло въ восторженность; и лица, и слова, и самыя движенія. Воспоминаніе о романѣ всему сообщало горячую симпатію. Живо затронуты были всѣ интересы женскаго чувства, которое здѣсь, понимая Круциферскую какъ *свое*, родное по натурѣ, въ тоже время, не прибѣгая къ анализу, инстинктивно разгадало натуру мужчины — Бельтова... Потомъ раздались въ уборной, — въ этой комнатѣ, назначенной для

того только, чтобъ приводить въ порядокъ то, что́ льстило однимъ глазамъ, — раздались громкія сѣтованія, что такъ долго не печатаются «Записки доктора Крупова». Убѣждены были, что въ нихъ увидятъ окончаніе повѣсти о Бельтовѣ. Это было требованіе уже не одного ума, а души и сердца, глубоко сотрясенныхъ разсказомъ о томъ, что́ таится въ человѣкѣ.

И вдругъ, послѣ такой теплой бесѣды, блондинка, вызвавшая ее, выбѣжала изъ уборной, за ней другая барышня, за той третія, — выбѣжали почти всѣ: тамъ, внизу, музыканты грянули одну изъ безчисленныхъ полекъ Кажинскаго... Такъ все доступно намъ, на все есть въ насъ отголосокъ!...

Петя также хотѣлъ было идти, но, оглянувшись, увидѣлъ, что въ комнатѣ онъ не одинъ: его кузина Анета сидѣла на диванѣ, задумавшись, погруженная въ мысли о чомъ-то или о комъ-то.

— О чомъ вы думаете? спросилъ Петя тихо, вкрадчиво, подходя къ кузинѣ и взявъ ее за обѣ руки.— Счастье иль горе вызвало вашу зздумчивость?

Анета поспѣшно встала и, освобождая свои руки, отвѣчала:

— Горе иль счастье,— для другихъ это не-все-ль равно? У всякаго столько заботъ о самомъ себѣ, что есть-ли время подумать о другомъ...

Петя открывалъ новую сторону въ своей кузинѣ. Любопытство, а за нимъ участіе принудили его упросить Анету пожертвовать ему нѣсколькими минутами разговора. Бываютъ мгновенія, когда мы и при всей нашей скрытности, при всей холодности желаемъ слышать исповѣдь человѣка, до котораго намъ кажется нѣтъ никакого дѣла. А Петя не былъ ни скрытенъ, ни холоденъ, любилъ свою кузину.

— Ты хочешь, чтобы я была откровенна съ тобой? говорила Анета. — Къ

чему поведетъ это желаніе!... Нѣтъ! я тебѣ не скажу ничего...

— Но ты настроена къ откровенности, Анета. Ты чѣмъ-то сильно сотрясена; тебѣ нужно высказаться. Вотъ, напримѣръ, и я бы хотѣлъ открыть, что́ чувствую: женщина, которую я люблю, сегодня была ко мнѣ болѣе расположена, чѣмъ когда-либо... Но я хотѣлъ-бы высказаться не предъ мужчиной, который всегда можетъ остановить мои порывы восторженности какимъ-нибудь словомъ сомнѣнія, но передъ женщиной... Да, да! мнѣ нужны теперь женскія чувства, болѣе теплыя, болѣе воспріимчивыя... Я теперь такъ настроенъ, что могу понимать тебя... Скажи-же мнѣ.

И Петя крѣпко сжималъ руки своей кузины и глядѣлъ ей въ глаза. Анета потупила ихъ и отрицательно качала головой.

— Ты не хочешь сказать мнѣ, что́ тяготитъ тебя, но я понимаю.

— Можетъ-быть.

— Ты любишь, но не любима...

— Вотъ, видишь-ли, ты и ошибся... Неужли не пришло еще время убѣдиться, что женщину можетъ занимать не одна любовь? Развѣ для нея нѣтъ другихъ интересовъ? развѣ одно только положеніе безнадежной любви убійственно? будто ужь и нѣтъ другихъ скорбей, другихъ мукъ?... Такъ и быть, я буду съ тобой откровенна. Слушай-же: я недовольна моей семьей; я бы желала жить въ домѣ болѣе мыслящемъ. Незнаю, какъ это случилось, но я привыкла обожать то, къ чему семья моя холодна; понятія мои далеко не тѣ, что́ у моего отца, матери, братьевъ... Всѣ они смотрятъ на меня, какъ на какое-то чудо, по-своему благоговѣютъ предо мной, всѣ малѣйшія желанія мои исполняютъ, какъ приказаніе... Но я хотѣла бы другаго пониманія...

Анета быстро вышла изъ уборной. Петя долго смотрѣлъ вслѣдъ за ней, потомъ

пошолъ въ залъ. Здѣсь онъ увидѣлъ ее, вальсирующею съ Митей. Ему пришло на мысль ея будущее — и вдругъ, какъ зловѣщее пророчество, вспомнилъ онъ и прочиталъ про себя стихи изъ «Тройки» Некрасова:

«Погрузишься ты въ сонъ непробудный:
Будешь нянчить, работать и ѣсть.
И въ лицѣ твоемъ, полномъ движенья,
Полномъ жизни, появится вдругъ
Выраженье тупаго терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ...»

Прошли два, три часа; протанцовали двѣ, три кадрили, прошли вальсъ, длинный, какъ романы блаженной памяти прошлыхъ годовъ, погалопировали, гастрономически поужинали, послѣ ужина еще немного потанцовали — и разъѣхались по домамъ. Остались только, по купеческому обыкновенію, барышни — подруги невѣсты, гостить у ней надолго, можетъ-быть недѣли на двѣ и болѣе... Виноватъ!... и изъ мужчинъ остались здѣсь двое, давшихъ обѣщаніе бывать у

невѣсты каждый день и уѣзжать послѣдними,—именно Петя и Кузьма Андреичъ. Былъ, правда, и еще человѣкъ, болѣе Пети и Кузьмы Андреича близкій къ невѣстѣ: это старшій братъ ея, Евгеній Васильичъ; но онъ уже давно отправился въ свою комнату, гдѣ и предался сну.

Барышни высыпали въ садъ, несмотря на доказательства Василія Иваныча, что чрезъ это легко можно захворать, потому, де, что трава теперь росиста.

— И ты туда-же, пріятель? говорилъ онъ Кузьмѣ Андреичу, съ которымъ подъ руку по одну сторону шолъ Петя, а по другую Митя.

— А ты думалъ, съ тобой останусь? возразилъ Кузьма Андреичъ. — Пойдемъ и ты съ нами.

— Эй, кумъ, продолжалъ Василій Иванычъ, закуривая сигару: — смотри, не проспи переторжку, — проспишь и барыши.

— Не проспи ты, куманекъ; а за нами такихъ грѣховъ неводилось. Пойдемъ-ка.

— А что̀ это Тихонъ Астафьичъ не былъ у насъ? говорилъ Василій Иванычъ, присоединяясь къ гуляющимъ. — Не знаешь-ли, кумъ, здоровъ-ли онъ?

— Жена не пустила. Развѣ не знаешь, что онъ у нея прикащикъ? Она вмѣсто его и на торги ходитъ. Нечего сказать, добровольно накупился на такую опеку! Зато первыя двѣ жены что̀ твои овцы были... А эта? ростомъ, точно тамбуръ-мажоръ; дородностью, словно купецъ Брюхановъ, Измайлова; голосокъ — на весь міръ слышно... На торгахъ готова всѣхъ перекричать.

— Да у васъ, какъ я слышу, любезный Кузьма Андреичъ, сильная наклонность къ сатирѣ! замѣтилъ Митя, улыбаясь, и посматривая въ даль, т. е. на Катиньку, не знаю почему, махавшую въ это время платкомъ.

— Да, онъ у насъ изъ учоныхъ, добавилъ Василій Иванычъ.

Катинька между-тѣмъ, отдѣлившись отъ своихъ подругъ, шла по другой дорожкѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ.

— Хорошъ, хорошъ! полно смотрѣть! думалъ Петя, поглядывая на сіяющее лицо Мити.

Митя началъ понемногу отставать, потомъ быстро пошолъ къ дому. Катинька остановилась; потомъ, когда Митя вбѣжалъ на лѣстницу, и она пошла къ дому.

— Катишъ, куда ты? спросила ее невѣста.

— За платкомъ.

— Принеси, душечка, и мой. Онъ тамъ, на туалетѣ. Ты его скоро отыщешь: онъ вензелевый. Принеси-же, не забудь.

— Хорошо.

— Никого нѣтъ, говорилъ Митя, пройдя чрезъ всѣ комнаты и возвращаясь назадъ къ столовой, откуда шла лѣстница въ уборную. — Но придетъ-ли она?

Въ дверяхъ мелькнуло бѣлое платье Катиньки. Лучь утренняго солнца, пробиваясь чрезъ стекло, преломился въ голубомъ вѣнкѣ, искусно брошенномъ на ея головку. Бѣлый обшитый кружевами платочекъ, за которымъ шли въ уборную, три раза пересѣкъ воздухъ.

— Катерина Осиповна, это вы?

— Дмитрій Васильичъ... что̀ вы здѣсь дѣлаете?

— А вы за чѣмъ?

— Я? за платкомъ Ленхенъ...

И они подошли другъ къ другу такъ близко, что до поцалуя было уже не далеко.

— Помните, давича вы обѣщали мнѣ сказать что̀-то?

— Да и вы обѣщали... Говорите-же.

Уже послѣ поцалуя одинъ сказалъ: Катинька, а другая: Митя.

Потомъ Катинька порхнула въ уборную, чрезъ минуту возвратилась съ платкомъ Ленхенъ.

— Митя! сказала она.

— Что́?

Но отвѣтъ, къ нашему сожалѣнію, утонулъ въ безднѣ поцалуевъ, послѣ чего Катинька убѣжала въ садъ, а вслѣдъ за ней, простоявъ нѣсколько минутъ у лѣстницы, отправился и Митя.

— О, какъ горячи были ваши поцалуи! шепнулъ ему Петя.

Утро было тихое, — и листочки не говорили. Петя выпускалъ одно табачное колечко за другимъ, какъ бы вѣнчая ими свое замѣчаніе.

— Да ты развѣ видѣлъ?

— Не видѣлъ, а чувствовалъ. А сказалъ для того, чтобъ избавить тебя отъ разсказа.

Но Митя передалъ ему сюжетъ всей исторіи, отъ начала до конца.

Церковные часы ударили пять разъ. Къ воротамъ подъѣхала коляска. Вмѣстѣ съ тѣмъ раздался по саду звучный голосъ Василія Иваныча: пора, пора спать! Отправляйтесь-ка, лебедушки.

— Это мой Степанъ прикатилъ, сказалъ Петя.

— Пора домой, прибавилъ Кузьма Андреичъ, прощаясь съ кумомъ.

— До завтра! до завтра! прощайте! adieu! слышалось съ разныхъ сторонъ.

Василій Иванычъ и Митя вышли за ворота провожать дорогихъ гостей, а невѣста и ея подруги, вошедши въ комнаты, заняли всѣ окна.

Коляска тронулась. Кузьма Андреичъ о чемъ-то спорилъ съ Петей, кажется о томъ, которая дорога ближе къ дому.

— Adieu, mon plaisir! громко сказалъ Петя, глядя на окна.

Кому-же посылалъ онъ это особенное привѣтствіе? какой изъ этихъ блондинокъ и брюнетокъ? Да никакой изъ нихъ. А каждая можетъ-быть думала: вѣроятно мнѣ, и прибавляла: au revoir.

— Уѣхалъ! уѣхалъ! едва слышно сказала Ленхенъ, и что-то похожее на страсть блеснуло въ ея голубыхъ глазахъ, но на одно мгновеніе...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ домѣ Василія Иваныча шла продолжительная, упорная борьба желанія вполнѣ пріобщиться къ новому — со стараніемъ до конца жизни остаться вѣрнымъ сѣдой старинѣ. Кто-же боролся здѣсь и съ кѣмъ? Пять, шесть человѣкъ, молодыхъ, съ однимъ — восьмидесятилѣтнимъ старикомъ.

Старикъ этотъ былъ отецъ Василія Иваныча, Иванъ Савельичъ. Нужно-ли говорить, что онъ, на развалинахъ стараго пирующій его величіе, со страшною ненавистью встрѣчалъ все, что̀ не отзывалось до-Петровской Русью? Старикъ гордился своимъ желѣзнымъ организмомъ, своими физическими силами. —

Отчего я такъ крѣпокъ? говорилъ онъ.— Оттого, что я выросъ на благотворной почвѣ. А вы, молодежь, — отчего вы въ двадцать лѣтъ испытываете всѣ болѣзни души и тѣла,—болѣзни, которымъ прежде и названія не было,— отчего? оттого, что васъ возростилъ садовникъ больной, изнеможенный. Свои немощи привилъ онъ и къ вамъ. — Но старикъ напрасно хвасталъ своими физическими силами, напрасно подымалъ тяжолый костыль свой для наказанія непокорныхъ: никто его не слушалъ. Звученъ былъ его голосъ, это правда; но эхо невторило ему.

Иванъ Савельичъ занималъ двѣ, три комнатки во флигелѣ дома, принадлежащаго его сыну. Здѣсь все носило печать того мнѣнія, слѣды котораго такъ часто и теперь еще встрѣчаешь во многихъ купеческихъ домахъ, — мнѣнія, что богатство меблировки состоитъ въ громадности вещей. Однакожъ все чисто, нигдѣ не пылинки. Но отчего-же старикъ этотъ

такъ возмутительно дѣйствовалъ противъ своего сына и внуковъ потому только, что старый образъ мыслей былъ имъ не-посердцу?...

Вмѣстѣ съ Иваномъ Савельичемъ жилъ его пѣстунъ, кліентъ, слуга — Терентьичъ, обѣднѣвшій мѣщанинъ, родившійся лѣтъ за шестьдесятъ предъ симъ.

Сестра Терентьича, Терентьевна, двумя, тремя годами моложе брата, также съ давнихъ поръ жила въ домѣ Колчановыхъ, вынянчивъ и Василія Иваныча, и дѣтей его.

Тѣсно были связаны между собой эти три лица: связалъ ихъ общій интересъ— это рабское благоговѣніе къ старинѣ, внѣ которой не было для нихъ ничего святого, ничего жизненнаго. Но простимъ имъ, читатель, ихъ заблужденіе: они не вѣдали того, за что̀ возвышали свой голосъ.

Пребываніе Терентьевны на половинѣ Василія Иваныча мѣшало всѣмъ ея членамъ, отъ хозяевъ до слугъ. Ничто ихъ

несвязывало, а напротивъ, все разъединяло. Но развѣ Василій Иванычъ не могъ удалить ее? Конечно могъ, но не хотѣлъ: удаленіе Терентьевны старикъ, отецъ его, принялъ бы за личную себѣ обиду. За это онъ возненавидѣлъ бы сына, какъ блудное, непокорное чадо.

Часовъ въ одиннадцать вечера того дня, какъ Василій Иванычъ праздновалъ обрученье своей дочери, когда на его половинѣ было такъ многолюдно, на половинѣ Ивана Савельича было тихо и мрачно. Два старика, бесѣдуя, ходили по комнатамъ освѣщаемымъ лампадами, повременамъ подходя то къ одному, то къ другому изъ оконъ, и съ тяжолымъ вздохомъ глядѣли на силуэты танцующихъ, рисовавшіеся на сторахъ. Прекрасная музыка, казалось, также непріятно дѣйствовала на ихъ слухъ, какъ сильно страдаетъ ухо артиста, когда онъ слышитъ въ оркестрѣ фальшивую ноту. И приходилось такъ, что тамъ, на одной полови-

нѣ, гремятъ веселые мотивы, а здѣсь, на другой, тихо, почти шопотомъ, два человѣка передаютъ другъ другу печальную повѣсть, полную сѣтованій и скорби.

— Плохія, тяжкія времена пришли къ намъ, Терентьичъ! сказалъ Иванъ Савельичъ, оканчивая вздохомъ, междутѣмъ какъ Терентьичъ началъ вздыхая:

— Скоро, видно, конецъ міра, отецъ мой и благодѣтель.

Вдругъ кто-то постучался въ дверь.

— Кто бы это, Терентьичъ?

— Кажись, сестра. Кто тамъ?

— Я! отвѣчалъ голосъ, сопровождаемый долгимъ кашлемъ.

Терентьевна, опрятно одѣтая, но вся въ чорномъ, вошла въ комнату и низко, чуть не до земли, поклонилась на привѣтствіе Ивана Савельича.

— Садись, Терентьевна! садись, Терентьичъ! ласково сказалъ Иванъ Савельичъ, опускаясь въ тяжолое, жосткое кресло и упираясь о невыкрашенный

полъ своимъ костылемъ. — Что тамъ? продолжалъ онъ.

— Вѣстимо что̀, кормилецъ: забыли Господа Бога, забыли,— до конца заблудились...

— Тонутъ въ грѣхахъ и не внемлютъ гласу спасенія! добавилъ Иванъ Савельичъ.

— Что̀ молодые, что̀ старые, — всѣ заблудились, всѣ во тмѣ ходятъ! продолжала Терентьевна.

— Имъ-ли понимать свѣтъ! сказалъ Терентьичъ, обращаясь къ Ивану Савельичу. — Куда какъ прискорбно тебѣ, благочестивому христіянину, имѣть такого непокорнаго, заблудшагося сына!... да и дѣтки-то его!...

— Яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, Терентьичъ!

И долго еще, долго въ такомъ тонѣ продолжалась ихъ бесѣда. Потомъ? — слезы ручьемъ текли по лицу Ивана Са-

велича; тихо, всхлипывая, плакалъ Терентьичъ, громко рыдала Терентьевна.

Бѣдные старики! О, еслибъ они знали, что оплакиваютъ свое-же собственное заблужденіе!

Лѣтъ до тринадцати Вася ничему не учился; въ тринадцать лѣтъ его посадили за азбуку, черезъ годъ отдали въ лавку пріятеля: пусть, де, сначала поживетъ у чужихъ да узнаетъ жизнь, а потомъ уже и къ своему добру. Такъ узнавали жизнь, конечно съ самой оскорбительной ея стороны, многіе изъ нашихъ купцовъ, такъ узналъ ее и Вася. Но что̀ онъ увидѣлъ въ этой суровой школѣ? Онъ увидѣлъ въ ней, — такъ къ несчастію выпало на его долю, — рядъ только однѣхъ отвратительныхъ личностей, не злодѣевъ, не развратъ, а расколъ ума и цинизмъ, что̀ еще опаснѣе для ребенка. Въ самые нѣжные, впечатлительные года своей жизни брошенный въ чужую семью, могъ-ли онъ послѣ того сознательно любить свою,

родную? Кричали и вопили, что вотъ, де, такой-то отдалъ своего сына на воспитаніе французу: образуютъ, де, изъ него безбожника и блуднаго человѣка; — а не видѣли, что́ дѣлаютъ сами, приневоливая свое родное дитя, при рожденіи котораго проливали слезы радости, служить другимъ, слышать грубости хозяина, переносить толчки прикащиковъ, и для того только, чтобъ онъ чрезъ это пріобрѣлъ право имѣть слугъ у себя, могъ требовать послушанія, выучившись повиноваться!.. Мудрая школа! зато какъ и благотворны слѣды ея!... И вотъ нашъ Вася два года служилъ чужимъ, худо спалъ, не досыта ѣлъ; а у отца между-тѣмъ было двѣсти тысячъ капиталу да двѣ, три лавки!

Но у Васи былъ другой, болѣе чадолюбивый, болѣе благородный и умный отецъ — природа. Она, правда, не надѣлила его блестящими способностями, но взамѣнъ ихъ дала ему, — что́ часто благодѣтельнѣе талантовъ, — дала ему здра-

вый смыслъ, глубокое пониманіе добра и зла. Вася узналъ зло во всей его наготѣ, но не заразился имъ, — пріобрѣлъ, правда, нѣсколько грубыхъ привычекъ, по впослѣдствіи сбросилъ ихъ. Тутъ судьба послала ему новаго воспитателя. Вася родился въ сорочкѣ: старое повѣрье даетъ такимъ людямъ въ спутники счастіе. Въ томъ домѣ, гдѣ квартировалъ Иванъ Савельичъ, жилъ какой-то учитель. Онъ познакомился съ Васей. Они полюбили другъ друга, каждый посвоему. — «Хочешь учиться, Василій Иванычъ?» спросилъ его однажды учитель, когда Вася разсказалъ ему исторію своего дѣтства. Вася жаркими объятіями высказалъ свое пламенное желаніе. Началось ученье, продолжавшееся года два, урывками, въ свободные отъ торговли часы, тайкомъ отъ отца. Не многому выучился Вася, зато перелилъ въ свою кровь убѣжденіе, что не учиться — преступленіе противъ природы и человѣчества. Въ торговлѣ

онъ встрѣчалъ постоянныя удачи. Прикащики боялись его. За ними всюду слѣдилъ наблюдательный глазъ молодого хозяина, и они, отходя отъ него, уже не имѣли случая открыть собственную лавку. Иванъ Савельичъ радовался, приписывая успѣхи торговли воспитанію Васи въ лавкѣ своего пріятеля. Василій Иванычъ, вращаясь въ купеческомъ быту, умѣлъ понять его очень ясно: его нужды, требованія, возможность его усовершенствованія. Но какъ достигнуть послѣдняго? какъ? Рядъ мыслей, одна за другой, подступали къ Василію Иванычу, но онъ со вздохомъ разставался съ ними, испуганный ихъ смѣлостію.

Едва только Василію Иванычу исполнилось двадцать два года, его женили, т. е. отецъ сказалъ ему: Сынъ мой! я выбралъ для тебя дѣвушку благочестивыхъ родителей; женись на ней. — Но я не знаю ея, возразилъ сынъ. — Да я знаю! воскликнулъ отецъ. — Но я еще

такъ молодъ, замѣтилъ сынъ. — Что? ты еще разсуждать вздумалъ! Женись — и все твое; а нѣтъ, такъ ничего не получишь. Тѣмъ и дѣло кончилось: Василій Иванычъ женился. Къ счастію, жена его была женщина хотя безъ всякаго образованія, но добрая, все предоставившая на распоряженіе мужа. Подаривъ ему нѣсколько дѣтей, она умерла. Василій Иванычъ не хотѣлъ жениться во второй разъ и обратилъ все свое вниманіе на воспитаніе дѣтей.

Чѣмъ старѣе становился Иванъ Савельичъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе проявлялась независимость въ Василіи Иванычѣ. Между отцомъ и сыномъ началась никѣмъ незримая, но тѣмъ не менѣе жестокая семейная распря. Но Василій Иванычъ, отстаивая свои права, по возможности щадилъ старика. Иванъ Савельичъ усталъ наконецъ бороться, и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ сына.

Есть семейства, на которыя природа исключительно обращаетъ свои ласки. Она если и не надѣляетъ ихъ членовъ талантомъ творчества, то все-таки и въ средѣ обыкновенныхъ людей даетъ имъ положеніе, рѣзко замѣтное. Семейство Василія Иваныча состояло именно изъ такихъ членовъ.

Такъ и старшій сынъ Колчанова, Евгеній Васильичъ, не призванный удивлять общество, могъ быть однакожъ съ почотнымъ мѣстечкомъ въ немъ. Въ настоящее время онъ дослушивалъ послѣдній университетскій курсъ. Сначала было шолъ онъ по первому отдѣленію философскаго факультета, но однажды какой-то студентъ увлекъ его въ аудиторію, гдѣ читалась одна изъ отраслей юридическихъ наукъ. Онъ слушалъ лекцію со вниманіемъ, пришолъ домой, вздумалъ испытать себя — и открылъ, что у него блестящая память. Евгеній посѣтилъ еще нѣсколько лекцій, и экзаменъ его при пе-

реходѣ во второй курсъ былъ такъ логиченъ, дальнѣйшія занятія полны такого яснаго пониманія науки, что Евгеній ужь не мечталъ, а твердо былъ увѣренъ въ своей блестящей будущности. Независимо отъ любви къ знанію, онъ быстро шолъ по своему пути подстрекаемый честолюбіемъ, котораго былъ нечуждъ, даже въ избыткѣ. Среду, въ которой онъ родился, Евгеній уже считалъ тѣсною для своей дѣятельности, и вотъ онъ мало-по-малу сталъ отвыкать отъ нея. Тамъ, за этой средой, было искусительное поприще почестей и наградъ; тамъ открывался завидный случай дѣйствовать на массу, а не на однихъ только избранныхъ. Евгеній не могъ сойтись ни съ братомъ своимъ Митей, ни съ Петей; зато онъ сблизился, и въ короткое время, съ женихомъ сестры своей.

Василій Иванычъ сначала обращалъ свои отеческія ласки исключительно на первенца; Евгеній, думалъ онъ, останет-

ся образованнымъ купцомъ, женится на купеческой дочери, и такимъ образомъ купеческой домъ Колчановыхъ будетъ все рости и крѣпнуть, и подаритъ отечеству десятки полезныхъ гражданъ — все купцовъ. Но когда Евгеній открылъ отцу свое призваніе, Василій Иванычъ благословилъ его и обратился съ надеждой осуществленія своей мечты къ Митѣ. Чѣмъ больше узнавалъ онъ сына, тѣмъ горячѣе становилась его любовь къ нему, тѣмъ родственнѣе дѣлались ихъ взаимныя отношенія, обратившіяся наконецъ въ дружбу. Зоркій глазъ отца, открывая въ Митѣ черты характера свѣтлыя, утѣшительныя, въ тоже время съ ужасомъ замѣтилъ, что сложеніе его болѣзненно, что онъ чрезвычайно слабъ. Было-ли это слѣдствіемъ его физическаго устройства, или причина этого лежала въ его слишкомъ рано развившейся натурѣ, — отецъ недоискивался. Съ него было довольно, что сынъ его, его новый любимецъ,

страдаетъ, чтобъ самому страдать. Испуганное воображеніе его находило въ Митѣ такія болѣзни, какихъ вовсе и не было. Но тѣмъ горячѣе Василій Иванычъ любилъ Митю и, какъ-бы предчувствуя его близкую смерть, хотѣлъ какъ можно скорѣе и больше излить на него всю свою привязанность.

По образованію Митя былъ энциклопедистъ. Начитанность его изумляла. — А гдѣ вы учились? спрашивали его? — Дома. — Дома?! — Но чтóжь было тутъ удивительнаго? Какъ-же не придти въ удивленіе спрашивающимъ Митю, когда они убѣждены, что только университетъ можетъ дать человѣку образованіе?

Говоря о Василіѣ Иванычѣ, мы намекнули о его пониманіи купеческаго общества, о мысляхъ, приступившихъ къ нему, какъ неизбѣжное слѣдствіе этого пониманія, но которыхъ онъ однакожъ, за ихъ смѣлостію, испугался, никому ихъ невысказавши. Но Василій Иванычъ у-

слышалъ ихъ отъ своего Мити, и еще яснѣе, сознательнѣе. Жарки и продолжительны были бесѣды отца съ сыномъ о любимомъ предметѣ — о возможности усовершенствованія ихъ среды. Тоже самое убѣжденіе раздѣлялъ и Петя; но его идеалъ, какъ мы видѣли, являлся въ будущемъ, что̀ было такъ разумно и рѣшительно неопровержимо. Митя-же, при всемъ своемъ здравомъ смыслѣ, до того развилъ свое убѣжденіе, что перевелъ его въ заблужденіе: онъ искалъ идеалъ въ настоящемъ, насилуя время и обстоятельства. Весьма естественно, Митѣ необходимымъ являлось тѣснѣйшее знакомство съ его средой. Онъ такъ и сдѣлалъ: онъ посѣщалъ и купеческіе дома, богатые и бѣдные, и самыхъ мѣщанъ. Встрѣчаясь съ явленіями утѣшительными, онъ конечно находилъ здѣсь и людей, возбуждавшихъ сильное отвращеніе. Такія встрѣчи, неизбѣжныя по порядку вещей, приводили его въ изступленіе, которое, въ

свой чередъ, болѣзненно дѣйствовало на его организмъ. И онъ, до безумія любившій свою среду, часто восклицалъ: какъ она грязна! да возможно-ли для нея усовершенствованіе! И тотчасъ-же послѣ такихъ вспышекъ онъ садился къ столу и, не отдыхая, нѣсколько часовъ писалъ проекты и предположенія на тэму своей любимой мечты. Тутъ онъ отдавался своимъ собратамъ весь, умомъ и сердцемъ, и кидалъ перо только тогда, когда былъ уже совершенно измученъ работой. Полны были ума, рѣзкихъ истинъ, душевной теплоты, искандеровской симпатіи эти диссертаціи, замѣтки ученаго купца; но возможность исполненія ихъ на дѣлѣ лежала только въ будущемъ. И Митя, еслибъ даже и напалъ на слѣдъ этой мысли, никакъ-бы не примирился съ ней. Всѣ его стремленія осуждались на смерть, потому-что самъ онъ родился слишкомъ рано. А успокоиться, какъ Петя, въ пріятномъ ожиданіи, что на долю будущаго

поколѣнія выпадетъ завидный жребій осуществить имъ желанное, было не въ его натурѣ, тревожной и раздражительной. Митя приготовлялъ свои записки къ изданію въ свѣтъ, но неуспѣлъ. Да это было-бы и безполезно: его поняли бы немногіе, избранные, но не поняла бы вся среда. Бывало еще, что Митя являлся судьей судей своего общества: тутъ онъ олицетворялъ въ себѣ весь типъ грозной Немезиды. Но и здѣсь, стараясь возвысить купечество въ общественномъ мнѣніи, онъ весьма часто встрѣчался съ дѣйствительностію, коловшею его своими острыми иглами. И такимъ образомъ боролся съ самимъ собой этотъ человѣкъ и то падалъ, то возвышался. Это была своего рода грустная драма!... Зато въ какомъ колоссальномъ величіи вставалъ предъ нимъ кто-нибудь отличившійся изъ его среды! Могъ-ли онъ потому не увлечься мѣщаниномъ Кольцовымъ, купцомъ Полевымъ... и какъ сильно оскорблялся

онъ, когда припоминалъ рядъ нападокъ, взводимыхъ на покойнаго Полеваго при его жизни! Здѣсь и самъ Митя приходилъ къ ничѣмъ не подкрѣпленному предположенію: это была личная ненависть къ нему — какъ къ купцу! восклицалъ онъ.

Такъ, служа своему убѣжденію, сходясь съ дѣйствительностію и возвышаясь надъ нею, проводилъ время Дмитрій Васильичъ Колчановъ, до тѣхъ поръ, пока любовь не пришла къ нему пополнить его чувства, къ мысли присоединить страсть.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго въ первой главѣ, близко къ полночи, Митя сидѣлъ у отвореннаго окна своей комнаты и на этотъ разъ болѣе думалъ о Катинькѣ, нежели о проэктахъ. Любилъ онъ не въ первый разъ, тѣмъ не менѣе любилъ горячо. Всего только пять дней прошло, какъ онъ узналъ, что и его любятъ. Онъ еще и не думалъ, что̀-жь изъ

этого будетъ. Пять дней... легко сказать, пять дней!... находился онъ подъ постояннымъ вліяніемъ любимаго предмета. Куда ни пойдетъ Митя,— въ садъ-ли, въ гостиную-ли, — вездѣ *она*, все таже Катинька: здѣсь она страстно взглянетъ на него, пожметъ его руку, тамъ скажетъ ему слово любви, а тамъ, пользуясь благодѣтельнымъ en deux, даже и поцалуетъ его, крѣпко-крѣпко, скажетъ ему, припадая къ его плечу: милый мой! незнаю, за что̀ я такъ люблю тебя!...

Итакъ, Митя думалъ о Катинькѣ, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то проходитъ по сосѣдней комнатѣ. — Не она-ли? подумалъ онъ, вскочивъ со стула. *Она!* замѣтилъ бы я ему: — только не Катинька, а сестра твоя.

— Ленхенъ! вскричалъ Митя.

— Да, это я, сказала Ленхенъ, предлагая брату пожатіе руки.

Митя едва прикоснулся къ ея рукѣ,

потомъ сѣлъ на прежнее мѣсто и началъ смотрѣть на улицу.

Досада бросила свой слѣдъ на щеки Ленхенъ; она хотѣла было уйти, но...

— Какая обидная холодность! вскричала она.—Братъ и сестра – чужіе; какъ это мило!

Митя ничего не сказалъ на это, только видно было, что слова сестры раздражаютъ его.

— За что́-жь ты не любишь сестру твою? а?

Въ голосѣ Ленхенъ было столько упрекающаго, столько грусти, что Митя невыдержалъ и вскочилъ со стула.

— Какой дикой вопросъ, Елена! Кто тебѣ сказалъ, что я не люблю тебя?...

— Но ты такъ холоденъ, такъ часто жестокъ со мной...

— Но развѣ нѣтъ привязанности, и самой теплой, безъ постоянныхъ ухаживаній, безъ пышныхъ словъ и обниманій? прервалъ Митя; потомъ, когда Ленхенъ

опустилась на диванъ, онъ сѣлъ подлѣ нея и продолжалъ: — Скажи, о чомъ ты хочешь говорить со мной?

— Я знала, что ты долго не ложишься спать... Я пришла поговорить съ тобой... Вѣдь я скоро ухожу отъ васъ...

— Ну.

— Ты говоришь, что любишь меня...

— Ахъ, Елена, пожалуйста, безъ предисловій!

— Но зачѣмъ ты такъ невнимателенъ...

— Довольно, сестра, довольно! я понимаю, о комъ хочешь ты говорить... о женихѣ твоемъ, – неправда-ли?... Я готовъ всю ночь проговорить съ тобой о чомъ хочешь, только не о немъ, не о вашей сватьбѣ, не о твоей будущности: это возмущаетъ меня... Уйди, сестра, уйди!...

Ленхенъ въ негодованіи вскочила со стула.

— Какъ это гадко, какъ это отвратительно, Димитрій! говорила она. — Сестра пришла къ тебѣ посовѣтываться о своемъ будущемъ положеніи, а ты гонишь ее... И за что̀ ты ненавидишь человѣка, который несдѣлалъ тебѣ ничего худого?... Ты не хочешь говорить со мной? Что̀-жь! потери нѣтъ... Ты эгоистъ, но и я не безъ гордости.

— Да, сестра, думалъ Митя, провожая Ленхенъ глазами: — да! это правда: ты горда. А гордость погубитъ тебя... Но чему-жь ты жертвуешь собой? будто бы почестямъ, званію мужа? для чего ты изъ родной среды выходишь въ среду для тебя чуждую?... Тебя она приметъ ласково, будетъ изумляться твоему развитію; но твоихъ родныхъ, тѣхъ, которые одѣваются по-старому, которые, къ несчастію, мало чему учились, — что если мужъ твой осмѣетъ ихъ, запретъ имъ двери своего дома? что̀ тогда? Вѣдь твоя благородная, гордая натура содрогнется...

Ты будешь страдать... Послѣ взаимныхъ неуступокъ начнется семейный раздоръ... Мужа ты разлюбишь, пожалуй еще и возненавидишь... Вотъ твоя будущность!... Такъ вотъ къ чему ты стремишься, Елена!... Ты пришла къ брату за совѣтомъ? Но такихъ больныхъ, какъ ты, лечить невозможно... Вотъ когда ты будешь изнемогать въ борьбѣ твоей оскорбленной гордости съ формой, по которой ты должна вести себя въ отношеніи къ супругу,—тогда, если ты обратишься ко мнѣ, тогда приду я выручать тебя...

Въ комнату поспѣшно вошолъ Иванъ.

— Что̀ ты?

— Елена Васильевна просятъ васъ пожаловать.

— Гдѣ она?

— Въ саду-съ... А скоро будете ложиться, Дмитрій Васильичъ?

— Ступай, спи; я обойдусь и безъ тебя. — Что̀ она еще хочетъ отъ меня?

спрашивалъ себя Митя, спускаясь по лѣстницѣ.

Темно и тихо было въ саду. Митя пробирался по извилистымъ дорожкамъ къ бесѣдкѣ: тамъ свѣтился огонекъ и тамъ, по обыкновенію, сидѣла Ленхенъ. Митя взглянулъ на небо, усѣянное звѣздочками, — и память его вызвала предъ него Леверрье, его тріумфъ. Онъ вздохнулъ, вспомнилъ свои занятія, сознался въ возможности своей *дѣлать*. Сколько было путей! а онъ всѣ ихъ бросилъ и пошолъ по дорогѣ тернистой... Кто знаетъ, гдѣ конецъ ея? и дойдешь-ли до конца! не умреть-ли на полдорогѣ?... Вѣдь не все желанное выполняется... Вдругъ пролетѣла падающая звѣзда и потухла — и Митя улыбнулся: онъ вспомнилъ повѣрье, такъ убѣдительно дѣйствовавшее на него въ дѣтствѣ: если съ неба упадетъ звѣздочка, это значитъ, что на землѣ умеръ кто-то; это его звѣздочка потухла, а при рожденіи его загорѣлась она въ небѣ...

чья свѣтлѣе горитъ, тотъ и счастливѣе...

Митя вошолъ въ бесѣдку — и, пораженный, остановился въ дверяхъ: у столика, рядомъ съ Ленхенъ, сидѣла Катинька, закрывшаяся въ эту минуту платочкомъ.

— Митя, говорила Ленхенъ, подводя брата къ Катинькѣ: — Катинька хотѣла тебя видѣть, говорить съ тобой.

Но Митя ни на шагъ впередъ, словно его въ бездну толкали.

— Одинъ молчитъ, какъ будто созерцаетъ прекрасную, но безжизненную статую, продолжала Ленхенъ, улыбаясь и отъ своего высокаго слога, и отъ картиннаго положенія влюбленныхъ: — а другая несмѣетъ перемѣнить и позы своей, закрывшись платочкомъ, какъ-будто занимаетъ роль въ живой картинѣ. Да встань-же, Катишъ, да взгляни.

Катинька, не открывая лица, медленно подымалась со скамьи... конфузилась,

бѣдная! а чего? любви! Вотъ тебѣ и благороднѣйшее, примѣрное чувство!... И Митя не перемѣнялъ своего положенія: потупивъ голову, изъ-подлобья посматривалъ онъ на Катиньку. Можетъ-быть эта сцена для нашихъ влюбленныхъ и имѣла свой языкъ, но для Ленхенъ казалась она крайне безсмысленною.

— Ахъ, какіе-же вы скучные! вскричала она, вырывая у Кати платокъ, а Митю взявъ за подбородокъ, чтобъ выпрямить его лицо.

Катинька сдѣлала движеніе къ Митѣ, Митя приблизился къ ней. На одномъ шагу разстоянія другъ отъ друга они оба потупились, оба молчали... Вылетали правда изъ ихъ устъ какіе-то звуки, также очень, очень немногими понимаемые, какъ и іероглифы; Ленхенъ-же, къ сожалѣнію, не могла встать въ уровень ни съ Шамполіономъ младшимъ, ни съ барономъ Брамбеусомъ, хоть, вовсе не зная

перваго, и читывала весьма усердно послѣдняго.

— Ну, пойдемте-же въ садъ, продолжала Ленхенъ. — Можетъ-быть темнота наведетъ на васъ болѣе свѣтлыя мысли, ато теперь, при огнѣ, вы смотрите какъ-то неловко, приторно, какъ актеръ и актрисса, не понявшіе автора.

И Ленхенъ вытолкнула Митю, а потомъ и Катиньку; вслѣдъ за ними пошла и сама.

— Счастливцы! думала она. — И я когда-то была любима... Что̀ съ нимъ?

«Не призвать невозвратимаго...» прибавила она вполголоса и потомъ громко запѣла какой-то веселый романсъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Петя жилъ въ большомъ домѣ; окна его квартиры выходили на *большую* улицу. На однѣхъ сѣняхъ съ Петиной квартирой, визави, въ трехъ комнатахъ, независимо отъ кухни и прихожей, помѣщался, съ своими прикащиками и двумя племянниками, Кузьма Андреичъ. Въ этомъ большомъ домѣ были всѣ удобства, все подъ рукой: прежде всего отель — обстоятельство весьма важное, какъ справедливо замѣчалъ Петя; во-вторыхъ, хитрая вывѣска, съ изящно-нарисованными мусье и мамзелью въ вѣчно модныхъ прическахъ, давнымъ-давно уже между-тѣмъ перешедшихъ въ «преданье старины глубокой»; далѣе, необыкновен-

но аппетитная булочная, на одно изъ оконъ которой взирать равнодушно могло одно только безвкусіе; потомъ, мелочная и фруктовая лавка, въ которой ни за-какія деньги нельзя было найти именно того, что̀ значилось на вывѣскѣ, между прочимъ растущихъ ананасовъ, на половину разрѣзанной дыни, арбуза съ вырѣзаннымъ кускомъ. Но это еще не все: въ вышеозначенномъ большомъ домѣ обиталъ портной, нѣмецъ, изъ Парижа, съ весьма оскорбительной для слуха фамиліей, въ рускомъ переводѣ; потомъ слѣдовала вывѣска: Моды и платья, съ прибавленіемъ французскаго поясненія, что̀ это значитъ. Картинки, симметрически расположенныя на одномъ изъ оконъ, по обыкновенію, привлекали похвальное руское любопытство мамокъ, нянекъ и ихъ питомцевъ. Живыя-же картинки, въ другомъ окнѣ, — яснѣе: хорошенькія швеи, безъ отдыха возводили до степени кипяченія алую кровь не только однихъ мон-

шеровъ того прихода, но и вообще всей золотой молодежи нашей столицы. Наконецъ въ этомъ большомъ домѣ нескромная надпись гласила: Экзаменованная, привиллегированная бабушка NN, и палецъ, на ней нарисованный, очень не ясно указывалъ на четвертый этажъ. Слѣдуетъ замѣтить, что бабушкѣ этой было не болѣе девятнадцати лѣтъ. Прочее-же, напримѣръ: шиттовской погребъ, табачное и сигарное депо, кандитерскую, нѣмецкую колбасную, легко было найти по сосѣдству. По сосѣдству-же во многихъ домахъ находилось и кое-что́ другое, что̀ перечислять затруднительно, но что́ однакожъ мѣтко характеризировало цивилизацію большихъ улицъ. Ко всему этому нужно добавить еще и то̀, что весьма близко отъ описываемаго дома находился Большой театръ и не очень далеко отстоялъ Невской проспектъ; а Петя былъ не прочь ни отъ балетовъ, оперы и маскарадовъ, ни отъ вечернихъ прогулокъ.

День былъ воскресный. Въ растворенныя окна одной изъ комнатъ Петиной квартиры дулъ прохладный вѣтерокъ, пріятно дѣйствуя на стоявшаго подлѣ окна Кузьму Андреича и на Петю, занимавшагося разрѣзываніемъ только что полученнаго нумера Отечественныхъ Записокъ. Кузьма Андреичъ по временамъ пощолкивалъ по табакеркѣ, Петя — взглядывалъ на не большой столикъ, или, вѣрнѣе, на пирогъ съ говядиной, графинчикъ водки и бутылку портфактори.

Вдругъ Кузьма Андреичъ отошолъ отъ окна, проходился по комнатѣ, выпилъ рюмку водки, остановился передъ Петей.

— Петръ Леонтьичъ! сказалъ онъ.

Кузьма Андреичъ называлъ своего пріятеля попросту — Петей; когда-же титуловалъ его по имени и отчеству, это значило что-нибудь важное. Петя потому и приготовился слушать его со вниманіемъ.

— Я хочу оставить торговлю, продолжалъ Кузьма Андреичъ.

— Это отчего?

— Хочется заняться чѣмъ-нибудь другимъ, и повыгоднѣе, и позамысловатѣе.

— Чѣмъ-же?

— Откроемъ заводъ, братъ Петръ Леонтьичъ.

— Пожалуй; только какой?

Кузьма Андреичъ сказалъ Пети, что̀ это за заводъ, потомъ прибавилъ:

— Не пугайся новизны: у меня все расчитано, на все наведена смѣта. Конечно на первыхъ годахъ въ барышѣ не будемъ, зато послѣ золотымъ дождемъ польется наше дѣло.

— Ну, а на счотъ денегъ?

— Безъ компаніи нечего и затѣвать. Вотъ что̀: я положу вкладъ своихъ полторасто тысячъ, продавши товаръ въ лавкахъ и заплативши долги; ты внесешь въ компанію столько-же, да и Митя Колча-

новъ не откажется быть компаніономъ. Стало быть въ компаніи будетъ всего на все четыреста пятьдесятъ тысячъ...

— И Николю Деревнева можно пригласить, перебилъ Петя.

— Нѣтъ: довольно сначала и троихъ. Пусть Деревневъ числится на вакансіи...

— Ну, чтòжь дальше? нетерпѣливо спросилъ Петя, заинтересованный предметомъ разговора.

— А дальше вотъ чтò: тебѣ нужно позаняться механикой; ты знаешь ее слабо. При заводѣ понадобится много сложныхъ машинъ. Вотъ, напримѣръ, эта...

И Кузьма Андреичъ вынулъ изъ бумажника чертежъ и продолжалъ:

— Вотъ я растолкую тебѣ; только неперебивай. — Понялъ? спросилъ онъ по окончаніи лекціи.

— Не все.

Кузьма Андреичъ растолковалъ еще разъ.

— Ну, теперь понялъ-ли?

— Теперь понялъ.

— Ну-ка, разскажи.

Петя разсказалъ. Кузьма Андреичъ остался очень доволенъ.

— Идетъ-ли? вскричалъ онъ.

— Идетъ!

И они ударили по рукамъ и принялись за пирогъ. Разговоръ коснулся потомъ Англіи и ея промышленности; это былъ конекъ Кузьмы Андреича.

— Англійская промышленность! съ одушевленіемъ восклицалъ онъ. — Англія!... А чтó за народъ эти англичане!... Господи, Боже мой! чтò за народъ! чтò за смётка! какой духъ торговый! изъ всякихъ пустяковъ, изъ всякой дряни — все у нихъ золото!... Паръ!... паръ!... гм!... торговые дома... компаніи... желѣзныя дороги... чего только нѣтъ!... Компанія!... гм! чтò для торговли, для фабрикаціи можетъ быть важнѣе компаніи?... А единодушіе-то!... Нето, чтò на-

ши: словно Крылова полканъ и барбосъ!.. Возникни-ка у насъ компаніи, пусть русскіе купцы-богачи соединятъ свои капиталы... Да и были, правда, онѣ, да вышла-ли изъ нихъ какая польза!... Какіе наши компаніоны! на первой порѣ въ брань да въ ссору... Компанія!... Понимаешь-ли ты, Петръ Леонтьичъ, что̀ такое компанія, гдѣ нѣсколько умовъ обдумываютъ одну думу, нѣсколько рукъ работаютъ одно дѣло, гдѣ сотни кораблей плывутъ къ одной цѣли?... а?...

Кузьма Андреичъ былъ въ полномъ экстазѣ, махалъ руками, брызгалъ Пети въ лицо. Помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ въ тѣхъ-же крупныхъ размѣрахъ, потирая руки:

— А вотъ когда русская земелька изполосится рельсами... Желѣзныя дороги!... гм! Понимаешь-ли ты, дружище, что это за огонь-птица?... Когда наши купцы убѣдятся, что въ торговлѣ участіе одного только аршина еще недостаточно.

Кузьма Андреичъ опять помолчалъ, потомъ снова воодушевился.

— Ну?... слышишь, Петя?... тогда явятся и у насъ компаніи, торговые дома... Но теперь пришло однакожъ время заложить фундаментъ будущему великому зданію коммерціи!... Нужно-же кому-нибудь начать... Знаешь пословицу: лиха бѣда — начало?... Слышишь?...

— И мы начнемъ это дѣло нашимъ заводомъ, любезнѣйшій Кузьма Андреичъ...

— Да ты чудесно попадаешь въ цѣль, Петръ Леонтьичъ!

И они снова ударили по рукамъ и оба засмѣялись.

— А потомъ, лѣтъ черезъ десять, продолжалъ Петя: — когда...

— Когда мы окредитуемъ себя въ публикѣ, прервалъ Кузьма Андреичъ: — тогда... знаешь-ли, что̀ тогда?...

— Тогда мы выстроимъ другой заводъ...

— Ну, этого еще мало. А вотъ что̀: мы спустимъ на воду три, четыре кораблика, года черезъ два еще столько...

— А еще лѣтъ черезъ десять, когда...

— Когда, указывая на нашъ заводъ и кораблики, скажутъ: ого! да они, какъ видно, люди-то смышленые, что̀ твои...

— Англичане! воскликнулъ Петя, одушевляясь увлеченіемъ Кузьмы Андреича.

— Да, именно, какъ англичане...

— Тогда, прибавилъ Петя: — мы составимъ торговый домъ, двинемъ въ оборотъ наши капиталы — и...

— Наши имена узнаетъ торговый Лондонъ! перебилъ, въ свой чередъ, Кузьма Андреичъ. — Мы – банкиры... Слышишь-ли, Петя?... русской купецъ – банкиръ!... каково!... А потомъ, лѣтъ черезъ десять, когда...

— Когда мы умремъ?...

— Умремъ?! повторилъ Кузьма Андреичъ, озадаченный и весьма недовольный тѣмъ, что нить его жаркихъ монологовъ

была прервана такимъ неумѣстнымъ замѣчаніемъ. — Умремъ! это дрянь дѣло. А вѣдь надо-же умереть, добавилъ онъ грустнымъ тономъ.

Петя принялъ гордую позу; его магнетическіе глаза были полны ихъ силы. Рѣзко, убѣдительно отвѣчалъ онъ:

— Ничего, Кузьма Андреичъ: это еще не бѣда. Умирать не страшно, когда знаешь, что ты прожилъ не даромъ, что зданіе, которое ты воздвигнулъ, послѣ тебя укрѣпитъ и подправитъ болѣе насъ свѣдущій архитекторъ — новое поколѣніе, уже вполнѣ развившееся... А живя долѣе, мы, старики, пожалуй, только помѣшали бы молодымъ, нашимъ дѣтямъ...

— Дѣтямъ?!.. гм!... а я было не хотѣлъ жениться... Ну, да ничего: не будетъ сыновей, такъ есть племянники, думалъ Кузьма Андреичъ.

Петя продолжалъ:

Нашъ примѣръ неминуемо увлечетъ многихъ, — и тогда-то явятся ваши компаніи, торговые дома. И послѣ нашей смерти, чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда наша среда въ духѣ народномъ выскажетъ свои идеи о коммерціи, — тогда-то начнется жатва, Кузьма Андреичъ... тогда-то только бы возстать да подивиться тому гиганту, что̀ сидитъ на конѣ на самомъ видномъ мѣстѣ въ Петербургѣ... и чрезъ насъ... слышите-ли?... время совершитъ реформу!... Вы, вѣроятно не одинъ разъ, видѣли, какъ на Невѣ, на бѣгу, англичанинъ и русской перегоняютъ другъ друга на рысакахъ или на конькахъ: такъ впослѣдствіи на океанахъ и моряхъ будутъ перегонять другъ друга англійскіе и русскіе коммерческіе корабли.... тогда...

— Тогда взаимные интересы торговли Англіи и Россіи образуютъ какой-то новый, невѣдомый до сихъ поръ коммерческій союзъ... тогда двѣ коммерціи вста-

нутъ подъ одинъ, общій флагъ, — не такъ-ли? а? заключилъ Кузьма Андреичъ.

— Какая смѣлая, гигантская мысль! подумалъ Петя. Но боясь, чтобъ предположенія не перешли въ фантазію, онъ рѣшился прервать ихъ нить.

— Тогда будетъ что̀-то, чего мы съ вами не знаемъ! весело вскричалъ онъ.

Кто-то осыпа̀лъ Петю и Кузьму Андреича самыми радушными рукоплесканіями.

— Браво, господа, браво! говорилъ Митя, входя въ комнату. — Вотъ уже четверть часа, какъ я слушаю васъ. Но нельзя-ли узнать въ подробности, въ чомъ дѣло?

Ему объяснили.

— Идетъ-ли? воскликнули, въ одинъ голосъ, Петя и Кузьма Андреичъ.

— Идетъ! торжественно провозгласилъ Митя.

— Но на чье-же имя будетъ у насъ заводъ? спросилъ Кузьма Андреичъ.

— Разумѣется на ваше.

Лицо Кузьмы Андреича приняло самый праздничный видъ; онъ улыбался, принималъ различныя позы, на которыя способенъ человѣкъ только вполнѣ довольный собой, потиралъ руки — и вдругъ засмѣялся. Засмѣялись и Петя, и Митя.

Кузьма Андреичъ опять прибѣгъ къ монологу.

— На мое имя! говорилъ онъ. — Хе, хе! на мое имя!... *Такой-то* заводъ Кузьмина и компаніи!... гм!... — А кто у васъ компаніоны? спроситъ кто-нибудь. — У меня-съ? — Да-съ, у васъ? — У насъ-съ?! вопервыхъ, Дмитрій Васильичъ Колчановъ... — Ого! — Да-съ! слыхали вы эту фамилію?... Потомъ Петръ Леонтьичъ Красновъ... — Будто? — Да-съ? и про него, чай, слыхивали?... Да на вакансіи еще одинъ компаніонъ: Николай Иванычъ Деревневъ... И этого знаете?..

Люди-то все, какъ видите, съ кредитомъ, съ вѣсомъ... Кое какихъ-то я и не пригласилъ бы въ компанію: тоже кое-что̀ маракуемъ...

— Скоро три часа, перебилъ Митя. Сбирайтесь-же, господа. Ато мы заставимъ ждать себя.

— Я готовъ, вотъ только схожу за племянниками, возразилъ Кузьма Андреичъ, уходя.

— У васъ сегодня опять танцы? спросилъ Петя.

— Да.

— И множество народу?

— Кажется, что такъ.

— Такъ опять я долженъ быть во фракѣ!... Это меня бѣситъ!...

— Что̀жь дѣлать, если такъ принято.

— Принято!... Нѣтъ у человѣка воли, рѣшительно нѣтъ! Вотъ хоть-бы я напримѣръ хотѣлъ надѣть сюртукъ: оно и пріятнѣе мнѣ, и вольнѣе, — да не могу. Не-

надѣнь только, такъ со всѣхъ сторонъ закричатъ: неприлично!...

— Да ну, одѣвайся-же.

Петя позвонилъ: вошолъ человѣкъ, и начался туалетъ.

— Вотъ завиться такъ люблю: тутъ выигрываетъ моя физіономія. Ито завиться такъ, слегка, будто невзначай, «въ неглиже съ отвагой», какъ выражается мой привиллегированный парикмахеръ... Это, братецъ мой, значитъ имѣть вкусъ... А фракъ только уродуетъ меня...

— Да скоро-ли?

— Готовъ, отвѣчалъ Петя, подходя къ окну.— На кого это ты такъ пристально смотришь?...

— Погляди-ка: вонъ двѣ барышни...

— Много ихъ здѣсь ходятъ: на то и большая улица. Хорошенькія?...

— И какъ мило одѣты! продолжалъ Митя, прибѣгая къ услугамъ зрительной трубки. – Только вотъ что̀ странно...

— Что̀ тамъ?

— Да ты взгляни.

— Которыя? тѣ, что-ли, вотъ что́ безъ шляпокъ, — съ ними полковникъ? да?

— Да.

— Что́жь, это тебя удивляетъ, что онѣ нарушили форму: осмѣлились днемъ, въ четвертомъ часу, по большой улицѣ, гдѣ тьма народу, идти безъ шляпокъ, подъ прикрытіемъ зонтичка?... Вотъ вѣдь выходитъ тоже неприлично...

— Не неприлично, а все какъ-то странно. Не будь съ ними мужчины, явился бы какой-нибудь провожатый.

— И этотъ чичисбей ушолъ бы отъ нихъ съ физіономіей à la vinaigre, moutarde, etc, etc... Другими-же словами я не могу выразить его положеніе..,

— Онѣ здѣсь живутъ не далеко?

— Да: вотъ въ этомъ угольномъ домѣ. Онѣ должно быть француженки...

Вошолъ Кузьма Андреичъ съ своими племянниками. Старшему изъ нихъ было лѣтъ четырнадцать, младшему двѣнад-

цать. Одѣты они были *по-дворянски.* Старшій обѣщалъ изъ себя художника, младшій... да въ немъ было столько разнородныхъ способностей, что въ его лѣта труднымъ казалось опредѣлить — какой его путь.

Кузьма Андреичъ, Петя и Митя сѣли въ одну коляску, а другую предоставили племянникамъ, отчего тѣ были въ великомъ удовольствіи. Но вотъ подъѣхали къ дому Колчановыхъ. Въ окнѣ мелькнулъ бѣлый платочекъ Катиньки.

Въ заключеніе этой главы, читатель, поговоримъ еще немного о Кузьмѣ Андреичѣ.

Кузьма Андреичъ остался круглымъ сиротой, когда ему было не болѣе семи лѣтъ. Тогда перешолъ онъ на попеченіе своей бабушки, мрачной, вѣчно брюзгливой. У ней жилъ сирота лѣтъ до двѣнадцати. Нельзя сказать, что бабушка не любила его; но это была какая-то дикая

любовь. Мальчика отдали въ школу, чрезъ полгода покончили его ученье.

— Ну, Кузинька, сказала бабушка: — граматѣ ты умѣешь; пора и въ лавку; кумъ мой возьметъ тебя съ охотой. Будешь какъ сыръ въ маслѣ, только слушайся, непоперечь... Гордымъ Богъ противится...

— Но я хотѣлъ бы еще поучиться, милая бабушка, робко возразилъ Кузинька.

— Что̀ ты, дитя мое! сказала старушка ласково, поглаживая внука по головкѣ и цалуя его. — Кто это тебя надоумилъ? Сотвори молитву, дитятко, да выкинь блажь...

Но мальчикъ настаивалъ на своемъ желаніи, несмотря на всѣ увѣщанія и угрозы. Бабушка прибѣгла къ рѣшительной мѣрѣ: она высѣкла внучка, до начала тиранніи наплакавшись до-сыта. Мальчикъ вдругъ сдѣлался грубъ, чорствъ.

Три мѣсяца служилъ онъ у кума своей бабушки, т. е. былъ помощникомъ кухарки, чистилъ сапоги хозяину и его прикащикамъ. Вдругъ на него до глубины души ласково, матерински - любовно взглянула дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ семнадцати, — дальше слѣдовало ласковое слово хозяйки, потомъ — привѣтъ хозяина. Мальчикъ воскресъ: возвратились и сообщительность, и веселость. Вотъ онъ уже прослылъ между прикащиками наушникомъ, шпіономъ, выскочкой. — Ярко вспыхнула въ немъ прежняя страсть учиться. Кто-же былъ его наставникомъ? Сначала дочь хозяина, а потомъ книги. Такъ изучилъ онъ нѣмецкій языкъ, свой родной, многое другое; но особенно любилъ Кузьма Андреичъ химію и механику. Прошло десять лѣтъ. Умеръ хозяинъ Кузьмы Андреича. Вскрыли его завѣщаніе; тамъ между прочимъ прочитали: прикащику моему Кузьмѣ Кузьмину отказываю двадцатьпять тысячъ рублей ассиг-

націями. Вскорѣ послѣ того Кузьма Андреичъ поѣхалъ въ Соловецкій монастырь молиться за душу своего благодѣтеля. На обратномъ пути, проживая въ Архангельскѣ, онъ познакомился съ однимъ англичаниномъ, отправлявшимся на купеческомъ кораблѣ въ Лондонъ, а оттуда въ Индію. Англичанинъ развернулъ передъ Кузьмой Андреичемъ красивую картину царицы торговли, дружбу и непріязнь моря, прелесть грозной непогоды. Какъ книги нѣкогда развили способности Кузьмы Андреича въ дѣлѣ ума, такъ теперь англичанинъ развилъ его смѣлый духъ, заставилъ сознаться въ желѣзныхъ физическихъ силахъ. — Ѣдемъ-же! вскричалъ англичанинъ, ударяя своего знакомца по плечу. — Ѣдемъ! отвѣтилъ Кузьма Андреичъ — и вошолъ на корабль, но не какъ пассажиръ, а какъ благороднѣйшій членъ его — матросъ. Онъ увидѣлъ Англію. Я незнаю привязанности шире симпатіи русскаго купца

къ Англіи, увлеченнаго этой громадностью развитія ея промышленности!... Утомительно бы было разсказывать, что̀ дѣлалъ Кузьма Андреичъ, проживая въ Лондонѣ слишкомъ годъ. Довольно замѣтить, что онъ вывезъ въ Россію самое свѣтлое, серьёзное пониманіе промышленности. Въ Лондонѣ-же онъ усовершенствовалъ себя и въ химіи, и въ механикѣ, научился говорить по-англійски, какъ природный британецъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ Кузьма Андреичъ снова посѣтилъ Англію, уже какъ туристъ, и имѣлъ удовольствіе видѣть ея окончательно развившійся духъ торговли, ея полное торжество пара.

Теперь очень понятенъ тотъ экстазъ, до котораго доходилъ Кузьма Андреичъ, когда разговаривалъ о промышленности вообще, и о промышленности Англіи въ особенности.

———

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дамское (очень понятно, почему это слово въ оригиналѣ подчеркнуто, а напечатано курсивомъ) лѣто въ этотъ годъ, какъ и почти всегда, убѣдительно доказывало, что не даромъ и не въ насмѣшку придаютъ ему такое милое прилагательное, — короче, было нестерпимо жарко. Пѣшеходы вслухъ высказывали желаніе о скорѣйшемъ приближеніи холодныхъ дней, чтобы еще пламеннѣе желать возвращенія теплыхъ.

Въ одинъ изъ праздничныхъ дней, часу въ седьмомъ вечера, по дорогѣ къ Г*, неслась коляска, сопутствуемая страшными облаками пыли. Въ коляскѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-

четырехъ, и курилъ сигару. Съ нимъ было французское ружье; подлѣ него лежалъ патронташъ. Но собаки не было. Зато у молодого человѣка была прекрасная защита отъ солнца — дамскій зонтичекъ, который онъ кокетливо держалъ въ лѣвой рукѣ.

— Прямо ѣхать или поворотить къ Б**? спросилъ кучеръ.

— Да, къ Б**, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Какъ доѣдемъ до того лѣска, что́ по лѣвую сторону, и остановись.

— Слушаю-съ.

— Удивительно какъ пріятно ѣхать съ зонтичкомъ! раамышлялъ молодой человѣкъ: — чудо какъ хорошо! Ну, что бы изъ нашего брата нашлось человѣкъ десять смѣльчаковъ, которые бы отправились гулять съ дамскими зонтичками, хоть по Невскому, — и всѣ бы стали носить... А то лицо мужское, — будто оно изъ гранита какого составлено: дождь-ли

льетъ, солнце-ли припекаетъ — все равно, все нипочомъ!

Въ это время солнце спряталось за огромную чорную тучу; пользуясь такимъ случаемъ, молодой человѣкъ началъ любоваться зонтичкомъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ.

— Прехорошенькая штучка! чудо что за зонтичекъ!.. Я взялъ его безъ спросу... какой попалъ подъ руку... Но чей бы это?... Не мудрено узнать: опрысканъ духами... букетъ!... да, букетъ!... Этотъ зонтикъ—Катиньки Алексѣевой... У ней духоманія, какъ у лимійской дамы... А прехорошенькое, преумненькое созданіе! Нечего сказать, надо отдать справедливость вкусу нашей компаніи... Хороша, хороша... Любитъ кокетничать; ну, да это еще не грѣхъ... Какъ бы я хотѣлъ этимъ зонтичкомъ возбудить ревность въ Полинѣ! Да нѣтъ: спроситъ чей, да тѣмъ и кончится. Такая увѣренность! даже досадно! хоть бы разъ приревновала къ

чему-нибудь... Вотъ я добивался разумной любви — и нашолъ ее въ Полинѣ; это слишкомъ ясно, чтобъ можно было мучить себя сомнѣніемъ, что можетъ-быть это и не такъ... Да и я-то не могу любить иначе, какъ разумно. Значитъ, я и Полина — это, что называется, существа симпатичныя. Чтóжь! долго думать нечего: женюсь!... Разумная любовь до брака — залогъ счастія въ супружествѣ. Тутъ уже ничѣмъ не рискуешь... Женюсь!... А тамъ, того и гляди, услышишь: папа! мама!... Это имѣетъ свою пріятность... Деньги, слава Богу, есть: дѣти не будутъ въ тягость.

— Здѣсь дожидаться васъ? спросилъ кучеръ, останавливая лошадей у указаннаго мѣста.

— Да, я прохожу по лѣсу не болѣе часу, отвѣчалъ Петя, т. е. молодой человѣкъ, разумно любившій и разумно любимый.

Потомъ онъ надѣлъ патронташъ, взялъ ружье и вошолъ въ лѣсъ, на четверть версты отъ опушки рѣдкій, поросшій сѣровато-сѣдымъ мохомъ.

— Нѣтъ, заяцъ, говорилъ онъ: — сегодня ты неуйдешь отъ меня. Мы тебя скушаемъ за ужиномъ.

Петя былъ охотникъ по страсти. Но всякая страсть требуетъ приволья, гдѣ бы ничто не мѣшало ея росту. А можетъ-ли петербургской лѣсъ удовлетворить страсти охотника? Въ немъ походилъ съ полчаса и ужь усталъ, — садись на пень да думай, вотъ какъ Петя:

— Всякой страсти есть пища въ Петербургѣ, всякому желанію человѣческому есть здѣсь полный, съ распростертыми объятіями отзывъ. (Пріятель нашъ фразировалъ немножко, — читатель это самъ замѣчаетъ). Двѣ только страсти можете вы притупить здѣсь: во-первыхъ, если вы охотникъ до драматической литературы; во-вторыхъ, если вы охотникъ

до дичи... т. е. до такой дичи, въ которую стрѣляютъ изъ ружья.

Думая такимъ образомъ и глядя въ землю, Пети попалась на глаза палка. Палка нисколько не мѣшала ему ни думать, ни смотрѣть, но онъ счелъ нужнымъ потревожить ея спокойствіе: взялъ, да и бросилъ... Вдругъ... Петя взвелъ курокъ, прицѣлился, — и зайца съ аппетитомъ скушали бы за ужиномъ; но случай спасъ несчастнаго труса. Петя только было хотѣлъ выстрѣлить, какъ вдругъ, съ самымъ отчаяннымъ видомъ, пожалъ плечами и плюнулъ: подлѣ самого зайца, изъ-за деревьевъ, показались двѣ человѣческія фигуры: одна толстая здоровая, румяная — какой-то экономъ, другая — тощая, блѣдная, нѣмецъ-педагогъ, по многимъ яснымъ признакамъ. А зайца между-тѣмъ и слѣдъ простылъ.

— Хороша охота! ворчалъ Петя: — полчаса ждешь какого-нибудь дрянного

звѣрька, попадешь на слѣдъ — люди помѣшаютъ.

И онъ еще разъ плюнулъ, а къ нему подошли спасители зайца. Они разговаривали очень серьёзно, убѣдительно, съ жаромъ, вѣроятно о прекрасномъ полѣ, потому что нѣмецъ-педагогъ, въ порывѣ негодованія на кого-то или на что-то, яростно ударяя палкой о хворостъ, вскричалъ:

— Нѣтъ жесточайшаго предразсудокъ противъ женщина, какъ сей!

Эта живописная фраза имѣла свое дѣйствіе: экономъ сильнѣе прежняго закусалъ свои губы, что придавало ему такой видъ, что еслибъ въ эту минуту поднести къ его лицу зеркало, онъ въ лицахъ разыгралъ бы Крылова басню: «Мартышка и Медвѣдь». Въ Пети-же фраза эта возбудила такой взрывъ веселости, какую врядъ-ли сообщалъ ему и знаменитый Левассёръ. Педагогъ взглянулъ на него

съ удивленіемъ и гнѣвомъ; Петя не переставалъ увеселяться.

— Lieber Gott! воскликнулъ нѣмецъ, съ сожалѣніемъ глядя на Петю: — dieser junge Mensch ist toll!... armer Mensch!...

Петя, дѣйствительно какъ помѣшанный, съ ружьемъ на-готовѣ къ выстрѣлу, бѣжалъ за зайцомъ.

— Нѣтъ, ужь ты-то, дружокъ неуйдешь! говорилъ онъ, прицѣливаясь.

Вдругъ вблизи раздался тоненькій голосокъ:

— Ахъ, сестрица, зайчикъ, зайчикъ!

Еще минута, и этотъ заяцъ ушолъ бы; но Петя успѣлъ выстрѣлить. Заяцъ сдѣлалъ скачокъ, перевернулся, остался на мѣстѣ. Вслѣдъ за выстрѣломъ воспослѣдовало аханье, въ три голоса разомъ, но разнымъ тономъ: одно слишкомъ нѣжное, другое — пріятно нѣжное, третіе — непріятно звонкое. На зайца взирали восемь глазъ: два, принадлежащіе убійцѣ, два — барышнѣ лѣтъ въ двадцать, два —

четырнадцатилѣтней дѣвушкѣ, два — женщинѣ лѣтъ въ сорокъ, по всѣмъ признакамъ, нянькѣ.

— Ахъ, зачѣмъ вы убили зайчика? онъ такой былъ хорошенькой! сказала дѣвочка.

Барышня ничего не сказала, только наклонилась пониже, и маковъ цвѣтъ ея щочекъ поалѣлъ еще на нѣсколько градусовъ. Нянька не обнаружила на этотъ разъ никакихъ признаковъ ни участія, ни антипатіи ни къ убіенному, ни къ убійцѣ: она, казалось, ничего не видѣла и не слышала, кромѣ грибовъ, которыхъ тутъ однакожъ не было.

— За тѣмъ, мадемуазель, чтобы скушать его, отвѣчалъ Петя, приподымая фуражку.

Заяцъ былъ еще живъ. Охотникъ ударилъ его прикладомъ по головѣ: заяцъ дрыгнулъ ножками, пискнулъ и окончилъ свое житіе. Дѣвочка закрылась платкомъ, вздрогнувъ; ахъ, какъ это безчеловѣчно!

вскричала барышня; чай, нехристь, что зайца ѣстъ! покончила нянька. И онѣ отошли отъ Пети; а онъ взялъ зайца и уже безъ всякихъ сценъ дотащилъ его до коляски, сѣлъ и поѣхалъ далѣе, куда лежалъ ему путь. Глядя на трофей своей побѣды, онъ мысленно обратился къ тому мѣсту, гдѣ была совершена она.

— Мнѣ кажется, это то самое мѣсто, гдѣ я прошлымъ лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, познакомился съ Иваномъ Кондратьичемъ, отцомъ Полины. Да, точно: это то самое мѣсто... И во снѣ не могло присниться, что встрѣтишься... Да и что́ такое жизнь-то сама!... Кальдеронъ очень умно сказалъ объ ней заглавіемъ одной изъ своихъ драмъ: das Leben ist ein Traum... А моя жизнь, — право, роскошный сонъ, не обманчивый, но дѣйствительно роскошный... И надо-же было природѣ распорядиться такъ, что у Ивана Кондратьича хорошенькая, умная дочь; а случаю нужно-же было устроить

такъ, чтобы въ ней нашолъ я давно-желанное.... Ей Богу, счастливецъ ты, Петръ Леонтьичъ! Счастье поетъ тебѣ самыя веселыя, отрадныя пѣсни... Не зачорствѣй только отъ нихъ! Грубѣютъ-же люди отъ нужды. Есть возможность паденія и въ счастіи... Полина! Полина!...

Нить воспоминаній не скоро смотаешь въ клубокъ. Чего только не освѣжилъ въ своей памяти, чего только не перебралъ Петя въ его прошломъ! И дѣтство и первую пору юности, и первую любовь, и смерть родителей, и время романтизма, и пору разгула страстей, и университетскія лекціи, и путешествіе по Россіи, и заграничная жизнь, и годъ любви къ Полинѣ,— все умѣстилось въ легкомъ, сжатомъ очеркѣ.

Но вотъ и дача, занимаемая Иваномъ Кондратьичемъ. Иванъ Кондратьичъ разговаривалъ въ эту минуту съ хозяиномъ о томъ, отчего бы это на одной и той-

же землѣ у нѣмца-колониста и у русскаго крестьянина всякого рода посѣвы выходятъ неодинаково: у нѣмца все лучше. Палагея Яковлевна, супруга Ивана Кондратьича, толковала съ женой колониста о болѣзни картофеля и о средствахъ искорененія такого зла. Полина, дочь ихъ, расхаживая по саду, то-и-знай срывала ромашку и очень досадовала, что ея гаданіе приходитъ все къ *нѣтъ* да *нѣтъ*.

— *Не любитъ?!* говорила она:— какой вздоръ!!

Съ пріѣздомъ Пети картина эта перемѣнилась: колонистъ почтительно снялъ фуражку и, пожимая руку пріѣзжаго, пробормоталъ: guten Abend; Иванъ Кондратьичъ, увидавъ зайца, забылъ учинить формальное здравствованіе, а только кивнулъ головой, потомъ потащилъ зайца на кухню, вооружившись палкою, на случай нападенія собакъ; Палагея Яковлевна, еще разъ напомнивъ колонисткѣ о простоквашѣ, спѣшила къ гостю; Полина

здоровалась съ Петей, перешагнувшимъ черезъ заборъ въ садъ. Вотъ перекинулись словами, что какъ это нестерпимо, что такъ жарко, — что лѣту скоро и конецъ. Пришолъ Иванъ Кондратьичъ и завелъ повседневную, все на одномъ валѣ поставленную пѣсню, что какъ это непріятно, что въ столицѣ жить такъ дорого, и проч., и проч. Но вотъ принесли въ бесѣдку самоваръ: Палагея Яковлевна пошла заваривать чай, Иванъ Кондратьичъ отправился за неизбѣжнымъ для него къ чаю прилагательнымъ, Петя бросился къ Полинѣ, стоявшей у рѣшетки сада.

— Вотъ сейчасъ спроситъ, отчего я пріѣхалъ въ семь, а не въ пять, думалъ онъ.

Не тутъ-то было: Полина начала распрашивать Петю о чомъ-то постороннемъ. Онъ слушалъ, слушалъ, отвѣчалъ, отвѣчалъ, наконецъ пожалъ плечами.

— Что́ съ тобой? съ улыбкой спросила Полина.

Петя мялся, мялся, наконецъ отвѣтилъ откровенно:

— Вотъ уже четверть часа жду я, что ты спросишь, отчего я опоздалъ.

— Зачѣмъ-же спрашивать о такихъ пустякахъ?

— Вотъ прекрасно! пустяки! Все, что̀ до меня касается, для тебя, кажется, не должно быть...

— Пустяками? перебила Полина. — Неужли у тебя такой узкій эгоизмъ.

— Да какъ-таки не спросить?

— Но зачѣмъ?

— Опять зачѣмъ!

Петя началъ посвистывать, сбивая зонтикомъ листья акаціи.

— Фи! какъ это не къ лицу тебѣ: ты капризничаешь! На что́жь! На то, что въ тебѣ такъ увѣрены?...

Петя взглянулъ на Полину: она наклонялась поднять съ земли упавшій листокъ.

— Полина!

— Чтó, мой другъ?

— Ты недовольна мной?

— Послушай, Пьеръ, говорила Полина: — признайся, что, ожидая отъ меня распросовъ, отчего ты опоздалъ двумя часами, ты расчитывалъ на ревность съ моей стороны, — не такъ-ли?

— Можетъ-быть.

— Не можетъ-быть, а да. И это уже не въ первый разъ, что ты хочешь, чтобъ я ревновала тебя... Ой, берегись: ревность очень часто охлаждаетъ и самую пылкую любовь. Не была-ли бы для тебя ревность моя также невыносима, какъ женщина, которую ты уже разлюбилъ, а она всюду за тобой?... Чтобы съ любовью принимать ревность, надобно быть въ такой-же степени ревнивымъ, какъ и ревнующій. А въ порядкѣ-ли это вещей, чтобъ два человѣка чувствовали что-нибудь одинъ ни больше, ни меньше другого?... Говорятъ, ревнуютъ къ мело-

чамъ, къ слову, къ звуку, къ мимикѣ. Я, признаюсь, не могу, и думаю, что начать ревновать тебя съ моей стороны будетъ значить начать охладѣвать къ тебѣ.... Можетъ-быть я и говорю фальшиво въ послѣднемъ случаѣ; но чтожь дѣлать! говорю не по опыту: говорю по предположенію... Да и въ настоящую минуту нѣтъ причины къ ревности. Я знаю, ты былъ у Колчановыхъ... Ну, что́, развѣ не правда?

— Можетъ-быть и не у нихъ, отвѣчалъ Петя, улыбаясь.

— Лжошь: у нихъ. Ну, хоть бы и у другого кого, — чтожь такое? Тебя просили посидѣть еще часокъ, ты согласился — и опоздалъ. Наконецъ тебя могли задержать дѣла. Сознайся, что такъ.

Петя принужденъ былъ отвѣтить:

— Да, я былъ у Колчановыхъ.

— Ну, вотъ видишь-ли.

Полина взглянула на зонтичекъ, который Петя, кусая губы, разсматривалъ очень тщательно.

— Ну, что́, если Катинька Алексѣева будетъ искать свой зонтикъ? продолжала Полина, прерывая каждое слово звонкимъ смѣхомъ. — Еслибъ я не боялась обидѣть тебя, я сказала бы, что ты не способенъ возбуждать ревность, добавила она, но уже серьёзно.

— Чай пить! вскричала Палагея Яковлевна.

— Недовольный! говорила Полина. — Но ты недоволенъ противъ своего убѣжденія. Дѣйствуй съ тобой иначе, ты-же сталъ бы смѣяться.

Въ это время мимо разговаривающихъ, по пыльной дорогѣ, прошли нѣсколько гуляющихъ: и дачниковъ, и дачницъ. Петя взглянулъ на одну изъ дѣвушекъ (Полина слѣдила за дѣйствіемъ его взгляда), еще очень молоденькую, блѣдную. И дѣвушка взглянула на Петю, и при-

стально, и довольно долго неспускала съ него глазъ.

— Какое безстрастное лицо! подумала Полина. — Но, правда, она еще такъ молода!

Минутъ черезъ пять гуляющіе прошли обратно. Дѣвушка снова взглянула своими чорными, опушонными длинными рѣсницами глазами, какъ и въ тотъ разъ, холодно, безжизненно, какъ казалось. Вдругъ она довольно громко, энергически прочла изъ Кольцова:

«Но глаза . . . . .
. . . .
Голубые они . . . .
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны, —
Будто съѣсть васъ хотятъ!...»

— Чтóжь вы нейдете? слышалось изъ бесѣдки. — Полина! Петръ Леонтьичъ!

Одушевленные, страстные стихи поэта заставили содрогнуться Полину, принудили ее преслѣдовать, въ свой чередъ,

долгимъ взоромъ ту, которая такъ хорошо умѣла прочитать ихъ. Чтó за молнія была въ этомъ взглядѣ! сколько язвительности! сколько неистовой ревности! и какая, въ тоже время, невольная, никакими силами несдерживаемая симпатія къ этой мнимой соперницѣ!...

— Слышалъ? спросила она Петю, судорожно схвативъ его руку и прижимая ее къ своему сердцу: — слышалъ?... «Будто яда полны»!...

— Эгé! да это ревность! подумалъ Петя, и конечно не ошибался.

Отпили чай.

— Пойдемте гулять, Петръ Леонтьичъ, сказала Полина.

— Пойдемте.

— Ваня! хотѣла было сказать Палагея Яковлевна по уходѣ дочери и Пети, но Иванъ Кондратьичъ предупредилъ ее вопросомъ, вмѣстѣ и восклицаніемъ:

— Поля?!

— А?

— Замѣчаешь ты что́-нибудь?

— А ты?

— Ты сперва скажи.

Палагея Яковлевна выглянула изъ бѣседки, посмотрѣла на дорогу, потомъ, подумавъ, сказала:

— Петръ Леонтьичъ премилый человѣкъ! Ты что́ о немъ думаешь?

— Хорошій человѣкъ кому не понравится! отвѣчалъ Иванъ Кондратьичъ.

— Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ! подхватила Палагея Яковлевна.

— Ну, ужь ты ничего невидя и о вѣнцѣ заговорила. Вѣнецъ-то бываетъ подъ конецъ.

На ту-же тему шолъ разговоръ и между Петей и Потиной, когда они возвращались съ прогулки.

— Сегодня я непремѣнно буду говорить съ твоимъ папашей, сказалъ Петя.

— Какъ мы скоро идемъ, замѣтила Полина: — смотри, ужь и дачу видно.

— Воротимся назадъ.

— Нѣтъ: я устала, да и поздно, вдругъ стемнѣетъ.

Какой-то услужливый человѣкъ, можетъ-быть лѣтъ десять назадъ, въ сторонѣ отъ дороги, между кустарниками, вбилъ въ землю два бревнышка, на нихъ положилъ доску, прибилъ ее гвоздиками: такимъ образомъ образовалась скамья. Имя строителя осталось неизвѣстнымъ, но никто не поднимался со скамьи не вспомнивъ его, *кого-то*. Десять лѣтъ много значатъ для руки времени, но не она старалась приводить скамью къ разрушенію, а еще болѣе безпощадная рука людей, и людей молодыхъ, которыхъ такъ сильно отталкиваетъ все близкое къ смерти. То есть: вся скамья испещрена была различными *завѣтными* именами. Глядя на нее, такъ и представлялся начитанному воображенію рядъ всѣхъ романовъ, или, вѣрнѣе, одинъ безконечно-длинный романъ, въ которомъ что строка, то новое имя, что́ новое имя, то но-

вый эпизодъ. Въ самомъ-дѣлѣ, возьмите напримѣръ *Иванъ и Марья*, *Paul et Anette*, или *Themir et Alexis*, — тема одна — любовь, но варіяціи разныя, три эпизода, три романа, и у каждаго непремѣнно свой шрифтъ, свой переплетъ...

Вотъ на эту-то скамью сѣли Полина и Петя.

— Такъ ты хочешь говорить съ папашей?

— Да.

— И сегодня?

— Непремѣнно сегодня.

— Но не рано-ли, Пьеръ. Знаемъ-ли мы другъ друга на столько, чтобъ быть мужемъ и женой?... Еще не поздно, — подумай; черезъ часъ будетъ другое... Лучше теперь разстаться, лучше порознь страдать... если ужь намъ нельзя забыть другъ друга... чѣмъ послѣ — жить вмѣстѣ, но быть чужими, страданіями терзать другъ друга, и только въ одномъ видѣть выходъ — въ преступленіи...

И Полина чувствовала, что щоки ея горятъ, что она близка къ изнеможенію отъ вліянія высказаннаго ею сомнѣнія, на груди Пети искала ему отрицанія. Петя молчалъ. И изъ какихъ словъ съумѣлъ-бы онъ составить отвѣтъ. Его вызывали на разрѣшеніе, что̀ ждетъ въ будущемъ два любятія сердца. Но развѣ онъ пророкъ какой, чтобъ могъ проникоуть въ грядущее, для нашего-же блага прикрытое завѣсой?... Съ жаромъ нѣсколько разъ поцаловалъ онъ голову Полины, потомъ нѣжно отвелъ ее рукою: онъ хотѣлъ взглянуть въ лицо этой женщины, изъ любви къ нему добровольно казнившей себя сомнѣніемъ, — и взглянулъ, какъ обыкновенно глядѣлъ, когда хотѣлъ сильно подѣйствовать. Полина встрепенулась.

— Петя! вдругъ вскричала она... цаловала его *ядовитые* глаза.... потомъ сдѣлала быстрое, внезапное движеніе: была на колѣняхъ передъ своимъ любим-

цемъ,.. прижимала его руки къ губамъ своимъ...

А онъ, счастливецъ?... гордый человѣкъ!... онъ неотымалъ рукъ своихъ, съ дикой радостью любовался положеніемъ Полины, не воскликнулъ: что́ ты дѣлаешь? Сладко было ему глядѣть ей въ очи,

«Въ очи полныя
Полюбовныхъ думъ.»

Что̀ еслибъ при этой сценѣ незримой свидѣтельницей присутствовала Юлія, о которой говорилось въ первой главѣ повѣсти? Какъ бы обезобразилось ея прекрасное лицо! Какимъ бы отчаяннымъ воплемъ вылетѣли изъ груди ея эти слова: Боже! какой позоръ! она на колѣняхъ передъ нимъ, а онъ такъ возмутительно гордъ! Но потомъ... натура, раскрытая для самой широкой страсти, возметъ свое, — и вмѣсто эгоизма заговоритъ безплодная ревность... а потомъ но-

вый вопль, вопль: зачѣмъ онъ любитъ ее, а не меня!...

Вдругъ раздавшійся лошадиный топотъ заставилъ Петю поднять Полину.

— Пойдемъ домой, сказалъ онъ.

И они пошли, молча во всю дорогу; только когда вошли въ садъ, Полина спросила Петю: ты будешь говорить съ папашей? и когда тотъ отвѣтилъ: да! она еще разъ поцаловала его руку, благословила его и сама перекрестилась,—потомъ сѣли на террасу.

Палагея Яковлевна хлопотала по хозяйству. Иванъ Кондратьичъ, отъ нечего-ли дѣлать, или для своего удовольствія, разгуливалъ правой рукой по клавишамъ и твердилъ вслухъ Бенедиктова стихъ:

«И въ крупныхъ аккордахъ разсыпался
громъ...»

а потомъ и самъ бралъ музыкальные, хоть и громовые, но очень неудачные аккорды.

Петя вошолъ въ комнату и сѣлъ на стулъ, вдали отъ Ивана Кондратьича.

Иванъ Кондратьичъ, поглядѣвъ на него, продолжалъ экзерсисировать. Петя думалъ, думалъ, какъ бы начать приступъ, — подумалъ, подумалъ и спросилъ Ивана Кондратьича:

— А который годъ Палагеѣ Ивановнѣ?

И потомъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, мысленно назвалъ свой вопросъ крайне-нелѣпымъ.

— Кажется, двадцатый, отвѣчалъ Иванъ Кондратьичъ, улыбаясь. — А чтó вамъ такъ вздумалось спросить?

— Да такъ.

— Да, двадцатый, продолжалъ Иванъ Кондратьичъ и взялъ на клавишахъ и проговорилъ на распѣвъ: ut, re, mi, fa, sol, la, ci, do, и потомъ обратно.—Двадцатый-съ, двадцатый! Пора и замужъ... Нѣтъ-ли у васъ женишка? Вотъ вамъ бы пришлось быть шаферомъ...

Петя поспѣшилъ присѣсть къ Ивану Кондратьичу.

— Иванъ Кондратьичъ... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — онъ, всегда говорившій смѣло и твердо о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ.

— Что̀ такое?

— Вы дворянинъ...

— Съ какими онъ предисловіями приступаетъ къ дѣлу! подумалъ Иванъ Кондратьичъ. — Да, сказалъ онъ вслухъ. — Но что̀жь изъ этого?

— Вы согласились бы отдать вашу дочь за купца?

Иванъ Кондратьичъ имѣлъ нетерпѣливое желаніе сказать при этомъ вопросѣ подобающую ему громкую рѣчь, между прочимъ о томъ, что онъ не какой-нибудь человѣкъ, вскормленный нелѣпыми вѣрованіями и предразсудками, и пр., и пр.; но такую рѣчь, по неизвѣстнымъ для пишущаго причинамъ, оставилъ онъ въ покоѣ, а сказалъ коротко:

— Почему-жь и не такъ, если къ нему расположена дочь моя... А у моей Полины, съ самодовольствіемъ прибавилъ Иванъ Кондратьичъ: — есть и вкусъ, и понятія, – и ей уже не пятнадцать лѣтъ, и то надо сказать.

— Въ такомъ случаѣ могу я...

И Петя остановился, какъ бы неумѣя продолжать далѣе... А еще слушалъ человѣкъ Роберта Пиля, рукоплескалъ Ламартину!...

— Я вамъ уже сказалъ, отвѣчалъ Иванъ Кондратьичъ, взявъ Петю за обѣ руки. — Кстати, вотъ и жена. Вотъ Петръ Леонтьичъ проситъ, чтобъ мы отдали ему нашу Полину: я непрочь, какъ вы, Палагея Яковлевна?

Палагея Яковлевна изъявила полное свое согласіе.

— Полинька!! въ одинъ голосъ воскликнули супруги.

Все дальнѣйшее происходило по извѣстной, навсегда принятой формѣ.

Въ два часа ночи Петя *на крыльяхъ радости* мчался въ городъ.

— А что́, Петръ Леонтьичъ, спросилъ Семенъ, кучеръ:— правда-ли это, что вы женитесь на Палагеѣ Ивановнѣ?

— Да. А что, хороша невѣста?

— Видно, хороша, когда вамъ понравилась.

Петя повторилъ про себя это замѣчаніе, только съ нѣкоторой перемѣной: съ произвольнымъ особеннымъ удареніемъ на *вамъ*, что придавало фразѣ конечно другой смыслъ, указывавшій на тонкой вкусъ Пети въ выборѣ невѣстъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Будучи дѣйствующимъ лицомъ въ любви, съ ужасомъ отталкиваешь мысль о концѣ ея; а описывая любовь, едва только скрѣпилъ первое дѣйствіе драмы, какъ уже въ необходимость поставленъ помышлять о ея послѣднемъ актѣ. Тамъ, увидѣвши конецъ, вѣнчающій дѣло, при скрѣпѣ: съ подлиннымъ вѣрно! приходишь въ изступленіе, здѣсь — въ радость великую.

Прошло около трехъ недѣль, какъ Митя постоянно находился подъ вліяніемъ Катиньки. Случай свелъ, казалось, два симпатичныя существа, по-крайней-мѣрѣ по любви. Но страсть... а любовь — страсть по преимуществу... нельзя пре-

доставить одной ей: рядъ обстоятельствъ, частію законныхъ, частію какъ произволъ сильныхъ, держатъ страсть въ постоянной зависимости, — на золотой-ли цѣпи, на шолковомъ-ли снуркѣ султана, на аріадниной-ли нити, какъ придется.

А обстоятельства, державшія въ зависимости любовь Мити и Катиньки, были для нихъ матерью Павзанія, губя собственное чадо. Принадлежать другъ другу законно они не могли: отецъ Катиньки, гордая вѣтвь стариннаго дворянскаго дома, никакъ не согласился бы назвать своимъ зятемъ купца, видѣть въ своемъ обществѣ *бородачей* и *кафтанниковъ*. Это происходило изъ убѣжденія, принимаемаго имъ въ смыслѣ юридическомъ и которое онъ простиралъ какъ на мужчинъ, такъ и женщинъ: что всякой долженъ быть вѣчнымъ членомъ того общества, въ которомъ онъ родился, если его не толкаетъ къ этому нужда такого рода, что если онъ не перейдетъ въ дру-

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

— Всѣ говорятъ, указывая на меня, писала Ленхенъ въ своемъ дневникѣ: — какой у нея завидный, веселый характеръ. Да, это такъ, когда я въ обществѣ, но едва только остаюсь одна, мнѣ дѣлается скучно, я начинаю вспоминать былое... Веселость покидаетъ меня, и я иногда плачу, горько плачу...

Сегодня я проснулась раньше всѣхъ моихъ подругъ и сошла внизъ, въ залъ. Вслѣдъ за мной пришла Маша. Отъ Петра Леонтьичз, сказала она, подавая мнѣ букетъ цвѣтовъ и визитную карточку. Зачѣмъ это? Вѣдь это только для формы! А Петя такой врагъ ея!...

А, сегодня день моего рожденія, день门 именинъ, — разомъ двѣ годовщины...

«*Что́ такое именины? почему въ этотъ день ярче чувствуется горе и радость, нежели наканунѣ, нежели потомъ? Не знаю почему, а оно такъ. Не только именины, а всякая годовщина сильно потрясаетъ душу... и его душа ужь за восемь лѣтъ... онъ вспоминаетъ первое свиданье послѣ разлуки, онъ вспоминаетъ всѣ подробности...*» Кто виноватъ?

Какъ это справедливо сказано!...

Годъ тому назадъ, въ этотъ-же день, часомъ позже, я получила письмо отъ *него*... Нѣсколько тысячъ верстъ раздѣляли насъ... Вчера я сожгла это письмо... Зачѣмъ оно для меня теперь, для невѣсты другого? Готовясь быть женой, я была обязана схоронить Елену-дѣвушку. Но я столько разъ читала эти строки, что выучила ихъ наизусть. И какъ не длинно это письмо! какъ-будто человѣкъ, писавшій его, велъ упорную борьбу съ

своими мыслями и чувствами! Вотъ оно, вотъ что̀ писалъ *онъ* мнѣ послѣ трехъ мѣсяцовъ разлуки: «Елена! я уѣхалъ не простясь съ тобой. На это у меня достало силъ... и на многое доставало ихъ! Я не могъ только безъ ожесточенія сходиться съ нуждой, да еще не могъ побороть гордости, когда узналъ, что нужда моя для тебя не тайна... Вотъ почему я бѣжалъ... Я схоронилъ всѣ надежды, всѣ стремленія... Желаній, мой другъ, еще много, много!... Человѣкъ, нѣкогда претендовавшій на громкое имя, теперь... что̀ онъ? — слуга, прикащикъ!... Это извѣстіе — сюрпризъ для тебя, моя милая Ленхенъ, въ день твоего ангела!... Я бы желалъ, чтобы ты плакала, а не веселилась, богатая... бѣдная именинница!... Свиданья не жди: мы не увидимся... Прощай!... P. S. Я было хотѣлъ разорвать это письмо, писанное вчера, но потомъ раздумалъ: пусть оно идетъ такимъ, какимъ диктовали его скорбь и отчаяніе».

Послѣ того я не получала отъ *него* ни строки. Любитъ-ли *онъ* меня, или нѣтъ, — кто знаетъ. А я? лгать не къ чему: во мнѣ нѣтъ уже той страсти къ *нему*, какъ встарь... Но это потому, что вотъ уже полтора года, какъ мы не видимся, что нѣтъ ни малѣйшей надежды къ свиданію, какъ ни насилуй воображеніе... Доказательство-же, кякъ я любила *его:* послѣ *него* я не могла полюбить и не полюблю никого... Иногда я думала, мнѣ казалось, что я люблю Петю... Нѣтъ! нѣтъ! я не люблю его, т. е. не влюблена въ него... Вотъ на дняхъ разговаривали мы съ нимъ о Кольцовѣ.... Какое необыкновенное участіе пробудилъ къ себѣ этотъ человѣкъ въ купеческомъ кругу, вообще, какъ я слышала, во всемъ среднемъ сословіи! съ какою гордостію указываютъ на родство съ нимъ по происхожденію!.. Отъ Кольцова перешли мы къ современному роману, говорили о Сандъ, о нашемъ Искандерѣ, — договорились до

гой кругъ, то умреть съ голоду въ своемъ. Осипъ Иванычъ — отецъ Катиньки, съ почтеніемъ жалъ руку Мити, во всякое время отворялъ ему двери своего дома, говорилъ во всеуслышаніе, что желалъ бы видѣть такого-же человѣка въ своемъ родномъ сынѣ, но также бы громко отказалъ Митѣ въ его желаніи породниться съ нимъ. Не хотѣлъ-же онъ видѣть въ своемъ домѣ людей съ бородами не потому, чтобы считалъ ихъ паріями, но оттого, что, какъ говорилъ онъ, можетъ-быть другіе почтутъ ихъ такими и перестанутъ посѣщать меня. Митя и Катинька не приняли этого въ расчотъ.

— Имъ не нужно было сближаться, скажетъ читатель: — или, сблизясь, сказать необходимое прости. — Но въ такомъ случаѣ у молодыхъ людей нужно было отнять ихъ права на молодость, какимъ-нибудь химическимъ процессомъ преждевременно охолодить ихъ чувства. Но, положа руку на сердце, скажи, чи-

татель: возможно-ли это? И еслибъ любовь всѣхъ изъ насъ была слѣдствіемъ анализа, всѣ-бы любовники тогда были счастливцы, всѣ супруги — примѣрная чета. И не чаще-ли бываетъ, что, любя, прибѣгаемъ мы къ анализу тогда, когда въ настоящемъ онъ уже безплоденъ для насъ: когда мы настрадались вдоволь.

И не одно это обстоятельство могло разъединить — и дѣйствительно разъединило — Митю и Катиньку. Любовникъ внесъ враждебный элементъ въ свои отношенія къ любовницѣ: онъ имѣлъ смѣлость рядомъ, даже выше страсти поставить свою завѣтную мысль.

Катинька-же, какъ выше было замѣчено, не могла представить себѣ, что, любя, можно думать о чомъ-нибудь другомъ.— Сильнѣйшая страсть поглощаетъ всѣ прочія, заключала она: — вотъ также, какъ при оглушительномъ шумѣ каскада нѣтъ возможности слышать тихое журчаніе ручья. — При столкновеніи съ

этимъ враждебнымъ элементомъ она никакъ не могла бы примириться съ нимъ: охлажденіе поставила бы она грознымъ veto своей страсти. Нечего и говорить, что Катинька нимало не сочувствовала мыслямъ и цѣлямъ своего любовника. Симпатизировать не умомъ, а сердцемъ,— вотъ что́ было въ ея способностяхъ. Она удовольствовалась бы любимымъ ею человѣкомъ и не при пышномъ его послужномъ спискѣ, только бы любимецъ былъ хорошъ собой. Безвѣстной любви, у домашняго очага, искала она, а не любви какого-нибудь *избранника*, кумира людей.

Какъ ни горячо любилъ Митя Катиньку, а можетъ-быть именно по этой-то причинѣ, при его раздражительности и мнительности, достаточно было самой мелкой придирки обстоятельствъ, чтобы оподозрить въ его глазахъ и самую убѣдительную любовь.

*

Въ домѣ Колчановыхъ царила необыкновенная суматоха: это было за два дня до вѣнчанія Ленхенъ. Барышни хозяйничали здѣсь по преимуществу, разумѣется болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. И вотъ бѣда: нельзя было понять, что̀ онѣ хотятъ, во имя чего дѣйствуютъ, — шумъ былъ необыкновенный, будто волненіе народное. А вѣдь это женщины!... Для примѣра, какъ живо шло дѣло въ рукахъ ихъ, какой былъ похвальный порядокъ во всемъ, довольно представить слѣдующее обстоятельство. Извѣстно, какъ сильно вліяетъ въ быту женщинъ утюгъ. Развѣ только современное вліяніе пара можно поставить въ параллель ему. Горничныя дѣвушки, собранныя въ помощь своимъ барышнямъ изъ разныхъ кварталовъ столицы въ домъ Колчановыхъ, усталыя, въ потѣ лица, то-и-знай носились съ утюгами изъ кухни въ комнату, на этотъ разъ обращенную во что̀-то подобное галантерейной лавкѣ, косметиче-

скому магазину. Калёныхъ плитокъ пошло множество, а конца дѣлу не было и видно. А все отчего? Оттого, что вотъ напримѣръ такая-то Маша несла утюгъ, чтобъ разгладить необходимо-нужный платокъ, что-ли, своей Еленѣ Васильевнѣ, а тутъ какая-нибудь Варвара Дмитревна вырывала его у ней и съ необыкновеннымъ тщаніемъ разглаживала вовсе ненужные нарукавнички или шейную ленточку. Вотъ какой былъ примѣрный порядокъ, милостивыя государыни!

Въ кабинетѣ Мити между тѣмъ была картина совершенно другого сюжета. Чтобы нарисовать ее, необходимо воротиться за полчаса назадъ.

Мѣсто дѣйствія — таже комната, о которой говорилось выше. Персонажи — тѣже самые,— между прочими Катинька, которая, сложа руки, сидя на окнѣ съ Варинькой, обшивавшей кружевами перчатку, отдаетъ какія-то приказанія своей

горничной Катѣ, совершенно готовой отправиться куда-то.

— Ахъ, какая ты непонятливая, Катя! восклицаетъ Катерина Осиповна.

— Да вы бы написали, Катинька, замѣтила Варвара Дмитревна.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!

— Но у Ленхенъ теперь не найдешь ни пера, ни бумаги...

— Что̀жь я буду дѣлать?

— Ступайте къ Дмитрію Васильичу въ кабинетъ.

Катинька мысленно была уже въ кабинетѣ Мити, глазъ-на-глазъ съ нимъ; но какъ было уйти не воскликнувъ:

— Ахъ, Варинька, какъ это можно! идти одной!

— Пойдемте со мной...

Дѣло принимало дурной оборотъ: Варинька дѣйствительно хотѣла идти съ Катериной Осиповной, отложивъ въ сторону свою работу. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ тон-

ко. Къ утѣшенію, не одна голь хитра на выдумки, — въ равной степени съ нею и любовь, это безкорыстное, чуждое всякихъ расчотовъ чувство, какъ выражаются романтики. Катинька мастерски вышла изъ затруднительнаго положенія; она сплела такую паутину, что въ ней запутался бы и самъ амуръ, какъ онъ ни свѣдущъ въ любовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ и то можетъ быть, что дѣятельнымъ сотрудникомъ при этомъ случаѣ — былъ самъ онъ.

— Идемте! вскричала Катинька. — И какъ-же мы удивимъ Дмитрія Васильича!

И она преспокойно взяла Вариньку подъ руку, прошла съ ней шаговъ десять, потомъ вдругъ остановилась.

— Послушайте, Варинька: все что́-то не ладно.

— А что̀?

— Ну, если онъ... можетъ-быть ему нельзя принять насъ.

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ.

— Вотъ что̀ я выдумала, продолжала Катинька: — это прекрасно! Я пошлю сперва Ивана взять у Дмитрія Васильича какую-нибудь книгу, что̀-ли: вотъ мы и узнаемъ, можно-ли его видѣть.

— Ну, такъ вы скажите, чѣмъ намъ самимъ идти, чтобъ Дмитрій Васильичъ сюда прислалъ перо, чернилицу и бумагу.

Паутинѣ, казалось, суждено было разорваться; но это только казалось: въ дѣйствительности она скрѣпилась еще однимъ узломъ.

— Ахъ, какъ это можно, Варинька! что̀ вы это говорите!... Онъ послѣ будетъ смѣяться, станетъ распрашивать, на что̀ да на что̀... Мужчины, вы сами знаете...

— Такъ идите-же, прервала Варинька.

Жаль, очень жаль! а то изъ устъ Катиньки мы услышали бы можетъ-быть какое-нибудь оригинальное мнѣніе о

мужчинахъ, смѣлую мысль, блистательную гипотезу.

— Еще вотъ что̀, заключила Катерина Осиповна: — если я минутъ черезъ пять не возвращусь сюда, значитъ нельзя. Тогда... ужь нечего дѣлать!... я пойду наверхъ: не найду-ли хоть карандаша.

Спустя минуту послѣ того, Катинька была въ кабинетѣ Мити, а черезъ пять, когда Варинька рѣшила, что его видѣть нельзя, горячій поцалуй дѣйствующихъ лицъ представилъ фактъ, что амуръ сотрудничалъ по красной цѣнѣ. А когда часовая стрѣлка показывала шесть часовъ, произошло между нашими любовниками вотъ что̀:

. . . . . . И Митя увлекся своей завѣтной мыслью до того, что забылъ все, что̀ не она. Долго, долго говорилъ онъ, можетъ-быть никогда такъ горячо, какъ въ эту минуту. Но вотъ онъ остановился, не для того, чтобъ перевести духъ и потомъ продолжать снова: нѣтъ! онъ оста-

новился потому, что слухъ его былъ поражонъ чѣмъ-то непріятнымъ, что̀ вдругъ сообщилось всему его организму: въ то время, когда онъ былъ такъ восторженъ, Катинька вовсе его не слушала и, разсматривая ноты, тихо пѣла что̀-то изъ Соннамбулы.

— Катинька! вскричалъ Митя.

Она оставила ноты и подбѣжала къ нему, сказала: что̀, мой другъ? нѣжно взглянула на него, хотѣла взять его за руки, можетъ-быть поцаловать; но Митя отступилъ отъ нея, грустно покачалъ головой, потомъ слабымъ голосомъ, но ѣдко, продолжалъ:

— Ты не слушаешь меня? Тебя нисколько не интересуетъ, о чомъ я говорю, чѣмъ занятъ... Ты даже можетъ-быть думаешь: да возможно-ли интересоваться такими пустяками, такой фантазіей!... благодарю!... благодарю!...

— Но послушай, прервала Катинька,

испуганная, трепещущая: — я не понимаю...

— Гдѣ понимать!... И кто въ-самомъ-дѣлѣ будетъ сочувствовать человѣку, помѣшавшемуся на неосуществивомъ, для котораго закрыты всѣ пути къ желанному... а онъ между тѣмъ хочетъ проложить ихъ, сушитъ мозгъ...

— Я не понимаю, на что́ ты сердишься, мой милый...

И Катинька еще ближе подошла къ Митѣ, устремила на него умоляющій взоръ, хотѣла обнять его. При такомъ движеніи, бѣлый платочекъ ея, до сей минуты постоянно бывшій призывнымъ флагомъ для Мити, разсѣкъ воздухъ. Но Митя оттолкнулъ Катиньку и еще съ бо̀льшею жолчью, почти въ изступленіи, сказалъ:

— Думалъ-ли я, что тѣ интересы, тѣ стремленія мои, съ которыми я допустилъ сравниться только той женщинѣ,

которую я такъ горячо люблю, — думалъ-ли я, что они такъ безсмысленно будутъ презираемы ею!...

— Димитрій! ты на себя не похожъ; взгляни въ зеркало: какой ты страшный!... Кто сказалъ тебѣ, что я презираю... и о какомъ презрѣніи говоришь ты?.. Только три недѣли нашей любви, — и ты ужь такъ грубъ со мной!... И въ чомъ-же моя вина?...

Но Митя Молчалъ, закрывъ лицо руками.

— Такъ ты не хочешь и говорить со мной! продолжала Катинька, послѣ двухъ, трехъ минутъ молчанія. — Это не благородно, не благородно, Дмитрій!...

Катинька ушла въ слезахъ, въ отчаяніи, въ досадѣ. А Митя? Въ первый разъ послѣ трехъ недѣль мелькнула передъ нимъ мысль о бракѣ съ любимой женщиной; будущность предстала въ самой неблагопріятной для любви обстановкѣ.

Мысли успокоительныя Митя отталкивалъ, какъ прихотливый больной, отвергающій лекарство; мысли враждебныя, возмущающія, какъ совѣсть наша въ чорный день, соединялъ и соединялъ, чтобъ составить изъ нихъ чудовищное цѣлое.

— Мы не созданы другъ для друга! восклицалъ онъ. — Насъ свелъ прихотливый случай, а не симпатія!... Мы, какъ нарочно, нашли одинъ въ другомъ только противоположности... Что̀ это за любовь, когда она не понимаетъ меня!... Да мы и разной среды съ нею!... Развѣ отецъ ея согласился бы соединить насъ... Не ползать-же мнѣ передъ нимъ на колѣняхъ, не цаловать-же его руки!... Что̀ за нелѣпое положеніе человѣка!... Это только собака лижетъ руку, которая ее бьетъ!... Катинька!... да сто̀итъ-ли она того, чтобы оскорбляться ея невниманіемъ?!... Да люблю-ли я ее, какъ вображаю!!... а?...

Митя замолчалъ какъ бы прислушиваясь. Еслибъ окружавшее его умѣло говорить, отъ каждой бы вещицы въ своемъ кабинетѣ онъ услышалъ:

— Любишь! любишь! любишь!...

сюжетовъ вообще. Мнѣ вздумалось разсказать Пети о *немъ:* я говорила о *его* стремленіяхъ, о *его* жаждѣ дѣятельности, о недостиженіяхъ желаннаго, какъ *онъ* боролся съ нуждой, какъ скрывалъ отъ людей ея лохмотья, какъ любилъ одну богатую дѣвушку, какъ унижался до просьбъ денегъ, чтобъ являться предъ своей любимицей во всей роскоши, какъ *онъ* бѣжалъ отъ нея, когда увѣрился, что эта дѣвушка знаетъ о его бѣдности, какъ наконецъ судьба сжалилась надъ *нимъ*, давъ ему работу по поденной платѣ, и какъ *онъ* и тутъ остался при своихъ желаніяхъ...

(Затѣмъ разговоръ, слѣдовавшій между Ленхенъ и Петей, записанъ въ дневникѣ первой отрывками. Не угодно-ли читателю выслушать его вполнѣ?)

— Признаете вы возможность существованія такого лица? спросила Ленхенъ.

— Отчего-же нѣтъ? отвѣчалъ Петя.

*

— Какого-же вы о немъ мнѣнія?

— Да, это человѣкъ съ характеромъ.

— И только?... Развѣ въ этомъ человѣкѣ невидно величія его души?

— Позвольте остановить васъ, Елена Васильевна. Вы мнѣ разсказали только первую часть жизни этого человѣка... назовемте его хоть N N... представьте мнѣ остальную — и я можетъ-быть соглашусь, что онъ достоинъ того титула, которымъ вы его рекомендуете...

— Скажите отъ себя содержаніе этой второй части и потомъ выведите ваше заключеніе, прервала Ленхенъ.

— Содержаніе второй части.... Что ожидало въ ней нашего N N?—Если онъ убѣдился, что его стремленія, его желанія были только воздушные зàмки, то это еще не бѣда: и тутъ можно быть великимъ, когда...

Ленхенъ обнаружила нетерпѣніе.

— Если вы станете разсуждать такъ пунктуально, сказала она: мы не скоро

дойдемъ до исхода нашей задачи. Примите въ основаніе второй части, что N N именно, какъ говорятъ, избранникъ.

— Извольте; я и на это согласенъ... А мнѣ бы, право, хотѣлось доказать вамъ, что и у домашняго очага есть великіе люди, хотя они и не пользуются извѣстностью. Мы ищемъ величіе непремѣнно въ свѣтѣ... Примите это слово въ двухъ значеніяхъ... да, въ свѣтѣ. Державинъ пѣлъ:

«Екатерина въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой».

Такъ; но тогда имѣлъ-ли бы случай сказать о ней хоть слово тотъ-же самый Державинъ?...

— Но что́-же N N? снова возразила Ленхенъ.

— Эхъ, Елена Васильевна, послать бы васъ въ аудиторію, гдѣ на лекціи отступленія играютъ такую важную роль, — вы были бы плохой студентъ...

— Вы вѣрно хотите, чтобъ я сама досказала вторую часть? Не знаете-же вы женщинъ, когда не знаете силы ихъ любопытства и нетерпѣнія...

— Нѣтъ-съ, очень знаю; потому-то я прибѣгнулъ къ отступленію... Что̀-же касается до N N, то вотъ его роль во второй части... Вы непремѣнно желаете, чтобы онъ былъ избранникъ?... Вы говорили, что судьба наградила его очень скуднымъ содержаніемъ?

Ленхенъ могла и не отвѣчать; но, вспыхнувъ и наклонивъ голову, съ грустью и едва слышно, какъ-то невольно высказалась она въ произнесенномъ ею словѣ: да. — Петя, вставъ съ мѣста, подошолъ къ ней.

— Зачѣмъ-же краснѣть, Елена Васильевна? сказалъ онъ нѣжно, привѣтливо, сжимая ея руки. — У всякого было свое прошлое... Улыбнитесь... вотъ это лучше, особенно для меня: я могу съ бо̀льшею смѣлостью говорить объ N N... Но

можетъ-быть вы желаете, чтобъ я замолчалъ?

— Нѣтъ, говорите, отвѣчала Ленхенъ твердымъ голосомъ. — Въ нашемъ домѣ всѣ считаютъ васъ своимъ человѣкомъ, для васъ все не тайна здѣсь; отчего-жь я одна буду видѣть въ васъ чужого?... Благодарить тутъ не-за-что... И не цалуйте такъ жарко мои руки: войдетъ кто-нибудь...Сядьте и отвѣчайте на мой вопросъ.

Вдругъ Ленхенъ улыбнулась. Петя опять вскочилъ со стула.

— Будьте такъ добры, подѣлитесь со мной вашею мыслью! вскричалъ онъ.

— Сперва окончимте начатое, и потомъ, въ видѣ награды, я скажу вамъ.

— Прекрасно!... Во второй части N N ждетъ или преждевременная смерть: тогда его величіе остается въ туманѣ; или-же онъ можетъ охладѣть къ своимъ цѣлямъ: такихъ людей называютъ малодушными; или-же N N, наконецъ, какъ человѣкъ съ талантомъ, не смотря на дол-

гія испытанія, или противодѣйствія судьбы, достигнетъ желаннаго. Въ наше, по совѣсти сказать, умное время это ужь правило, а не исключеніе. Послѣдній подарокъ судьбы, по вашему выраженію (Петя никакъ не рѣшался повторить: поденная плата) — исходная точка потерь для N N; затѣмъ пойдетъ рядъ пріобрѣтеній. Вотъ если тогда онъ, рожденный съ благородной натурой, останется ей вѣрнымъ, будетъ великъ не въ одномъ только громкомъ имени: имя часто очень изящно драпируетъ самыя гадкія дѣла... нѣтъ! но будетъ такимъ и внѣ сферы извѣстности: тогда... Представьте мнѣ на это факты — и я раздѣлю ваше мнѣніе насчотъ N N.

— Но мнѣ все что-то невѣрится, чтобы нужда могла такъ исковеркать человѣка.

— Къ сожалѣнію, можетъ, — и именно исковеркать... Вы употребили очень правильное выраженіе. Человѣкъ, который находится подъ ея вліяніемъ, испы-

тываетъ самыя страшныя конвульсіи, являясь послѣ того или истинно великимъ, или уродомъ. Благодаря Бога, я не испыталъ нужды, значитъ говорю не по опыту...

— Но откуда-же такое убѣжденіе въ этомъ случаѣ, когда вы вѣруете только въ то, чтò испытали?

— Повторять-ли вамъ уже мильёнъ разъ сказанное, что всего испытать нельзя?... Но люди, насъ окружающіе, съ ихъ завѣтными радостями, съ ихъ тайными или видимыми скорбями, со всѣми ихъ чувствами, противоположными одно другому, — развѣ это не наука всѣхъ наукъ, не мудрѣйшая изъ всѣхъ школъ?... Мнѣ суждено было съ самой первой поры юности толкаться между людьми во всѣхъ европейскихъ уголкахъ, сходиться съ членами различныхъ убѣжденій и темпераментовъ: не мудрено было тутъ, и безъ собственнаго опыта, узнать многое и многое...

— Но отчегожь вы вздохнули? съ участіемъ спросила Ленхенъ. — Развѣ вы счастливѣе сдѣлались съ тѣхъ поръ, какъ узнали это многое и многое? продолжала она, покачавъ головой. — Не научились-ли вы сомнѣваться... даже въ себѣ?...

— Охъ, до какого щекотливаго предмета договорились мы! отвѣчалъ Петя.— Сегодня-же дома я обдумаю вашъ вопросъ, можетъ-быть окончательно, потому-что думалъ объ немъ уже не разъ... Но возвратимся къ нашему разговору, чтобы скорѣй покончить его.

— Зачѣмъ-же скорѣе? Мнѣ очень пріятно слышать такого бывалаго, ходячаго человѣка, какъ вы! возразила Ленхенъ.

— Нѣтъ! длинные монологи не всякому по силамъ... Да и о чомъ, правда, говорить? Вопросъ мы уже рѣшили... Ну-же, теперь скажите, чему вы улыбались, когда мы коснулись нашихъ отношеній другъ къ другу.

— А ужь, право, незнаю говорить–ли, отвѣчала Ленхенъ, нѣсколько смѣшавшись.

— Отчего-же? Мы столько времени разговаривали съ примѣрною откровенностью, что смѣшно бы было маскироваться подъ конецъ бесѣды. Ну, говорите.

— Я улыбнулась... Какъ иногда люди ошибаются... Всѣ говорили еще такъ недавно, что мы...

— Ну, я за васъ договорю, Елена Васильевна, прервалъ Петя: — говорили, что мы влюблены другъ въ друга, — не такъ-ли?

— Да.

— Чтòжь! это не помѣшаетъ намъ остаться друзьями....

. . . . «Вотъ въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находимся мы, что рѣшаемся на полную откровенность — читаемъ далѣе въ дневникѣ Ленхенъ, — и такъ неизмѣримо далеки другъ отъ

друга, что между нами нѣтъ и тѣни любви. Оттого-ли это, что мы такъ ясно понимаемъ себя? Я чувствую, что не въ состояніи была бы удовлетворить его; онъ это видитъ. Или оттого, что мы еще невысказались до такой мѣры, гдѣ между мужчиной и женщиной любовь неизбѣжна, когда сердце ничѣмъ не заставишь молчать... Какъ знать!..

. . . . «Завтра я буду женой!... Ахъ, еслибъ день вѣнчальный не былъ для меня началомъ дней скорби... Господи! спаси рабу Твою!... Съ такими-ли мыслями нужно приступать къ великому таинству!... Завтра *да!* а сегодня рядъ возможныхъ отрицаній!... Что̀-то съ *нимъ*, безвиннымъ страдальцемъ? Ахъ, зачѣмъ онъ испугался своей бѣдности, въ которой былъ такъ великъ, такъ сто̀ющъ самой пламенной любви?... зачѣмъ онъ бѣжалъ отъ меня? къ счастію или отъ счастія?... Но вѣрно такъ суждено, такъ написано въ этой деспотической книгѣ

судебъ... фатализмъ душитъ меня!.... Это своего роду болѣзнь: все приписывать постороннему вліянію, — ничего себѣ!...

. . . . «*Да!* И я не солгу, когда трепетно, болѣзненно проговорю: *да!* когда меня обвѣнчаютъ съ немилымъ человѣкомъ... Я иду за него не по принужденію: я сама захотѣла быть его женой. Иванъ Терентьичъ объяснился съ батюшкой, папаша послалъ его ко мнѣ; онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе: я попросила у него недѣлю, чтобы подумать, — и потомъ согласилась... Ну, не лежитъ-ли на всемъ этомъ сила рока?...

. . . . «А предчувствуется многое, и страшно предчувствуется!...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ день вѣнчанія Ленхенъ, часу въ восьмомъ вечера, въ небольшой, изящно драпированной комнатѣ, служившей Пети будуаромъ, проѣзжающіе и шествующіе по большой улицѣ могли замѣтить яркое освѣщеніе: независимо отъ горѣвшей лампы, двѣ стеариновыя свѣчи таяли передъ туалетнымъ зеркаломъ, третія — на ломберномъ столѣ, четвертая — на этажеркѣ. Евтей, лакей Пети, частенько поскрипывалъ дверью, поглядывая въ щелочку, не принимаетъ-ли его баринъ намѣренія одѣваться, но тотчасъ-же прятался, какъ тотъ подходилъ къ двери.

— Евтей!

Евтей, простоявъ нѣсколько секундъ въ положеніи статуи, откликнулся, отворивъ дверь:

— Чего изволите?

— Приготовь умываться.

— Сію секунду-съ.

Едва только Евтей скрылся, Петя поспѣшилъ затворить дверь на замо́къ.

— Четыре года хранилъ я эти документы быть можетъ самой лучшей любви моей! говорилъ онъ, вынимая изъ туалетнаго ящика небольшую связку писемъ. — Приходитъ время сжечь ихъ, чтобы изчезло для другихъ и послѣднее напоминаніе о томъ, что́ встарь было для меня такъ дорого... Черезъ мѣсяцъ или черезъ два будешь женатый человѣкъ... Вдругъ жена увидитъ — и не хорошо. Полина — тоже женщина.

И Петя сжогъ одно письмо. Что̀ бы ему въ эту минуту анализировать самого себя! Роясь въ архивѣ своего сердца, онъ открылъ бы, что̀ минувшее если не до

гроба, то очень, очень еще долго будетъ интересовать его, мелькать передъ нимъ и въ объятіяхъ любящей и любимой жены, — что, принимая отъ нея поцалуй, онъ иногда подумаетъ: такъ, если еще не жарче, когда-то цаловала меня и *она!*... Петя взялъ другое письмо, развернулъ, прочиталъ, сжогъ; тоже самое и съ третьимъ; четвертое не читалъ, даже не развернулъ, а прямо сжогъ; потомъ продолжалъ разсуждать съ самимъ собой:

— Много любви въ этихъ письмахъ, самой искренней, теплой любви, какъ любитъ дѣвушка, только что вышедшая изъ пансіона. Но и тутъ можетъ приступить сомнѣніе, когда подумаешь, что вѣдь можно-же маскироваться и въ шестнадцать лѣтъ... чего не бываетъ!... Но вотъ это... тутъ Петя взялъ тоненькой листочекъ лондонской почтовой бумаги in octavo, болѣе другихъ измятый: такъ и видно было, какое множество разъ держали его въ рукахъ... Но вотъ это пись-

мо убѣдитъ хоть кого, что меня дѣйствительно любила *она*, никогда не помышляя объ измѣнѣ, а что измѣна пришла къ ней также невѣдомо, какъ и самая любовь... Да! только при самой глубокой преданности и довѣренности можно было написать эти *безразсудныя* строки...

Петя, невольно, приложилъ письмо къ губамъ своимъ и прочолъ изъ него нѣсколько строкъ:

«Ты зналъ, что я въ этотъ день поѣду на дачу къ дядѣ. Тамъ меня оставили до среды... о, среда! несчастный день! роковой день!... Въ этотъ день, въ 7 часовъ вечера, скончался мой безцѣнный Петя, дитя, въ которомъ я надѣялась имѣть отраду и утѣшеніе въ минуты горести... Прости, что пишу тебѣ объ этомъ; но кому-же болѣе и писать, какъ не тебѣ?..»

— Ну, прочти это кто-нибудь другой, непремѣнно явится скандальная исторія, любовь оскорбятъ обиднымъ подозрѣніемъ.

А все дѣло вотъ въ чомъ:

Любовь въ этой дѣвушкѣ, — назовемъ ее хоть Серафимой,— была развита такъ сильно, что, потребляясь на любимый предметъ, находила въ себѣ еще довольно избытка. И этотъ избытокъ нужно-же было передать кому-нибудь: такія натуры себѣ ничего не оставляютъ и, все отдавая другимъ, считаютъ себя мильёнерами. На комъ-же изливала Серафима этотъ избытокъ любви? — Она страстно любила тѣхъ, кто больше всѣхъ стòитъ любви, — дѣтей. Идя по улицѣ, она не оставляла безъ вниманія ни одного ребенка, былъ-ли онъ съ рожденія осужденъ на бѣдность, или на богатство. Но Серафима не удовольствовалась этимъ: ей хотѣлось имѣть дитятю возлѣ себя, няньчить его, засыпать у изголовья его колыбели. И вотъ она — любимица отца и матери — оторвала отъ груди одной бѣдной женщины, – бѣдность протестуетъ и противъ материнскихъ чувствъ! —

сына, которому было не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ. Серафима произвольно звала его Петромъ, хотя при рожденіи дали ему имя: Алексѣй. Этотъ малютка-Петя красовался передъ ней двойникомъ любимца-Пети. И какъ-же она любила его! какъ Флоренса Домби своего маленькаго братца Павла! Она «души въ немъ неслышала». Но недолго Серафима пѣстовала своего пріемыша: черезъ мѣсяцъ онъ умеръ, и въ ея отсутствіе! въ страшныхъ страданіяхъ.

Петя сжогъ и это письмо. Послышалось скрипѣніе сапоговъ Евтея. Петя поспѣшилъ отворить дверь. Вслѣдъ за восклицаніемъ Евтея: готово-съ! явился и Кузьма Андреичъ, и конечно изъявилъ удивленіе, что Петръ Леонтьичъ еще и не думалъ одѣваться.

— Чтò это, братъ, у тебя... чѣмъ-то пахнетъ... сжоной бумагой, что-ли? говорилъ онъ, нюхая, какъ нюхалъ Ягуновъ въ «Сигаркѣ» Полевого.

Но необыкновенное развитіе обонянія у этого помѣщика, благодаря искусству, актера, въ публикѣ Александринскаго театра производило неистовый энтузіазмъ; но здѣсь со всѣмъ другое: Петя рѣшительно не былъ расположонъ смѣяться. Онъ откровенно объяснилъ Кузьмѣ Андреичу, въ чомъ дѣло, и ушолъ смывать съ лица тоскливое выраженіе. А Кузьма Андреичъ приводилъ на память и свои старые грѣшки. Любовныхъ писемъ онъ, правда, не жогъ; зато пламенныя сердца неумолимо сжигали его ассигнаціи.... Какъ онъ досадовалъ въ эту минуту, что въ суммѣ цифръ сожжоннаго пули стояли не съ лѣвой руки!...

Чрезъ полчаса пріятели наши сѣли въ карету и помчались. Путь ихъ лежалъ мимо квартиры жениха Ленхенъ. Въ комнатахъ еще видѣнъ былъ огонь. Петя опустилъ стекло кареты, посмотрѣлъ... вдругъ...

— Кузьма Андреичъ! вскричалъ онъ:— поглядите-ка!

— Ну, что̀ такое? что̀ ты кричишь?...

— Поглядите-ка, вонъ въ этой комнатѣ...

— Да что̀ такое? я ничего не вижу...

— Женихъ еще дома...

— Видно, еще не успѣлъ одѣться...

— Да вы поглядите...

— Фу, какой! наладилъ одно и тоже: поглядите да поглядите! что́ тамъ глядѣть?

И Кузьма Андреичъ потянулся къ окну.

— Видите? продолжалъ Петя, указывая на одно изъ оконъ квартиры Ивана Терентьича: — видите?

— Женскую голову, что-ли? это тебя удивляетъ?... Вотъ невидаль! заключилъ Кузьма Андреичъ, снова опускаясь на подушку.

— Бездѣлица!... Да знаете-ли вы, что эта женщина... Она въ шляпкѣ...

Съ этими словами Петя дернулъ за шнурокъ. Карета остановилась.

— Я выйду! вскричалъ онъ.

— Что̀ прикажете-съ? спросилъ Евтей, отворивъ дверцы.

— Что̀ ты хочешь дѣлать! восклицалъ Кузьма Андреичъ по-нѣмецки.— Я догадываюсь... Но это будетъ сумасшествіе... Ни съ того, ни съ сего придти въ квартиру человѣка... И всю улицу ужь проѣхали... Поѣзжай! добавилъ онъ по-русски. — Ну, съ чего ты это взялъ? Тебѣ сегодня такъ и мерещатся романы...

Петя не отвѣчалъ ни слова, только разорвалъ перчатку, потомъ схватился за голову.

— Ну, вотъ хорошо, что ты берешь съ собой двѣ пары перчатокъ; а то пришлось бы заѣзжать въ магазинъ. Экъ что̀ выдумалъ!... Мало-ли женщинъ... не всѣ-же!... ворчалъ Кузьма Андреичъ, а самъ между-тѣмъ угрюмо думалъ о будущности Ленхенъ. — Вотъ и пріѣхали!

заключилъ онъ, когда карета остановилась у церкви.

«Женихъ!» раздалось на паперти.

«Женихъ!» повторили въ церкви.

— Какой женихъ! возразилъ кто-то на паперти: — это поѣзжане; черезъ минуту шопотомъ пронеслось по всей церкви: *не онъ.*

Ждутъ жениха полчаса — нѣтъ, ждутъ часъ — нѣтъ. Невѣсту, блѣдную и встревоженную, стараются занять разговорами; но Ленхенъ ничего не слышитъ, не понимаетъ: она занята будущностью, и ей страшно предчувствуется, какъ сама она писала въ своемъ дневникѣ. Митя, мрачный, недовольный, озлобленный вмѣшался въ толпу постороннихъ зрителей. А подлѣ него старушка то-и-знай пристаетъ къ нему съ вопросами въ родѣ слѣдующаго: а что, дитятко, отчего жениха-то такъ долго нѣтъ? А тамъ кто-то ухмыляясь говоритъ своему сосѣду: — Извѣстно, отчего такъ долго не ѣдетъ:

съ отцомъ невѣсты торгуется о приданомъ, надбавки проситъ. — А можетъ и съ зазнобушкой расчитывается! прибавляетъ сосѣдъ. — Что̀ бы это значило, что онъ такъ долго не ѣдетъ? да и шафера-то его невидать... перешептываются поѣзжане.

Въ самомъ-дѣлѣ, что̀ бы это значило?

— Ступай-же да возвращайся поскорѣй! говоритъ Иванъ Терентьичъ своему лакею, за чѣмъ-то посылая его. — Около восьми часовъ: пора ѣхать... Ну, какъ гора съ плечъ, продолжалъ женихъ: — что *она* не знаетъ!... Вѣдь можно-же было такъ сильно привязаться къ дѣвчонкѣ!... Съ трудомъ рѣшился наконецъ разстаться!... Послѣ сватьбы нужно послать ей тысячъ десять, пятнадцать: нельзя-же такъ бросить послѣ трехъ лѣтъ... Кто тамъ?... Неужли Пантелей... такъ скоро?...

Иванъ Терентьичъ поблѣднѣлъ, судорожно уставилъ глаза въ какой-то пред-

метъ, отворившій двери: передъ нимъ стояла дѣвушка, хорошенькая, со вкусомъ и деликатно одѣтая, — съ томными глазками, на этотъ разъ красными отъ слезъ.

— Софья! вскричалъ Иванъ Терентьичъ дрожащимъ голосомъ. — Софья! повторилъ онъ твердо, съ негодованіемъ.

Дѣвушка подбѣжала къ нему, схватила его за руку такъ крѣпко, какъ будто хотѣла сломать ее, и болѣзненно, прямо отъ сердца, проговорила:

— Такъ это правда: вы женитесь? и, не дожидаясь отвѣта, продолжала, съ укоромъ: — такъ вотъ отчего въ послѣднія три недѣли вы сказывались больнымъ, и когда я хотѣла ходить за вами, вы такъ грубо отталкивали меня, — вотъ отчего...

— Послушай, Софья, говорилъ Иванъ Терентьичъ спокойно, но безъ жостко-сти: — намъ, рано или поздно, необходимо было разстаться...

— Почему-же необходимо?

— Какъ почему?... Не вѣкъ-же быть холостымъ: пора и жениться...

— Жениться!... Но развѣ я недостойна быть вашей женой?

— Ты?!

— Да, я!... Или потому только недостойна, что у меня нѣтъ ста тысячъ серебромъ, на которыхъ вы женитесь... Развѣ вы любите ее, эту дѣвушку!... А какъ она прекрасна, умна, добра, какъ мнѣ говорили... да! будто вы ее любите?... Только я одна имѣю право быть вашей женой... вспомните... Это безчеловѣчно, неблагородно!...

— Софья!... уйди... Это больно, невыносимо слушать тебя...

Иванъ Терентьичъ схватился за голову, тяжело вздохнулъ: не изъ камня-же была душа этого человѣка! не безъ свиданья-же простился онъ съ совѣстью!

— А прежде вы не гнали меня... вспомните...

— Вспомните!... Развѣ я не человѣкъ, что не помню!... Прежде!... Но теперь — не прежде...

— Можно-ли быть такимъ безжалостнымъ къ женщинѣ, у которой вы когда-то лежали въ ногахъ, которую вы называли самыми нѣжными именами, которую клялись имѣть женой своей?... Да, теперь не то, что̀ прежде!...

Софья, изнеможенная, съ растерзаннымъ сердцемъ, упала на диванъ. Глаза ея закрылись; она трепетала, какъ въ родимцѣ. Съ отчаяннымъ крикомъ бросился къ ней Иванъ Терентьичъ. Онъ всталъ на колѣни передъ диваномъ, теръ духами виски Софьи, прыскалъ ей ими въ лицо ея... даже поцаловалъ ея горячія губы... Софья открыла глаза, приподнялась, встала съ дивана и тѣмъ нѣжнымъ голосомъ, который нѣкогда приводилъ Ивана Терентьича въ восторгъ, опьянялъ его чувства, — сказала:

— Не покидай меня, Жанъ, не бросай! Подумай, что̀ со мной будетъ, когда ты оставишь меня... Я не родилась для позорной жизни, я воспитывалась не въ грязной семьѣ...

И Софья обвила Ивана Терентьича своими бѣлыми, пухлыми руками, на которыхъ казалось еще не смылись слѣды долгихъ поцалуевъ, — и прижала его къ своей груди... хотѣла цаловать его, но чего-то боялась, какъ-то стыдилась... Потокъ горячихъ слезъ оросилъ ея вспыхнувшія щоки. Иванъ Терентьичъ толкнулъ Софью: она едва удержалась на ногахъ.

— Софья!... уйди... ради Бога, уйди!.. Мы должны разойтись; я не перемѣню своего намѣренія... Умоляю тебя, уйди!...

— А! теперь вы меня умоляете, чтобъ я ушла. А вспомните, какъ я умоляла васъ, какъ я, плача, говорила вамъ: ради Бога, уйдите... Вы спасли меня отъ про-

тягиванія руки , похоронили мать, для которой не на чтó было купить гроба, — выкупили отца: неужли за такое благодѣяніе плата — безчестіе женщины!... что̀ вы тогда говорили?... вспомните!... Но хорошо, я уйду...

И Софья, какъ разслабленная, потащилась къ дверямъ. Иванъ Терентьичъ, поспѣшно вынувъ между-тѣмъ изъ коммода нѣсколько банковыхъ билетовъ , незадолго до того времени получонныхъ имъ отъ Василія Иваныча на обзаведеніе, и, взявъ одинъ изъ нихъ — въ пятнадцать тысячъ, остановилъ Софью.

— Что̀ вамъ нужно? спросила она.

— Вотъ тебѣ...

— Это что̀? деньги? прошептала Софья, смотря на билетъ, и хотѣла его бросить. Но вдругъ... настоящее и будущее... чтó теперь? что̀ послѣ?... или тяжолая, поденная работа , или пышная жизнь разврата... Развратъ такъ омерзителенъ, а руки работать разучились... И Софья,

скомкавъ билетъ , съ отвращеніемъ опустила его въ карманъ. Какъ безумная сходила она съ лѣстницы... и вдругъ вспомнился ей стихъ безумной Офеліи :

«Вѣдь я шутилъ! вѣдь я шутилъ!»

А Иванъ Терентьичъ? да что̀ ему! Онъ *подарилъ* этой женщинѣ пятнадцать тысячъ! — бездѣлица! Онъ расквитался! и теперь ѣдетъ вѣнчаться!...

Будетъ борьба — жесточайшая изъ всѣхъ битвъ и распрей – борьба супружеская! Энергически возстанетъ наконецъ Ленхенъ, долго молчаливая и долго и долго угнетаемая! Не одними слезами отвѣтитъ она на притѣсненія!... Да, да! ей страшно предчувствовалось, — и дѣйствительность оправдаетъ предчувствіе!.. Бѣдная жертва фатализма!...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Прошло нѣсколько мѣсяцовъ. Много воды ушло въ землю въ это время на петербургскихъ улицахъ, много перемѣнъ произошло въ убѣжденіяхъ, много случаевъ утѣшительныхъ и горестныхъ, въ любви; двѣ, три ласкающія новости въ литературѣ; много, много каверзъ въ журнальной кухнѣ...

Большая перемѣна въ домѣ Василія Иваныча! Давно-ли здѣсь было такое веселье, а теперь такъ мрачно и угрюмо, — угрюмѣе другихъ самъ хозяинъ. Не веселятъ его ни почотъ, ни приращеніе капитала. Ходитъ онъ по огромному залу, сложивъ руки по-наполеоновски, и то на-

клонитъ голову, то взглядываетъ на зеркала... Скоро, скоро покроютъ ихъ полотномъ!... Время отъ времени слеза — этотъ шпіонъ души — увлажитъ глаза Василія Иваныча, и онъ вздохнетъ, какъ вздыхаютъ только при такомъ горѣ, изъ котораго не видятъ выхода, когда къ желанному «пути всѣ заказаны», когда доля человѣка «сиротой родилась».

Митя нездоровъ, при-смерти болѣнъ. Цѣлый мѣсяцъ лежитъ онъ въ постели, съ каждымъ днемъ таетъ, какъ свѣча. Цѣлый мѣсяцъ доктора обнадеживали Василія Иваныча, что Митя выздоровѣетъ, наконецъ признались, что искусство ихъ безсильно: отецъ слезами вытребовалъ у нихъ откровенность.

— Сынъ мой милый! восклицалъ Василій Иванычъ: — мой любезный другъ... умретъ! и нѣтъ надежды, чтобъ онъ всталъ съ постели!... Умретъ онъ.... Господи, Боже мой!... гдѣ надежды? гдѣ гордость, что у меня такой сынъ?...

Вотъ оно, счастье-то: везетъ, везетъ, да и соскучится помогать человѣку...

— Полно, кумъ, печалиться! говорилъ Кузьма Андреичъ, утѣшая Василія Иваныча. — Что навязывать себѣ горе, когда оно быть-можетъ отъ насъ за горами.

— Нѣтъ, Кузьма Андреичъ, продолжалъ Василій Иванычъ, качая головой: — не за горами оно, горе-то, а за плечами.

— Докторъ такой-же человѣкъ: развѣ онъ не можетъ ошибиться?... Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ...

— Оставь, кумъ, твои утѣшенія: они для меня не лекарство, — отрава. Самъ подумай, что́ я теряю въ Митѣ! Вотъ вѣдь ты и не отецъ его, а плачешь... Что отворачиваться?... Кузьма! дорого мнѣ твое участіе, да участіе Пети и жены его. Во вѣкъ я васъ не забуду, — видитъ Богъ, не забуду...

А слезы градомъ лились изъ глазъ Василія Иваныча.

— Ну, другой сынъ останется, сказалъ Кузьма Андреичъ. — Развѣ не молодецъ, что-ли, онъ?

— Другой!... Да, у меня есть и еще сынъ, — только зачѣмъ Евгеній не Димитрій? Зачѣмъ смерть, приходя въ мой домъ за жертвой, не спрашиваетъ у отцовскаго сердца: за кѣмъ?

— Кузьма Андреичъ, сказалъ вошедшій слуга: — Дмитрій Васильичъ просятъ васъ къ себѣ. — Что-то ужь больно плохъ, продолжалъ онъ, проходя съ Кузьмой Андреичемъ по сѣнямъ.

— Ну, что́ дѣлать! хотѣлъ сказать Кузьма Андреичъ голосомъ твердымъ, да голосъ его былъ дрожащь. — А Петръ Леонтьичъ тамъ? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ: уѣхали.

— А Палагея Ивановна?

— Палагея-то Ивановна тамъ-съ: сидятъ подлѣ постели Дмитрія Васильича... такія печальныя... Видно и чужое горе

прошибаетъ иной разъ... Кажись, умретъ. Развѣ чудомъ какимъ встанетъ.

Прошу читателя припомнить, какъ Митя по уходѣ Катиньки старался увѣрить себя, что между имъ и ею нѣтъ ничего родственнаго, какъ онъ, при всей любви своей, хотѣлъ убѣдить себя, что уже не любитъ. Со стороны Мити это было очень натурально: на него все противоположное дѣйствовало чрезвычайно возмутительно; человѣкъ не его интересовъ, не его образа мыслей былъ для него прокаженнымъ. Въ этомъ случаѣ Митя — панданъ князя де-Росвальда. Но Король по-крайней-мѣрѣ не устоялъ передъ могучимъ авторитетомъ противоположности, въ лицѣ Лукреціи. Митя-же ощутилъ въ себѣ силу — болѣзненную, но очень возможную — отказаться отъ любимой женщины, чтобъ только не оскорбить свое убѣжденіе прикосновеніемъ къ этому, по его словамъ, чудовищному контрасту. Но Митя разумѣется

не тотчасъ отказался отъ любви къ Катинькѣ: нужно было еще побороться съ самимъ собой. Онъ заключилъ съ Катинькой миръ, протянувъ такимъ образомъ любовь свою еще мѣсяца на три. Послѣ того настала минута прощанья. Вотъ какъ это случилось:

Въ одно (начиная казенной фразой) изъ представленій комедіи Грибоѣдова, между прочими зрителями, находилась и Катинька съ виновниками ея существованія. Подлѣ бенуара, въ креслѣ, возсѣдалъ Митя. На афишѣ значилось, что спектакль заключится фарсомъ. Едва только Кажинскій умолкъ, Митя сталъ прощаться съ Катинькой, съ ея папашей и мамашей.

— Куда вы?

— Домой.

— А послѣднюю пьесу, — развѣ вы не будете смотрѣть ее?

— Нѣтъ.

— Это отчего?

— Позвольте мнѣ умолчать, сказалъ Митя, но не умолчалъ, а вывелъ слѣдующее заключеніе: — пьеса эта рѣжетъ слухъ своею нелѣпостію. Жалѣю о вкусѣ тѣхъ людей, которымъ она можетъ нравиться.

Этотъ отзывъ очевидно не былъ пріятенъ Катинькѣ: она сдѣлала гримаску и начала утѣшать себя прогулкой по разнокалибернымъ физіономіямъ. Авторъ пьесы былъ ея любимецъ; всѣ его фарсы восхищали ее. — Митя опустился въ кресло.

— Катерина Осиповна...

— Чтó такое?

— Неужли вамъ въ-самомъ-дѣлѣ нравится...

Тутъ Митя назвалъ автора.

Отвѣтъ былъ, какъ видите, основательный:

— Чтó не нравится вамъ, можетъ нравиться другимъ...

— Въ томъ числѣ и вамъ?... Очень пріятно слышать!.... сюрпризъ за сюрпризомъ!...

Со стороны Катиньки молчаніе.

— Можно-ли въ наше время восхищаться пасквилемъ...

— А вотъ увидите, какъ будутъ апплодировать этому пасквилю.

Замѣчаніе это ударило Митю по лицу. Дѣйствительность уколола его такъ сильно, что онъ сначала не находилъ и словъ къ отвѣту, но чрезъ минуту, оправившись, сказалъ съ злостью:

— Послѣ этого нисколько не удивительно, что вы... помните? недѣли три назадъ... проходя мимо Юнкера, съ такимъ восторгомъ разсматривали scenes populaires russes!... populaires!!...

Но вотъ взвивается занавѣсъ. На сцену выходитъ любимецъ публики. Крики восторга, хлопанье въ ладоши, топанье ногами, сладенькая улыбочка женскаго пола привѣтствуютъ каррикатуриста. По—

томъ всеобщій смѣхъ, смѣхъ душевнаго довольства. Артистической натурѣ видимо сочувствуютъ. Острота за остротой, каламбуръ за каламбуромъ. Полный эффектъ. Но вотъ виновникъ восторга публики доходитъ до конечной возможности своего гаэрскаго паѳоса, а сама публика до конечной возможности увлеченія.

— Ахъ, какъ это мило! воскликнула, при общемъ шумѣ и въ припадкѣ собственной веселости, Катинька, утирая платкомъ слезы радости.

Митя, какъ говорится, и руки опустилъ при этомъ восклицаніи. Посидѣлъ онъ еще съ минуту и вышелъ изъ театра.

На другой день, рано утромъ, Катинька получила отъ Мити письмо. Вотъ что̀, между прочимъ, писалъ онъ:

«Если намъ неизбѣжно было сойтись «другъ съ другомъ, то неизбѣжно и раз-«статься. Не знаю, по какимъ законамъ «сближаются такія рѣзкія противополож-

«ности, какъ мы съ вами; но знаю, что
«насильно связанное рвется очень скоро.
«Не ожесточайтесь противъ меня, что я
«первый предлагаю вамъ разлуку, не ду-
«майте, будто бы я не любилъ васъ или
«разлюбилъ такъ скоро. Разлучиться дол-
«жны мы для нашего-же счастія, чтобы
«искать его порознь. Будучи вмѣстѣ, мы
«не найдемъ его. Любовь — наслажденье;
«полное наслажденье можетъ быть толь-
«ко при увѣренности взаимнаго пони-
«манья. У насъ этого нѣтъ. Вчерашній
«вечеръ — доказательство. Каюсь: я
«страшный врагъ противоположностей.
«Дайте мнѣ силу примириться съ людьми
«враждебныхъ мнѣ интересовъ, по-край-
«ней-мѣрѣ глядѣть на нихъ снисходи-
«тельно, — и тогда... Но это врядъ-ли
«возможно... Какой у васъ грубый вкусъ,
«какое неумѣнье распоряжаться образо-
«ваніемъ! Вы восхищаетесь грязью и кле-
«ветой на ту среду, къ которой принад-
«лежитъ вашъ любовникъ, — вы воскли-

«цаете: Ахъ, какъ это мило! Еслибъ вы «были на моемъ мѣстѣ, вы поняли бы и «мое изступленіе, и возможность ненави-«дѣть свое собственное чувство... Лицо «мое горитъ... вотъ я гляжу на вашъ «портретъ, съ трудомъ удерживаюсь ца-«ловать его... Если при взглядѣ на рису-«нокъ увлекаешься, — чтὸжь, когда пе-«редъ тобой оригиналъ его?...»

Катинька, прочитавъ письмо, сначала была полна негодованія, далѣе слѣдовали безсонныя ночи, слезы и прочее; потомъ она дождалась, когда время исцѣлило любовь и взамѣнъ любви оставило въ ней воспоминаніе. Все это въ порядкѣ вещей, какъ и то, что и Митя наконецъ дожилъ бы до того часа, въ который, въ минуту сердечной откровенности, сказалъ бы: я любилъ, былъ любимымъ; чтὸжь еще можно требовать отъ нея и отъ меня? Очень натурально и то, что онъ захворалъ такъ сильно, что еслибъ выздоро-

вѣлъ, такъ это дѣйствительно было бы чудо.

Митѣ не хотѣлось умирать. Горестей, которыя дѣлаютъ жизнь тягостью, онъ не испыталъ. Постоянно полный кошелекъ безъ труда избавлялъ его отъ тѣхъ стрѣлъ, которыя бѣдности попадаютъ прямо въ сердце. Были, правда, страданія и у него, но страданія ума; а это болѣзнь излечимая, у кого только умъ незашолъ за разумъ. Часто, трепеща всемъ тѣломъ, старался онъ приподняться на постели, встать на ноги, ходить по комнатѣ, приняться за дѣло, разговаривать, веселиться, чтобъ убѣдить себя, что онъ еще не такъ отчаянно болѣнъ. Но слабость измѣняла ему, и голова его падала на подушку... Митя приникалъ къ ней лицомъ, обливалъ ее слезами; его кидало въ потъ. Онъ звалъ кого-нибудь къ себѣ, спрашивалъ, скоро-ли пріѣдетъ докторъ, съ наслажденіемъ пилъ отвратительное лекарство, съ мольбой взиралъ на образъ

Спасителя и Божіей Матери, шепталъ молитвы, просилъ отца, чтобъ тотъ во время его болѣзни надѣлялъ, какъ только могъ, сирыхъ и неимущихъ, давалъ обѣщанія идти на дальнее поклоненіе, — чтобъ только жизнь его не угасла въ такой цвѣтущей молодости... Онъ взглядывалъ на письменный столъ—и еще бóльшія мýки, еще сильнѣйшіе припадки болѣзни...

— Петя! Петя! говорилъ онъ: — разскажи-ка мнѣ, чтó новаго въ нашихъ журналахъ... чтò подѣлываютъ въ Европѣ?.. чтó пишутъ въ Times, въ Presse?... Прочти чтò-нибудь... Ну!.. погромче... внятнѣе... я такъ худо слышу... чтò такое? прочти еще разъ: я худо понялъ... А!... дальше... Остановись: мнѣ пришло на мысль... Какъ это я прежде не вздумалъ... Возми тетрадь... не эта... вонъ она, въ зеленомъ переплетѣ... Пиши, чтó я буду говорить тебѣ... Нѣтъ, не пиши; я послѣ самъ... Не могу говорить:

такъ грудь давитъ, — и какъ жарко!... Охъ, скоро-ли я поправлюсь... Петя... другъ мой! съѣзди къ Прохору Савичу... скажи, что я очень слабъ... Не пора-ли принимать лекарство?

— Надо подождать четверть часа, отвѣчала Полина по уходѣ мужа.

— Вы еще здѣсь?... Какъ я вамъ благодаренъ!... О, еслибъ вы знали, какое мученіе терплю я, не только отъ болѣзни, сколько отъ желанія выздоровѣть какъ можно скорѣе!... Дотронитесь-ка до моей головы... А что? неправдаль, какъ она горяча...

Митя приподнялся на постели. Вмѣсто отвѣта, Полина, поддерживая его голову и цалуя ее, уронила нѣсколько горячихъ слезъ на его пылающія щоки. Больной встрепенулся. Одной рукой придерживаясь за край постели, а другой сжимая руку Полины, онъ сказалъ:

— О, я никогда не сомнѣвался въ васъ!... Какой счастливецъ этотъ Петя!..

Вотъ мнѣ такъ суждено совсемъ другое: умереть... такъ рано!... Боже! Боже!...

— О, нѣтъ! нѣтъ! вскричала Полина, съ трудомъ удерживая рыданія: — вы будете жить еще долго... вы переживете всѣхъ насъ... Ради Бога, успокойтесь... Лягте; вы уснете, — проснетесь здоровымъ... Такой продолжительный разговоръ вреденъ для васъ... онъ раздираетъ сердце слушателя.... Успокойтесь-же, чтобъ успокоить меня... Димитрій!...

Митя сдѣлалъ усиліе встать съ постели... Голова его кружилась отъ разныхъ мыслей... Такое теплое участіе Полины, ея дрожащій голосъ, ея слезы, ея поцалуй, — все это обольстительно кружилось передъ нимъ и еще болѣе напоминало ему о землѣ, которую онъ сбирался покинуть... Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ Полины... Но это напряженіе произвело въ немъ такую боль, что онъ вскрикнулъ съ страшнымъ стономъ, — и когда испуганная Полина отступила отъ Мити, онъ

упалъ въ постель. Этотъ припадокъ былъ предсмертный. Въ комнату вбѣжалъ Кузьма Андреичъ, за нимъ Василій Иванычъ, потомъ всѣ домашніе. Митя съ минуту или двѣ шевелилъ губами, силясь сказать что́-то, потомъ перекрестился... въ послѣдній разъ.

---

5 Сентября, 1847.

МІРЪ ПОЭТА.

Какъ прекрасенъ міръ поэта,
Созданный мечтой его.
. . . .
. . . .

Дышетъ блескомъ совершенства
Фантастическій тотъ міръ.
И, — исполненный блаженства,
Торжествуетъ свѣтлый пиръ,
Въ немъ поэта дивный геній
Средь волшебства и чудесъ,
И восторга вдохновеній,
И гармоніи небесъ!

Всё таинственно и свято
Въ мірѣ творческой мечты,
Безпредѣльно, необъятно,
Всё такъ чуждо суеты.

Позабывъ заботы жизни,
Нищету страстей земныхъ,
Среди созданной отчизны,
Въ сонмѣ духовъ неземныхъ,

Невещественныхъ, нетлѣнныхъ,
Непонятныхъ, — какъ и онъ, —
Имъ самимъ же оживленныхъ,
Жизнь поэта, — дивный сонъ!

Онъ не жаждетъ пробужденья;
Счастливъ онъ среди тѣней;
И, въ блаженствѣ заблужденья,
Забываетъ онъ людей.
И когда здѣсь жизнь земная
Шлётъ ему одну печаль, —
Онъ не ропщетъ, — улетая
Въ фантастическую даль.
Тамъ поетъ онъ, тамъ вздыхаетъ
И невольно слёзы льётъ,
Тамъ онъ горе забываетъ
И безсмертіемъ живётъ;
Тамъ ждётъ дивнаго привѣта
Идеала своего . . . .
. . . .
. . . .

Какъ прекрасенъ міръ поэта
Созданный мечтой его.

Ф — Б — й.

ВОЛЯ ЦАРСКАЯ

НЕ

УМИРАЕТЪ.

Историческій анекдотъ въ двухъ вечерахъ.

(Посвящено Василію Степановичу Межевичу.)

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

ЛИЦА:

ІОГАННЪ РИТТЕРЪ, докторъ медицины.

АМАЛІЯ, жена его.

ФРИЦЪ, сынъ ихъ, студентъ.

КОРНЕЛІУСЪ-КАЛЬФЪ, менонистъ изъ Саандама.

БАРТОЛОМЕУСЪ-ЦИДЕРЪ, садовникъ, приглашенный въ Россію.

ЛУИЗА, дочь его.

ЯДРОВЪ, солдатъ русской гвардіи.

Слуги.

22 Августа 1717 года. Въ Амстердамѣ. Зала въ домѣ доктора Риттера.

I.

АМАЛІЯ сидитъ у стола и вяжетъ чулокъ. — ЛУИЗА въ дорожномъ платьѣ. — ЯДРОВЪ. — Нѣсколько слугъ выносятъ ящики и тюки.

ЯДРОВЪ, кричитъ имъ вслѣдъ.

Осторожнѣй, ребятушки! да укладывать, какъ сказано, чтобъ не билось, не ломалось, не текло: путь-дорога дальняя.

ЛУИЗА.

Фатерхенъ, фатерхенъ Ядровъ! да разскажи, чтожъ было послѣ...

АМАЛІЯ.

Полно, Луизхенъ! видишь, онъ усталъ, захлопотался...

ЯДРОВЪ.

Усталъ?.... Нѣтъ, Русскій солдатъ устали не знаетъ! Безъ нее управлялись

мы споконъ вѣка, и теперь, благодаря Бога, управились; хоть сію минуточку пожалуй самъ батюшка — задержки не будетъ.

ЛУИЗА.

Какой же ты упрямецъ, фатерхенъ; сталъ разсказывать и не кончилъ...

АМАЛІЯ.

Подожди, Луиза!

ЛУИЗА.

Страхъ какъ хочется знать, что тамъ было послѣ и чѣмъ все это кончилось.

ЯДРОВЪ.

Хочется?... хе, хе, хе!... а по нашему: «на хотѣнье есть терпѣнье» и всякому дѣлу чередъ. Вотъ, покончивши царскую службу, разскажу, что и какъ тамъ было; извольте слушать:

«Какъ подъ городомъ Орѣшкомъ, (*)
«Что зовется Шлюсенбургъ,
«Пролегала путь-дорожка.

(*) Солдатская пѣсня временъ Петра Великаго.

«Проходилъ большой бояринъ
«Князь Борисъ Петровичъ-сынъ,
«Сынъ Петровичъ Шереметевъ,
«Со пѣхотными полками,
«Да и съ конницей драгунъ,
«Съ удалыми казаками...

АМАЛІЯ.

А кто это Борисъ Петровичъ?

ЯДРОВЪ.

Ась?

ЛУИЗА.

Кто это у васъ, фатерхенъ, Борисъ Петровичъ?

ЯДРОВЪ.

Борисъ-то Петровичъ кто? Царской бояринъ, воевода, то есть фельдмаршалъ.

АМАЛІЯ.

А!

ЛУИЗА.

Ну, а дальше что?

АМАЛІЯ.

Да, дальше, дальше, херъ Ядровъ. Пожалуста.

ЯДРОВЪ.

Дальше было такъ:

«А и въ тѣ поры Борисъ Петровичъ
«Посылалъ въ объѣздъ казаковъ,
«Да и скрали тѣ казаки
«Караулы тамъ и сямъ,
«И маіора полонили,
«Въ царскій лагерь привезли...

У насъ, Русскихъ, такая ужь натура: приказалъ командиръ свалить супостата — свалимъ, хоть подопри его горой!... вотъ полонили швейскаго маіора и привезли въ царскій лагерь:

«Не злата труба въ полѣ протрубила,
«Проглаcилъ Государь, слово молвилъ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ,
«Изволь ты маіора допросити:
«А и сколько-де силы въ Орѣшкѣ?»

Допросилъ Борисъ Петровичъ швейскаго маіора, и рапортуетъ Царю самолично, что много-де въ полѣ силы швейской: съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей, съ королемъ силы смѣты нѣтъ.

ЛУИЗА.

Ухъ, страсть какая!

АМАЛІЯ.

Ухъ!

ЯДРОВЪ.

Иному страсть, иному ухъ, а намъ плевки.

«Не злата труба въ полѣ протрубила,
«Проглаcилъ Государь, слово молвилъ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
«Не устрашися ты маіора допросити:
«Не корми маіора цѣлы сутки...»

И разсказалъ маіоръ правду-истину: не сильна вышла ихняя сила, всего семь тысячей; нашихъ было меньше, — да не въ силѣ сила: въ царской волѣ она, въ командирскомъ словѣ. Мы разомъ Орѣшекъ раскусили, скорлупу разметали.

ЛУИЗА.

И вмѣсто Орѣшка построили Петербургъ!

АМАЛІЯ.

Да, С. Петербургъ, резиденцію Великаго Царя.

ЯДРОВЪ.

Нѣтъ-съ, не за ту потянули, сударыни! Орѣшекъ остался Орѣшкомъ, то есть

Шлюсенбургъ Шлюсенбургомъ, а мы пошли дальше, завоевали Ніеншанецъ,— значило бы по прозванью нѣмецкое мѣсто, да батюшка Петръ Алексѣевичъ изволитъ говорить, что эта земля споконъ вѣка была Русскою землею, такъ по его царской волѣ и строится тутъ городъ С. Петербургъ. Онъ самъ по себѣ, Орѣшекъ самъ по себѣ, а оба стоятъ при одной рѣкѣ, Невѣ-матушкѣ.

ЛУИЗА.

А велика ваша Нева? Будетъ съ нашу Амстель?

ЯДРОВЪ.

Съ вашу Амстель?... извините-съ!... Амстель — такъ себѣ, рѣка-рѣкой, — да она, голубушка, ни дать ни взять — бабушка-голландка: смирна, добра и прислужлива; а Нева-матушка — рѣка-богатырь!... Широка, глубока, игрива, гульлива, подъ часъ и задорлива. Посмотрѣли бъ вы, какъ въ заморозки, буйная го-

ловушка ледъ Ладожскій стопудовыми гирями ложится ей на спину: Нева, словно мячики, кидаетъ ихъ въ море Финское; потомъ притворяется, будто присмирѣла она, прячется подъ льдинами, а пригрѣтая вешнимъ солнышкомъ, рветъ ихъ въ дребезги и кидаетъ въ море Финское!

ЛУИЗА.

А скажи, пожалуста, весело ли у васъ въ Петербургѣ? вѣдь мы съ батюшкой ѣдемъ туда.

ЯДРОВЪ.

Знаемъ-съ, и примемъ гостей съ почетомъ. Да, сударыня, Луиза Варфоломѣевна, житье у насъ славное, святая Русь всѣмъ кормилица, — сами увидите.... Богъ дастъ, поживете у насъ, подростете и замужъ выйдете за гвардейскаго сержанта; почемъ знать, можетъ быть, и за капитана.

ЛУИЗА.

Не хочу сержанта, не хочу капитана! Выходить, такъ выйду за моего Фрица.

АМАЛІЯ, встаетъ и цалуетъ Луизу.

Милое дитя!

Садится опять къ столу и продолжаетъ вязять чулокъ.

ЯДРОВЪ.

То есть, за Фрица Иваныча, сынка нашего хозяина? благослови Господь!... Добрые люди! вотъ, примѣромъ сказать, какъ ни калѣчили меня Турки и Шведы, а Иванъ Богданычъ, дай Богъ ему здоровье! все-таки вылѣчилъ меня, какъ вылечилъ; грибъ съѣли, супостаты!

АМАЛІЯ, утирая слезу.

Добрый Іоганнъ! Вотъ лучшая похвала тебѣ.

ЛУИЗА.

И мнѣ кажется, фатерхенъ, не мѣшаетъ быть поближе къ доктору: случись что, тотчасъ микстурку пропишетъ... Ты знаешь, вашъ-нашъ Царь любитъ доктора Риттера, Фрицхенъ кончитъ курсъ и пріѣдетъ въ Россію докторомъ;

Царь знаетъ, что я люблю Фрица, я выйду за Фрица!... Не хочу сержанта, не хочу капитана.

АМАЛІЯ, снова цалуетъ ее.

Милое, доброе дитя!

ЯДРОВЪ, Луизѣ.

Имѣемъ честь поздравить!... Коль скоро знаетъ Царь, такъ и дѣло въ шляпѣ.

ЛУИЗА.

И я такъ думаю; но папа говоритъ...

ЯДРОВЪ.

Говоритъ?... Кто смѣетъ говорить при царскомъ словѣ?

II.

Тѣже; БАРТОЛОМЕУСЪ-ЦИДЕРЪ и КОРНЕЛІУСЪ-КАЛЬФЪ.

ЦИДЕРЪ.

Охъ, охъ, охъ!... усталъ, измучился пуще собаки.

ЛУИЗА, подбѣгая къ отцу.

Здравствуй, папа.

ЦИДЕРЪ. Садится, потирая ноги.

Здравствуй, здравствуй! — Ой, ой!...

АМАЛІЯ.

Добрый вечеръ, херъ Цидеръ!

ЦИДЕРЪ.

Добрый вечеръ, добрый вечеръ!... Совсѣмъ ноги отнялись.

ЯДРОВЪ.

Здравія желаемъ!

ЦИДЕРЪ.

Да отвяжитесь отъ меня!... вамъ хорошо было сидѣть дома, а каково-то мнѣ!.. шутка-ли? въ одинъ день съѣздить въ Саандамъ, обходить весь Саандамъ, вернуться въ Амстердамъ, обходить весь Амстердамъ... охъ, охъ, охъ!

КАЛЬФЪ.

Стыдись, Бартоломеусъ! Кромѣ тебя никто не усталъ: ни Царь Питеръ, ни я, ни докторъ Риттеръ, никто, никто и никто!

ЦИДЕРЪ.

Проповѣдуй, мистеръ Кальфъ!... Царь Питеръ!... за нимъ, братъ, не угоняешься: онъ что-то побольше человѣка; ты, Корнеліусъ, ты менонистъ, проповѣдникъ — силенъ словомъ, силенъ дѣломъ, силенъ и тѣломъ; Риттеръ — нѣмчикъ, хоть сухопаръ, да терпѣливъ; а я — я садовникъ, мое дѣло ухаживать за цвѣтами, да за деревьями...

КАЛЬФЪ.

Ухаживая за ними, не отставай и отъ людей.

ЦИДЕРЪ.

Почему такъ? за что?... Я садовникъ; Царь Питеръ пригласилъ меня въ Россію, назначивъ мнѣ жалованье за цвѣты и деревья; о людяхъ нѣтъ ни слова въ контрактѣ, и мнѣ нѣтъ дѣла до нихъ.

КАЛЬФЪ.

Бартоломеусъ-Цидеръ! еслибъ слово твое слышалъ Царь Питеръ, онъ про-

гналъ бы тебя. Ты мастеръ своего дѣла безспорно, за то и пригласили тебя въ Россію; но помни, что царственный другъ нашъ любитъ въ человѣкѣ не одно знаніе дѣла, но и чистоту нрава, доброту души, строгую честность...

ЦИДЕРЪ.

Благодарю за честь, мистеръ Кальфъ!.. вы удостоили меня предлинной предикою. Въ Саандамѣ Царю Питеру вы сказали покороче; что бишь вы сказали ему?

КАЛЬФЪ.

Жаль, Цидеръ, что твоя память короче моей Саандамской проповѣди. Я повторю ее отъ души, желая тебѣ всѣхъ благъ въ Россіи; но не забудь снова, иначе ошибешься въ разсчетѣ съ Питеромъ. Слушай же: Царь, посѣтивъ сегодня Саандамское общество менонистовъ, желалъ слышать въ немъ обычное поучительное слово; но упредилъ меня, что не терпитъ многословія. Слушай-же, Цидеръ, ты

былъ въ это время съ нами: я взошелъ на кафедру, — слушай, Цидеръ, слушай обѣими ушами, — и сказалъ: «*добро въ умѣ, добро въ словахъ, добро на дѣлѣ — вотъ къ небу путь.*»

ЦИДЕРЪ.

Добро, добро и добро!... помню, помню, буду помнить. Благодарю, мистеръ Кальфъ! въ Амстердамѣ я нажилъ кой-какое добро; въ Россіи поищу добра побольше, авось вывезу оттуда препорядочное добро...

КАЛЬФЪ.

Цидеръ, Цидеръ! вспомни, что ты будешъ служить державному другу нашей родины, — вспомни это, и не срами ее передъ нимъ и его Русью!

Цидеръ въ досадѣ отходитъ отъ Кальфа; тотъ останавливается въ задумчивости.

ЛУИЗА, Ядрову.

Посмотри, что за гримасы дѣлаетъ папа!

ЯДРОВЪ.

Правда глазъ кольнула — больно стало....

ЦИДЕРЪ, оборачиваясь къ Кальфу.

Что угодно, мистеръ Кальфъ?

ЛУИЗА.

Ахъ, какъ надулъ губы добрый Корнелiусъ!

ЯДРОВЪ.

Надуешь отъ такого надувалы.

Указываетъ на Цидера.

КАЛЬФЪ, Цидеру.

Именемъ нашей родины, прошу тебя· будь честенъ на Руси, оправдай выборъ великаго друга Голландiи — ты не останешься въ накладѣ.

ЯДРОВЪ.

Старикъ дѣло говоритъ.

АМАЛIЯ.

Дѣло, дѣло!

КАЛЬФЪ, продолжая.

Не забудь: у Царя слово законъ; а ты далъ ему слово, что дочь твоя выйдетъ за молодаго Риттера, когда онъ кончитъ курсъ и пріѣдетъ въ Россію.

ЦИДЕРЪ.

Баста, мистеръ Кальфъ, баста! вы не нотаріусъ, а слово не червонецъ, что далъ въ займы, такъ требуй уплаты, — занялъ такъ расплачивайся. Поживемъ, посмотримъ... увидимъ...

ЛУИЗА, подбѣгая къ отцу.

Что ты, что ты, папа! Чего смотрѣть?.. нечего видѣть! Ты далъ слово, я дала слово, Фрицхенъ далъ слово, а сверху этихъ словъ — слово Царя Питера, такъ и дѣлу конецъ!... Я теперь же мадамъ Риттеръ! (*топаетъ ногою.*) Да, да, мадамъ Риттеръ!

ЦИДЕРЪ.

Молчи, дурочка; ты вздоръ мелешь.

ЛУИЗА, Ядрову.

Фатерхенъ! смотрика: папа далъ слово, да и пятится...

ЯДРОВЪ.

Пятится?... а ѣдетъ на святую Русь!.. эхе, хе, батюшка, Варфоломей Антонычъ, да съ такой поведенціей тебя тамъ ребятишки засмѣютъ; у насъ изстари завѣтъ: *кто слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно*!

КАЛЬФЪ.

Святая истина!

ЦИДЕРЪ

Мистеръ Ядровъ! я не нуждаюсь въ твоихъ совѣтахъ; я, а не ты, отецъ моей дочери, мистеръ. Я самъ состою въ службѣ Его Величества, мистеръ... самъ...

ЯДРОВЪ, прерывая.

Что за мистеръ! что за мастеръ!... Или правда твоя: я солдатъ, а Русскіе солдаты большіе мастера штыкомъ молодцомъ поработать; славное мастерство!

ЦИДЕРЪ.

Хвастаешь, херъ Ядровъ! Мы и не слыхивали про васъ и про вашу Русь, пока Царь Питеръ не познакомилъ насъ.

ЯДРОВЪ.

Всяко бываетъ!... Однако земляки-то ваши, хоть и говорите вы — про нашу Русь не слыхивали, а на Руси хлѣбъ-соль ѣдали: въ Архангельскомъ, примѣрно сказать, въ *бѣлокаменной*... да и въ новую столицу не со вчерашняго дня жалуютъ.

КАЛЬФЪ, Амаліи.

У нихъ завязывается споръ; это интересно, послушаемъ.

Кальфъ, Амалія и Луиза, въ продолженіе спора Ядрова съ Цидеромъ, сидятъ около стола, вслушиваются и знаками изъявляютъ свое участіе въ этомъ спорѣ.

ЦИДЕРЪ.

Правда, правда; сто разъ правда. А все-таки мы во многомъ посчитаемся съ вашею Русью.

ЯДРОВЪ.

Эхъ, батюшка, Варфоломей Антонычъ; у Руси коротокъ счетъ: она держится присловья: «долгъ-де платежемъ красенъ»; и красно платитъ долги другамъ-недругамъ: то золотомъ чеканнымъ, то сталью вороненой, то свинцомъ литымъ—кому чѣмъ подобаетъ, — и платежъ бездоимочный.

ЦИДЕРЪ.

И то правда, херъ Ядровъ, совершенная правда!... но... наша слава, слава Голландіи, слава Амстердама перетянутъ славу Русской земли.

ЯДРОВЪ.

На какихъ вѣскахъ взвѣсишъ, Варфоломей Антонычъ; а за обвѣсъ у насъ теперь больно штрафуютъ.

ЦИДЕРЪ.

Вотъ возьмемъ вашъ Петербургъ...

ЯДРОВЪ.

Нѣтъ, братъ, не возьмешъ! о Кроншлотъ лобъ разобьешъ...

ЦИДЕРЪ.

Ты не понялъ меня, херъ Ядровъ. Я хотѣлъ сказать, что мысль построить Петербургъ — мысль гигантская; а все онъ еще недопеченый пирогъ...

ЯДРОВЪ.

Горяча Русская печь, Варфоломей Антонычъ, всякіе пироги печетъ; любаго ѣдока на повалъ, на убой угоститъ; а Петербургъ, батюшка, пирогъ особой статьи! Самъ Петръ Алексѣевичъ опару взварилъ, самъ онъ тѣсто творилъ, самъ пирогъ начинилъ, самъ его и въ печь посадилъ: посмотри, какъ испечется пирожище — на славу!...

И пожалуютъ къ намъ
На пирогъ, да на пиръ
Господинъ Амстердамъ
И весь Божескій міръ!
На пирогъ, да на пиръ,
На пирогъ, да на пиръ
Господинъ Амстердамъ
И весь Божескій міръ!...

Правое слово, Варфоломей Антонычъ, продлитъ Богъ вѣку — самъ увидишь, что

много вашей братьи, худенькихъ, поджаристыхъ, еле въ чемъ душонка держится, будутъ жаловать къ намъ: лизнутъ-куснутъ нашего пирожка... раздобрѣютъ, разжирѣтъ такъ, что и земляки не узнаютъ...

ЦИДЕРЪ.

Ты умный малой, херъ Ядровъ; ты патріотъ! это дѣлаетъ честь тебѣ. Но все, что ни говоришь ты, все еще впереди, а у насъ, Голландцовъ, у насъ, Амстердамцовъ, — старина красна, старина славна!...

А знаешь-ли ты, милый мой служака,
Россійской гвардіи солдатъ Ядровъ,
Герой прямикъ, удалый забіяка,
Лихой боецъ и чудо краснословъ!
Ты знаешь-ли, что въ лѣтописяхъ свѣта
Давно живутъ Голландья, Амстердамъ;
А лѣтопись не шуточная эта...
Въ ней славныя дѣянья тутъ и тамъ!
Ты знаешь-ли, какъ лѣтъ за полтораста,
Враждуя намъ, самъ Лейстерскій Герцогъ
Лукавствомъ насъ плѣнить хотѣлъ?... Нѣтъ, баста!

Стѣнъ города онъ сокрушить не могъ.
Ты знаешь-ли, какъ мы стояли крѣпко
Въ недавній нашъ съ Вторымъ Вильгельмомъ
споръ.
Какъ Бикеръ, Гуфтъ, съ находчивостью
рѣдкой,
Водѣ лихой поставили отпоръ.
Ты знаешь-ли, едва не съ цѣлымъ свѣтомъ
Ведемъ мы торгъ, мы въ дружескихъ
связяхъ?
Не стыдно-ль, херъ, тебѣ не знать объ этомъ,
Коль знаютъ всѣ на сушѣ, на моряхъ!...

ЯДРОВЪ.

Такъ-съ.

ЦИДЕРЪ.

То-то же, херъ Ядровъ! впередъ не спорь; а придетъ охота спорить, такъ сперва поучись исторіи.... О, исторія мудрая наука!

ЯДРОВЪ.

Мудрая, да не хитрая, по-нашенски рѣжетъ правду матку — и только. А тебѣ, Варфоломей Антонычъ, позволь сказать: хоть ученъ ты, книги-бъ-те въ руки, да и съ книгами не гораздъ, братъ, въ исто-

ріи; пѣлъ-пѣлъ, букваря не пропѣлъ — азомъ началъ, глаголемъ кончилъ; изъ Амстердама поѣхалъ — въ Голландію пріѣхалъ... экъ великъ путь!... А я, правда, исторіи твоей не знаю, да знаю то, что́ знать мнѣ надо: вотъ на прикладъ спою пѣсенку про матушку-Русь,— спою подъ твой же ладъ.

А знаешь-ли, Варфоломей Антонычъ,
Охъ, какъ давно живетъ святая Русь?...
Хотя за ней чужихъ народовъ сволочь
И такъ и сякъ вязалася, — да зусь!
Ты знаешь-ли, какъ наши, при Олегѣ,
На лодочкахъ пускалися въ моря,
Какъ Русскій щитъ, и въ дневкѣ и въ ночлегѣ,
Царьгороду грозою былъ? Ура!

Ась, Варфоломей Антонычъ? Знать, не слыхивалъ такой исторіи?... Да это исторія давнишняя, это цвѣтики только, ягодки впереди; послушай:

Прошли вѣка; пришло на насъ невзгодье,
Господь нашъ Богъ хотѣлъ насъ испытать:
И хлынуло чужое половодье,
И полилась на Русь Батыя рать!

Тогда князья, народъ и чинъ духовной
Живой стѣной возстали на отпоръ:
Легли костьми, — легли въ бою неровномъ,
Нѣтъ срама имъ не тронетъ ихъ укоръ!...

(Утираетъ слезу.)

И вѣкъ-другой томилась Русь въ неволѣ,
И вѣкъ-другой платила дань врагамъ;
Но князь Донской, на Куликовомъ полѣ,
Далъ знать себя Мамаевымъ бокамъ...
Починъ такой былъ намъ рубля дороже:
Проснулась Русь, свела съ врагами счетъ,
Короткій счетъ; по счету вышло то же:
Кто лычко взялъ, ремешекъ отдаетъ...
Позднѣй не разъ мы у себя встрѣчали
Гостей-бродягъ; хоть много было ихъ,
Но всѣмъ одинъ почетный хлѣбъ — съ пищали;

да русская баня —

Прежаркая отъ вѣниковъ стальныхъ!

Не взлюбили, братъ, гости такого угощенія, убрались одинъ за другимъ восвояси, опричь тѣхъ, что размѣстились въ русскихъ помѣстьяхъ подъ матушкой сырой землей.

ЦИДЕРЪ, почесываясь.

Ты сбиваешь меня...

ЯДРОВЪ.

На томъ стоимъ-съ!

КАЛЬФЪ.

Да, мистеръ Цидеръ, признайся: ты побѣжденъ.

ЦИДЕРЪ.

Побѣжденъ, но не убѣжденъ...

ЯДРОВЪ.

Убѣжденье передъ тобой, Варфоломей Антонычъ, за нимъ послѣ побѣды нашъ братъ не гонится.

За сценою слышенъ топотъ.

АМАЛІЯ, выглядывая въ окно.

Царь пріѣхалъ!

КАЛЬФЪ.

Царь пріѣхалъ!

ЯДРОВЪ.

Смирно!

ЛУИЗА.

Встрѣтимъ, встрѣтимъ его!

Кальфъ, Ядровъ, Амалія и Луиза бѣгутъ изъ комнаты

III.

ЦИДЕРЪ, одинъ.

Странно! я оплошалъ передъ этимъ бѣлымъ медвѣдемъ... да у него такая особая манера выражаться!... И охота мнѣ было вступать въ споръ, въ историческій споръ — съ Русскимъ солдатомъ!...

IV.

ЦИДЕРЪ, докторъ РИТТЕРЪ, ФРИЦЪ и ЛУИЗА.

РИТТЕРЪ.

Добрый вечеръ, Бартоломеусъ! Куда вы это удрали отъ насъ?

ЦИДЕРЪ.

А вы-то, херъ докторъ, гдѣ еще погуляли, куда еще заходили?

РИТТЕРЪ.

Были у покойника Витсена.

ФРИЦЪ.

Оттуда зашли къ Ванъ-Ренену.

ЦИДЕРЪ.

Какъ! Витсенъ — покойникъ?... Эээ, докторъ, и вы не спасли его отъ стерти!.. да на кой же чортъ намъ ваша медицина?

ФРИЦЪ.

Медицина лечитъ, но не вѣковѣчитъ.

РИТТЕРЪ.

Это аксіома! Отъ смерти нѣтъ лекарства; всѣмъ положенъ предѣлъ: его не перейдешъ, не обойдешъ. Такъ суждено и старцу Витсену: смерть пришла къ нему — онъ отшелъ отъ насъ.

ФРИЦЪ.

Но отшелъ съ почетомъ: на рукахъ Царя Питера скончался Витсенъ; державной рукой Великаго закрыты взоры старца.

ЛУИЗА.

Ахъ, какъ жаль мнѣ старичка Витсена!

Такой добренькій былъ, — всегда приносилъ мнѣ конфекты.

Плачетъ.

ЦИДЕРЪ.

Господь съ нимъ, Луиза! Нельзя же два вѣка жить.—*(Обращаясь къ Риттеру и Фрицу.)* Ну, а къ Ванъ-Ренену зачѣмъ заходили?

ФРИЦЪ.

Такъ угодно было Царю. Ванъ-Рененъ служилъ на Руси корабельнымъ мастеромъ.

РИТТЕРЪ.

И Русскій Царь по царски наградилъ Ванъ-Ренена, за его службу: кромѣ пенсіи и подарковъ, Питеръ въ полчаса смастерилъ ему яхточку, — яхточка на славу: милліонъ бы далъ за нее!

ЦИДЕРЪ, про себя.

Тороваты вы, нѣмчуганы, какъ нѣтъ гульдена за душой.

V.

Тѣже и АМАЛІЯ.

АМАЛІЯ, вбѣгаетъ радостно и говоритъ мужу.

Янхенъ, Янхенъ! посмотри, что пожаловалъ намъ гость нашъ! вотъ триста дукатовъ!

РИТТЕРЪ.

За что такъ много?

АМАЛІЯ.

Не знаю, — сказали, что за доброе хозяйство наше, за привѣтъ доброму Царю.

ФРИЦЪ.

И мнѣ суждено служить у него! Благословляю судьбу мою!

ЦИДЕРЪ, про себя.

Охота сорить деньгами!

АМАЛІЯ.

И прислуга наша не забыта: Христинѣ, Маргаритѣ, кривому Гейнриху по червонцу досталось.

ЦИДЕРЪ, съ досадою.

И этой сволочи!

РИТТЕРЪ.

Вамъ досадно, Цидеръ?... да не тужите: съ вашимъ характеромъ, съ вашими правилами — ваше не уйдетъ отъ васъ...

ФРИЦЪ, прерывая отца.

Батюшка!

ЛУИЗА, Риттеру.

Папахенъ, полно, перестань!

АМАЛІЯ.

Успокойтесь, дѣти! Царь не забылъ и васъ; вотъ посмотрите-ка, что написано на этомъ лоскуткѣ бумаги..*(показываетъ лоскутокъ бумаги.)*—А!... Посмотрите-ка, херъ Цидеръ!

ЦИДЕРЪ.

Не при мнѣ писано, не ко мнѣ писано. Писано по Русски.

VI.

Тѣже и ЯДРОВЪ.

ЯДРОВЪ.

Господа! кто въ путь, такъ въ путь; кто дома останется — прощенья, просимъ.

ЛУИЗА.

Фатерхенъ! прежде чѣмъ въ путь, скажи, Бога ради, что тутъ написано?

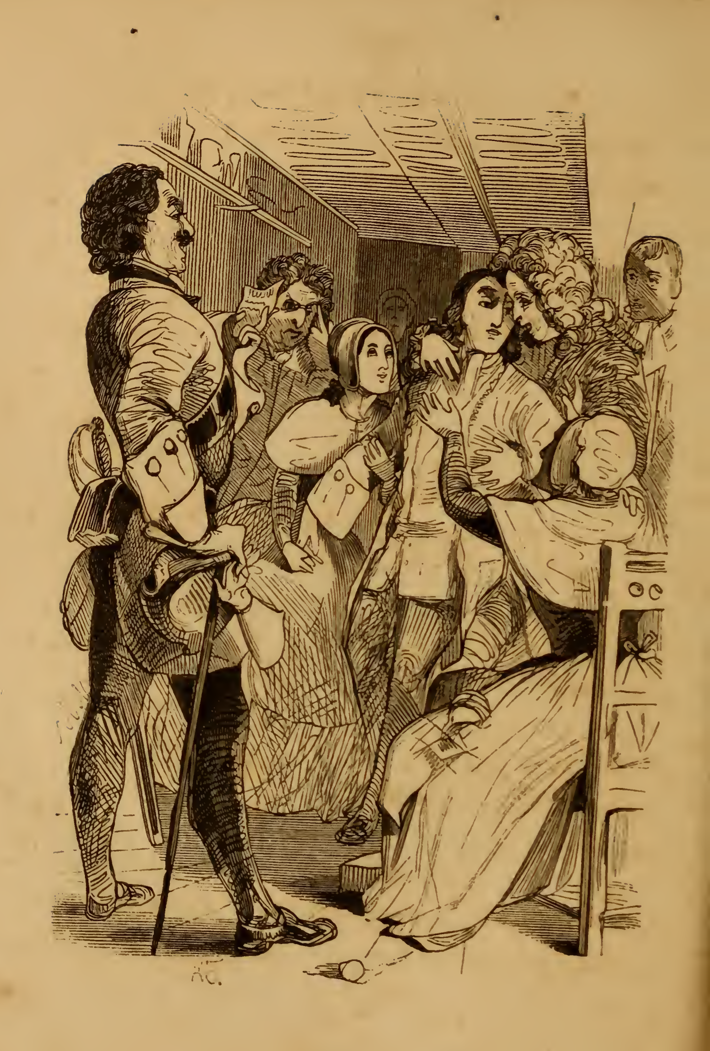
Беретъ лоскутокъ изъ рукъ г-жи Риттеръ и подаетъ Ядрову.

ЯДРОВЪ.

Что тутъ написано? Посмотримъ. —

Протираетъ глаза, разбираетъ про себя записку и потомъ говоритъ съчувствомъ:

Малъ золотникъ да дорогъ!... Вотъ что написано десницей нашего батюшки Петра Алексѣевича: «Сынъ доктора Іоганна Риттера, Фрицъ Риттеръ, по окончаніи курса медицины, пусть явится въ С. Петербургъ къ Русскому Царю: Русскій Царь дастъ Фрицу Риттеру мѣсто.»

РИТТЕРЪ, обнимая сына.

Фрицъ, мой добрый Фрицъ! Теперь я могу умереть спокойно.

АМАЛІЯ, цалуетъ сына.

И я!

ЛУИЗА.

Браво, брависсимо, Фрицхенъ! Ты — докторъ, я докторша!... Славно, чудно, браво!

ЦИДЕРЪ.

Опомнись, дѣвочка! Ты вздоръ говоришъ, неприличіе произносишъ! Добро бы еще Фрица теперь же сдѣлали докторомъ въ такомъ-сякомъ русскомъ региментѣ, — я бы рукой махнулъ: выходи, пожалуй, за него, хлѣбъ насущный есть; а то видишь-ли: хоть и Царская записка ему дана, да *буки* впереди, *вѣди* назади... говоритъ херъ Ядровъ. Кто знаетъ, что еще будетъ?...

ЯДРОВЪ.

А будетъ то, что будетъ! Да не о томъ рѣчь теперь. Все готово: Царь со свитою

сію минуту изволитъ отправляться, — на улицѣ до самой пристани народу тьма-тьмущая; пора и намъ!... Прощайте, Иванъ Богданычъ; прощайте, матушка Амалія Карловна; благодаримъ за хлѣбъ за соль!... Прощай, Фрицъ Иванычъ; дастъ Богъ, съ тобой въ Питерѣ свидимся.

РИТТЕРЪ.

Прощай, честный служака!

АМАЛІЯ.

Прощай, херъ Ядровъ?

ФРИЦЪ.

Прощай, дружище!... Прощайте, г. Цидеръ!... Прощайте, добрая, милая Луиза!... еще годы пройдутъ, пока увижу васъ опять; но сердце мое не разстается съ вами: оно сопутствуетъ вамъ на сѣверъ.

ЦИДЕРЪ, про себя.

Цѣнный-же товарецъ отправляетъ онъ съ нами!

ЛУИЗА.

Прощай, Фрицхенъ!... не грусти; вотъ тебѣ рука моя — опа твоя.

Фрицъ съ восторгомъ цалуетъ руку Луизы.

ЯДРОВЪ.

Пора, господа; пойдемте.

РИТТЕРЪ.

Мы проводимъ васъ до пристани.

АМАЛІЯ и ФРИЦЪ.

Проводимъ, проводимъ!

ЯДРОВЪ.

Дальнія проводы — лишнія слезы!... э, да будь по вашему!... ба! на дворѣ зашевелились,— поспѣшимъ встрѣтить тамъ батюшку-Царя!

Риттеръ идетъ съ женою; Фрицъ ведетъ Луизу подъ руку, — Цилеръ хочетъ разлучить ихъ, Ядровъ останавливаетъ его, беретъ подъ руку и командуетъ:

*

«Съ половины рядовъ, на право впередъ, шеренги сдвой!» (*)

Въ антрактѣ слышны клики: ура! и салюты Амстердамской гавани, съ отвѣтными салютами Царской яхты.

(*) Экзерциція Петра Великаго, 1716

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ЛИЦА:

ФРИЦЪ РИТТЕРЪ.

БАРТОЛОМЕУСЪ-ЦИДЕРЪ.

ЛУИЗА, дочь его.

ЯДРОВЪ.

СЕМЕНЪ КРЮКОВЪ, купецъ.

Военные и гражданскíе чины.

Народъ.

---

22 Февраля 1725 года. Улица, ведущая къ *Зимнему Дому* Петра Великаго. Вдали, изъ оконъ этого дома, видѣнъ свѣтъ.

I.

По улицѣ къ зимнему дому и отъ зимняго дома безпрестанно проходятъ люди всѣхъ званій: военные и гражданскіе чины, купцы, ремесленники, крестьяне, женщины и дѣти. На всѣхъ лицахъ общая скорбь, общее уныніе. Старикъ ЯДРОВЪ, съ грустною думою, сидитъ пригорюнясь у воротъ одного дома, и говоритъ про себя:

Домой не пойду, тутъ заночую; не разъ еще схожу поклониться ему!.... *(утираетъ слезы.)* Знать горько русской землѣ, коли плачетъ сѣдой солдатъ.

Сколько сотенъ лѣтъ жила наша Русь!
Что ни сотня лѣтъ — вѣдь то цѣлый вѣкъ:
Много тѣхъ вѣковъ мимо шло-прошло,
А святая Русь была дѣтищемъ;
Но то дѣтище богатырь было
Своей силушкой, что таилася
Въ его душечкѣ неразвитая...
Кто-жъ развилъ, распустилъ тую силушку,
Ей раздолье далъ молодецкое

На *Невѣ*, подъ *Лѣснымъ*, подъ *Полтавою?*
Кто-жъ птенца окрылилъ -въ орла мощнаго?
И взвился тотъ орелъ — землю высмотрѣлъ:
Полтретья всей земли стала наша Русь!...

Да, стала Русь царствомъ великимъ и прославленнымъ; подружилась, породнилась она съ иноземцами; теперь и они людьми насъ чтутъ, не медвѣдями. Сухо жить безъ морей — и моря есть у насъ: опричь стараго въ Архангельскѣ, Русскій флагъ гуляетъ и на *Чорномъ* и на *Каспіѣ*, а море Финское-Балтійское цалуетъ ножки новой столицы нашей, гдѣ и Сенатъ и Синодъ и разныя Коллегіи! Кто-же создалъ все, кто протеръ намъ глаза, вѣковую катаракту снялъ?... Кто?... да кому подъ силу такое дѣло, кромѣ батюшки Петра Алексѣевича, — онъ, родимой, покинулъ насъ...

Плачетъ.

II.

ЯДРОВЪ и КРЮКОВЪ.

КРЮКОВЪ, идетъ задумавшись къ зимнему дому; но увидя Ядрова, останавливается.

Служба, служба!... одна тоска-печаль крушитъ насъ, — одна тоска-печаль крушитъ теперь и все Русское царство...

ЯДРОВЪ,

Да, Семенъ Аникѣичъ; посѣтилъ Господь Богъ Русь православную великимъ бѣдствіемъ!

КРЮКОВЪ.

Воистинну, служивый, велико бѣдствіе наше: Семенъ Крюковъ неграмотный, темный человѣкъ, а все-таки малую-толику смыслитъ, и по своему смыслу такую думу думаетъ, что батюшкѣ Петру Алексѣевичу надобы пожить подольше, чтобъ безъ него не сгинули сѣмена, имъ посѣянныя, чтобъ не затоптали ихъ люди

недобрые, чтобъ не заросли онѣ старою глушью; а на грѣхъ любятъ ее отчасти и въ простонародьѣ и въ боярствѣ.

ЯДРОВЪ.

Правда, Семенъ Аникѣичъ; да никто какъ Богъ! съ Нимъ торга не сведешъ — извини, любезный, что промолвился купецкимъ словомъ.

КРЮКОВЪ.

Не на чемъ, старинушка! а когда бъ можно торгъ повести, скажу тебѣ купецкимъ словомъ, за мною состоялся бъ торгъ; въ теплой молитвѣ моей я взывалъ: «Господи! спаси великаго Государя нашего Петра Алексѣевича, изцѣли его отъ недуга тяжкаго; продли жизнь его, Господи!... За каждый годъ этой жизни, по указанію родимаго Царя, любой каналъ своимъ коштомъ пророю, — съ казны гроша не возьму: пусть идутъ деньги на храмы Божіи, да на призоръ бѣдной братіи!... Съ меня довольно предовольно

того, что имѣю, не прожить того во вѣки вѣчные моимъ внукамъ и правнукамъ!... Развѣ съ Петербургомъ умретъ Крюковъ каналъ, а прежде Петербурга и Крюкова канала не умретъ имя вѣрноподданнаго Его Величества, купца Семена Крюкова..» Такъ молился я, старинушка, — такіе обѣты давалъ Господу; но Господь не внялъ молитвамъ...

ЯДРОВЪ.

Неисповѣдимы судьбы Господни, Семенъ Аникѣичъ!

III.

Тѣже и ФРИЦЪ РИТТЕРЪ.

ФРИЦЪ, въ дорожномъ платьѣ вбѣгаетъ на сцену.

Боже мой, Боже мой! какіе слухи!... отъ кого узнать истину? *(Увидя Ядрова,*

бросается ему на шею.) Ядровъ, старый другъ нашъ.

ЯДРОВЪ.

Фрицъ Иванычъ? Ты ли это?... здравствуй! Какой молодецъ сталъ! Здравствуй, сто разъ здравствуй. Да какъ это ты пожаловалъ къ намъ? *(Цалуетъ его много разъ.)* Ну, а батюшка Иванъ Богданычъ съ матушкой Амаліей Карловной, по добру ли по здорову поживаютъ?

ФРИЦЪ, утирая слезу, показываетъ на небо.

Они тамъ, добрый Ядровъ!.... Безъ нихъ, сирота въ Амстердамѣ, я съ дипломомъ на званіе доктора медицины хоть имѣлъ тамъ кой-какую практику, но бросилъ ее и отправился въ Петербургъ, куда звали меня и любовь моя къ Луизѣ и воля великаго Царя; говори-же, Ядровъ, со мной о моей Луизѣ, говори о Царѣ нашемъ! На пути вездѣ встрѣчали меня темные слухи о его болѣзни; здѣсь, кого ни спрашивалъ, отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ:

«ступай къ зимнему дому! ступай къ зимнему дому!»

Ядровъ и Крюковъ утираютъ слезы.

ФРИЦЪ.

Слезы!... что́ значатъ онѣ?... говори, Бога ради, отвѣчай!...

ЯДРОВЪ.

Луиза Варфоломѣевна и батюшка ея, слава Богу, здравствуютъ.

ФРИЦЪ.

А Царь?

ЯДРОВЪ.

Онъ въ зимнемъ домѣ, куда посылали тебя... Онъ не страждетъ больше тяжкимъ недугомъ: онъ въ гробѣ...

ФРИЦЪ, *рыдая.*

Боже! Боже!... какое несчастіе!...

IV.

Тѣже, БАРТОЛОМЕУСЪ-ЦИДЕРЪ и ЛУИЗА.

ЦИДЕРЪ.

Упрямая дѣвчонка!... не сидится ей да и только! Вотъ и сегодня, который разъ тащитъ меня въ зимній домъ,— а за чѣмъ? чего еще не видала?

ЛУИЗА.

Перестаньте, батюшка! я хочу еще разъ поклониться гробу великаго монарха, еще разъ приложиться къ державной рукѣ его; — въ Петропавловскій соборъ завтра не пойду: тамъ не наше мѣсто...

ФРИЦЪ,

Луиза!

ЛУИЗА, *бросаясь къ нему.*

Фрицъ! добрый Фрицъ!

ЦИДЕРЪ.

Ба, ба, ба!... херъ Фрицъ Риттеръ! откуда и какими судьбами здѣсь?

ФРИЦЪ.

Изъ Амстердама, по волѣ Царя; я кончилъ курсъ медицины; дипломъ на степень доктора и особое свидѣтельство знаменитаго Боергава со мною.

ЦИДЕРЪ.

Дипломъ и свидѣтельство — хорошо; а еще что?...

ФРИЦЪ.

Благословеніе отца и матери...

ЦИДЕРЪ.

Здоровы-ли батюшка и матушка?

ФРИЦЪ,

Я схоронилъ ихъ. Кромѣ тебя, Бартоломеусъ, и твоей Луизы, нѣтъ родни у меня въ Божьемъ мірѣ.

ЦИДЕРЪ.

Да мы-то что за родня тебѣ?... —

Вспомнивъ что-то, беретъ Фрица за руку и отводитъ въ сторону.

Послушай, Фрицъ; точно, я люблю тебя, какъ роднаго, — Луиза и подавно; будь

же откровененъ съ нами, какъ съ родными, скажи по правдѣ: что оставили тебѣ старички-то въ наслѣдство?

ФРИЦЪ,

Доброе имя и уваженіе согражданъ.

ЦИДЕРЪ.

Такъ и есть, двѣ капли воды покойникъ батюшка!... Не о томъ спрашиваю тебя. У васъ былъ домъ въ Амстердамѣ, а также движимое имущество, главнѣе всего свѣтлинькіе землячки наши, голландскіе червончики... Помнишь, Фрицъ, 22 Августа 1717 года Царь Петръ пожаловалъ твоимъ родителямъ 300 червонцевъ, а въ восемь съ половиною лѣтъ, съ умомъ да съ оборотливостью, какъ не сколотить изъ нихъ хоть трехъ тысячь?.. Говори-же, сколько получилъ ты?

ФРИЦЪ.

Ничего!

ЦИДЕРЪ, опуская его руку.

Ни–че–го!... какъ такъ?

ФРИЦЪ, *съ чувствомъ.*

Отецъ мой былъ не ростовщикъ, херъ Цидеръ: даръ великаго Петра употребленъ имъ на пользу страждущаго человѣчества; самъ онъ, вслѣдъ за нимъ и матушка, умерли въ бѣдности; для уплаты долговъ, я продалъ домъ нашъ, и съ тѣмъ, что осталось мнѣ, пустился въ Россію...

ЦИДЕРЪ.

Все это рѣшительно не по-нѣмецки!... Съ чѣмъ же ты пожаловалъ сюда?

ФРИЦЪ.

Съ дипломомъ на степень доктора и свидѣтельствомъ знаменитаго Боергава; на это была Государева воля: помнишь, херъ Бартоломеусъ, великій Петръ, въ вечеръ отъѣзда своего изъ Амстердама, собственноручно изволилъ написать вотъ на этомъ лоскуткѣ бумаги; «Фрицъ Риттеръ, по окончаніи курса медицины, пусть явится въ Петербургъ къ Русскому Царю:

Русскій Царь дастъ Фрицу Риттеру мѣсто», и Фрицъ Риттеръ явился въ Петербургъ не искателемъ фортуны, а человѣкомъ полезнымъ, призваннымъ самимъ Царемъ.

ЦИДЕРЪ.

Да Царь-то, звавшій тебя, умеръ.

ФРИЦЪ.

Умеръ Царь, но воля Царская не умираетъ! Мнѣ дадутъ мѣсто.

ЦИДЕРЪ.

Дадутъ мѣсто!... эхе, хе, любезнинькой! мѣстъ мало, мѣстовщиковъ много... Кому выпадетъ жребій — Богъ вѣсть. А чѣмъ будешъ жить, пока гдѣ пріютишься?

ФРИЦЪ.

Я надѣюсь, херъ Цидеръ, въ вашемъ домѣ найдти временной пріютъ для себя; вѣдь мы не чужіе...

ЛУИЗА.

Да, да, папа; пусть Фрицхенъ поживетъ

у насъ, пока его опредѣлятъ къ мѣсту, а тамъ...

ЦИДЕРЪ.

Что́, что́ такое? Развѣ у меня постоялый дворъ для приходящихъ и пріѣзжающихъ?

ЛУИЗА.

Но батюшка...

ЦИДЕРЪ.

Но, матушка, замолчи, пожалуста; не серди меня: по твоему не будетъ!

ЯДРОВЪ.

Что́ за человѣкъ!

КРЮКОВЪ.

Да, старинушка; не человѣческій человѣкъ этотъ бусурманинъ!... Ты, знаешъ, служба, Семенъ Крюковъ темный, не грамотный мужикъ, а все-таки людскіе и скотскіе образы различить съумѣетъ: по моему, какъ и батюшка Царь Петръ Алексѣевичъ говаривалъ: молись Богу всякъ по своему, да добро дѣлай.

такъ и будешъ христіяниномъ; а вотъ этотъ голландскій херъ Цидеръ выходитъ чистымъ нехристемъ, настоящій бусурманинъ своей поведенціей!

ЯДРОВЪ.

Уродитъ-же Богъ такого человѣчка!

КРЮКОВЪ.

Да Богъ и взыщетъ съ него за такое житье на свѣтѣ!—*(Обращаясь къ Фрицу.)* Батюшка, херъ лекарь, вы заѣзжій человѣкъ у насъ, не побрезгуйте простыми людьми: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады будемъ; домъ Семена Крюкова къ услугамъ вашимъ, не далеко, знаете, прямо по каналу, на Фонтанкѣ.

ФРИЦЪ.

Благодарю, отъ души благодарю, добрый, благородный гражданинъ великаго Петрова царства!... да будетъ такъ: я гость твой, — гость пока не устроитъ меня Онъ. Пойдемъ къ нему.

КРЮКОВЪ.

Къ батюшкѣ Петру Алексѣевичу?

ФРИЦЪ.

Къ нему, къ нему!

КРЮКОВЪ.

Пойдемъ поклониться ему!

ЯДРОВЪ.

Пойдемъ, пойдемъ!

ЛУИЗА.

Пойдемъ. — *(Цидеру.)* Папа и ты съ нами?

ЦИДЕРЪ.

Ступайте; я здѣсь подожду васъ.

ФРИЦЪ.

Пойдемъ къ великому Петру!... Кто сказалъ, что̀ онъ умеръ?... Неправда, ложь!... Усталый перстью, Царь-труженикъ прилегъ отдохнуть въ гробѣ — и только: его идеи, его воля живутъ и будутъ жить!... да, воля царская не умираетъ.

Всѣ, кромѣ Цидера, уходятъ къ зимнему дому.

V.

ЦИДЕРЪ, одинъ

Не умираетъ!... воля не умираетъ?... Да развѣ живетъ воля?... Она живетъ въ человѣкѣ, какъ я напримѣръ живу въ моемъ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, какъ другой-третій живетъ тамъ-сямъ... Обветшалъ, обвалился домъ, жильцы выѣхали, — умеръ человѣкъ, гдѣ-жъ его воля?... Нѣтъ, херъ докторъ Фрицъ фонъ Риттеръ!... Эти нѣмцы ужасно любятъ пришпиливать къ своимъ фамиліямъ частичку *фонъ*, — изъ всей кожи лѣзутъ въ благородные!... Вотъ хоть бы у моего покойнаго сосѣда кожевеннаго мастера Гаубе остались три сына: старшій наслѣдовалъ отцовское ремесло, и подъ старой вывѣской выдѣлываетъ, кроитъ и тачаетъ кожи на разный ладъ и складъ; двое младшихъ учились за-границей: Царь опредѣлилъ ихъ въ службу, теперь они офицеры; у одного

собственный домъ съ надписью: «домъ господина фонъ Гаубе», а въ обществахъ добрые нѣмцы, говоря съ этими фонами самозванцами, величаютъ ихъ не иначе, какъ: «херъ баронъ фонъ Гаубе! херъ баронъ фонъ Гаубе!» и кожаные бароны пѣтушатся да важничаютъ, насчетъ добраго имени своей маминьки; вѣдь она родила ихъ, бывъ женою ремесленника Гаубе!... Нѣтъ, докторъ Фрицъ, у тебя плохой расчетъ на безсмертіе Царской воли: конечно, еслибъ жилъ еще Государь Петръ, онъ опредѣлилъ бы тебя лекаремъ въ какой нибудь полкъ, — жалованье, порціоны и раціоны изрядные; я отдалъ бы тебѣ Луизу... а теперь, любезный, не прогнѣвайся! пришелъ сюда ни съ чѣмъ, мѣста нѣтъ, хлѣба нѣтъ, а «безъ хлѣба люди не обѣдаютъ», говоритъ умная Русская пословица... нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!... голышь не женихъ моей дочери!... а на нее пристально посматриваетъ секретарь Военной коллегіи... че-

ловѣкъ въ лѣтахъ, вдовецъ: шестеро дѣтей у него отъ двухъ первыхъ женъ, — да человѣкъ-то преполезный!... Луиза глупа; Луиза говоритъ, что это существо преотвратительное... Впрочемъ, еслибы и точно онъ былъ дрянной человѣкъ, за то человѣкъ случайный, преполезный,— съ дрянью свыкнуться, стерпѣться можно; а Русская пословица говоритъ: «стерпится — слюбится!» Право, у этихъ Русскихъ есть преумныя пословицы!

VI.

ЦИДЕРЪ, ЛУИЗА и вслѣдъ за нею КРЮКОВЪ.

ЛУИЗА, вбѣгая бросается къ отцу.

Батюшка!

ЦИДЕРЪ.

Что́ съ тобою, Луиза?

ЛУИЗА.

Какое несчастіе!... Бѣдный Фрицъ!...

ЦИДЕРЪ.

Такъ и есть!.... напроказилъ нѣмчикъ!...

ЛУИЗА, падая.

Я умираю!

ЦИДЕРЪ.

«Вотъ тебѣ, бабушка, юрьевъ день!» какъ говоритъ умная русская пословица.

Машетъ на Луизу платкомъ.

Опомнись, Луиза!... Господь съ тобою, дочь моя!...

ЛУИЗА.

Ахъ, батюшка!

ЦИДЕРЪ.

Да полно ахать! Разскажи, что такое случилось?

ЛУИЗА.

Фрицъ...

ЦИДЕРЪ.

Ну, Фрицъ...

ЛУИЗА.

Что будетъ съ нимъ?

ЦИДЕРЪ.

Сперва скажи, что было съ нимъ?

ЛУИЗА.

Боже мой! Боже мой!...

ЦИДЕРЪ.

Поди тутъ, разбери, чего перепугалась, о чемъ хлопочетъ она?

КРЮКОВЪ, вбѣгаетъ запыхавшись.

Ухъ, ухъ, барышня!... Какого стречка дали вы!.. ну, заморили меня, старика!.. ухъ, ухъ!...

ЦИДЕРЪ.

Херъ Крюковъ! разскажи хоть ты, что случилось въ зимнемъ домѣ, что такъ перепугало дочь мою?

КРЮКОВЪ.

Я не херъ, а Семенъ Крюковъ! не ругайся, мусье!...

ЦИДЕРЪ.

Хорошо, хорошо! Разскажи-же, Бога ради, господинъ Семенъ Крюковъ, что за исторія была тамъ?

ЛУИЗА.

Бѣдный Фрицъ!

КРЮКОВЪ.

А вотъ что-съ: пошли мы отсюда съ вашей дочкой, да съ нѣмецкимъ лекаремъ, да съ служивымъ Ядровымъ къ зимнему дому, — всего шаговъ двѣсти будетъ. Пришли къ зимнему дому—всѣмъ свободный доступъ туда: мы вошли; въ печальномъ залѣ, на катафалкѣ изволитъ лежать въ гробу батюшка нашъ Петръ Алексѣевичъ; люди всѣхъ званій подходили лобызать его державную ручку; подошли и мы: сперва приложилась вотъ барышня дочка твоя, потомъ служивый, а за нимъ молодой нѣмецъ лекарь; только нѣмецъ-то лекарь поцаловалъ у Царя ручку, да и сунулъ въ нее грамотку...

ЛУИЗА.

Ахъ, я сама видѣла это!...

ЦИДЕРЪ.

Надѣлалъ бѣдъ!...

КРЮКОВЪ.

Я ну толкать его да приговаривать: что ты, что ты, мусье! а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «не твое дѣло; воля царская не умираетъ!» да и сталъ къ сторонкѣ. Вдругъ распахнулись двери и въ печальную залу вошла Государыня съ свитой; подошла она къ гробу, припала на колѣна, молилась, плакала, взошла на ступени катафалка и, лобызая ручки батюшки нашего, замѣтила грамотку; взяла ее, прочитала, измѣнилась въ личикѣ, задрожала...

ЛУИЗА.

Ахъ!...

ЦИДЕРЪ, передразнивая.

Ахъ!... то-то сударыня; давно тебѣ надо было выбить изъ головы этого

Фрицхена; теперь, чего добраго, и мы попадемъ съ нимъ въ бѣду!... Нелегкая принесла его сюда!...

КРЮКОВЪ.

Государыня передала грамотку князю Меньшикову; тотъ прочиталъ, шепнулъ что-то адъютанту, и когда матушка Екатерина Алексѣевна изволила удалиться въ свои покои, начались розыски, добрались до нѣмецкаго лекаря и повели его къ Императрицѣ; барышня твоя бросилась бѣжать, я за нею; вѣдь пора ночная, а дѣло дѣвичье...

ЦИДЕРЪ.

Нѣмчурка!.. сумасшедшій!... Засадятъ его, да и намъ чтобъ не досталось?... Знакомый, скажутъ, другъ давнишній, пріятель задушевный, женихъ... А все ты, Луиза, ты виновата!...

VII.

Тѣже, ФРИЦЪ РИТТЕРЪ и ЯДРОВЪ. Потомъ мало по малу собирается народъ.

ЯДРОВЪ, весело.

«Воля Царская не умираетъ!» Въ ней и по смерти здравствуетъ великій Царь нашъ!

ЦИДЕРЪ.

Что говоритъ онъ?

ЛУИЗА.

Фрицъ!... ты здѣсь?... ты не подъ арестомъ?

ФРИЦЪ.

Луиза!... за чтожь мнѣ быть подъ арестомъ?... я не преступникъ...

ЛУИЗА.

Прости, прости меня!

ЦИДЕРЪ.

Туманъ, фантасмагорія!... Ничего тутъ не разберу...

ЯДРОВЪ.

Нечего и разбирать, Варфоломей Антонычъ; безъ тебя разобрано и рѣшено дѣло: Государыня, прочитавъ собственноручную цидулу Императора Петра Великаго, на счетъ опредѣленія въ Русскую службу вотъ его милости *(указываетъ на Фрица)*, повелѣла князю Меншикову тотчасъ отыскать молодца. Отыскали его, привели къ Государынѣ, разспросили обо всемъ; архіатеръ Блюментростъ разсмотрѣлъ его лекарскіе документы, экзаменировалъ его со всѣхъ сторонъ, и мой Фрицхенъ со всѣхъ сторонъ знатно отвѣчалъ Блюментросту по ихнему, разную тарабарщину: *умъ, кумъ, ква, аква*, такъ что старикъ не утерпѣлъ, бросился Фрицхену на шею, разцаловалъ его, сказалъ что-то князю Меньшикову, князь Государынѣ, а Государыня изволила повелѣть: «по собственноручному указу Императора Петра I, опредѣлить Фрица Риттера лекаремъ въ Ингерманландскій полкъ, съ

жалованьемъ по 500 р. въ годъ, съ квартирой, порціонами и раціонами.» Вотъ вамъ доказательство, что воля царская не умираетъ!

ЦИДЕРЪ.

500 рублей жалованья, квартира, порціоны и раціоны!... браво, Фрицъ! поздравляю! *(обнимаетъ Фрица).* Я всегда говорилъ: изъ этого мальчика будетъ прокъ — онъ далеко пойдетъ. Пожалуста, милый мой, пока не устроишься своимъ хозяйствомъ, будь у меня какъ дома; вѣдь мы не чужіе съ тобою, голубчикъ! мы одна семья... Луиза, обними жениха.

ЛУИЗА.

Батюшка!

ЦИДЕРЪ.

Ну, да! онъ твой женихъ!... Развѣ забыла, что еще въ Амстердамѣ я далъ слово Царю Петру и родителямъ Фрица соединить васъ?.... а у меня «слово —

законъ!» какъ говоритъ Русская пословица. *(Обнимаетъ Фрица.)* — Голубчикъ мой, милочка!... когда хочешь ты эдакъ, знаешь, какъ говорятъ Русскіе – «веселымъ пиркомъ, да за свадебку?»

ФРИЦЪ.

Батюшка!... Позвольте мнѣ называть васъ этимъ именемъ, херъ Цидеръ!.... теперь не время пировъ и свадебъ, — теперь время скорби и плача Россіи, усыновившей насъ!.... Подождемъ.... Предоставимъ будущее Богу!...

ВЪ АЛЬБОМЪ В. С. М — ЧА.

(26 Февраля, 1846 г.)

Чредою быстрой льются годы, —
Но, Боже мой, еще быстрѣй
И безвозвратнѣй для людей —
Проходятъ призраки свободы,
Надежды участи иной,
Тѣней воздушныхъ легкій рой!

И вы — неправда-ль? — вы довольно
На свѣтѣ жили, чтобы знать:
Какъ что-то надобно стѣснять —
Порывы сердца добровольно,
Зане — увы! Кто хочетъ жить,
Тотъ долженъ жизнь въ себѣ таить!

Блаженъ, блаженъ, кто не безплодно
Въ груди стремленья заковалъ,
Кто ихъ, для нихъ самихъ, скрывалъ;
Кто — ихъ служитель благородный —
На свѣтѣ могъ, хоть чѣмъ-нибудь,
Означить свой печальный путь!

И вы стремились, вы любили
И часто, можетъ быть, любя,
Себя — отъ самого себя —
Съ сердечной болью, вы таили!...
И, вѣрьте истины словамъ,
«По вѣрѣ вашей будетъ вамъ!»

И пусть не разъ святая вѣра
Была для васъ потрясена,
Пусть жизнь, подчасъ, для васъ полна
Страданій, — награды мѣра!...
И кто — страденіемъ святымъ —
Страдалъ, — тотъ возвеличенъ имъ!

Да! словомъ вѣры — Божьимъ словомъ,
На новый — жизни вашей — годъ,
Я васъ привѣтствую! Пройдетъ
Для васъ, я вѣрю, онъ не въ новомъ
Стремленьи — хоть одной чертой —
Означить бѣдный путь земной!

А. Григорьевъ.

ОСТАЛЬНАЯ НАЧИНКА

изъ

МЯЧИКА.

Н. И. Хмельницкаго. (*)

ДУША.

Что значитъ *душа?* вопросъ мудреный; отвѣтъ еще мудренѣе: душа есть сила дѣйствующая, искра Божества, существо нетлѣнное, одаренное разумомъ и волею...

(*) Прочія статьи изъ «Мячика» напечатаны въ III томѣ «Новоселья» и въ Невскомъ Альманахѣ 1846, 1847.

Но я добиваюсь смысла иносказательнаго, того, въ какомъ это слово употребляется у насъ въ обыкновенномъ разговорѣ.

Придерживаясь пословицы, что душа мѣра, что душа всего дороже, я полагаю, что подъ этимъ словомъ въ переносномъ значеніи, подразумѣваются лица и вещи, самыя для насъ близкія, самыя дорогія, самыя неоцѣненныя.

Душа моя, душечька, душенька! говоритъ влюбленный мужъ молодой своей супругѣ. И онъ правъ — дорого, дорого стоитъ ему эта *душенька!*

Я шучу; извѣстно, что мужъ и жена одна душа, что жену любятъ какъ душу, живутъ съ нею *душа въ душу.* Вы, я думаю, сами на всякомъ шагу это видите.

Самая интересная душенька — это *Душенька Богдановича.*

Не станемъ говорить объ избитыхъ, обветшалыхъ, раскредитованныхъ фразахъ... какъ напримѣръ: *съ душевнымъ*

прискорбіемъ извѣщая... душевный другъ, душевно желаю, душевно преданный, душевно уважающій, — фразахъ, которыя всѣ употребляютъ, и которымъ никто не вѣритъ.

Душа бываетъ всякая: высокая и низкая, прямая и кривая, черная, приказная и проч. и проч.

Если это кому нибудь *не по душѣ*, то не взыщите, здѣсь *нѣтъ ни души*, никто не подслушаетъ.

Душой общества называется услужливый и ловкій пролаза; какъ вы не застегивайтесь, хоть на всѣ пуговицы, онъ непремѣнно влезетъ въ душу.

Попробуйте похвалить человѣка; скажите, что онъ имѣетъ *прекрасную душу*... никто не обратитъ вниманія. Прибавьте, что у него *двѣ тысячи душъ*, и его безъ души полюбятъ.

Тоже самое можно сказать и на счетъ прекраснаго пола. Замѣчаютъ однакожъ, что...

«От денежных невѣст накладны барыши,
И часто при душах, невѣста без души.»

Человѣком бездушным почитается тот, который, как говорится, *все берет на* свою *душу*.

«Я на единаго себя беру свободно
И грѣх, и зло и все, что только вам
угодно.»
(Тартюф, д. IV, явл. 5).

Странно, каким образом от прекрасной души мог произойти отвратительный глагол душить?

Это ясно однакож: душа сокровище, а сокровище всегда рождает зависть, зло и даже душегубство.

НОГА.

Нога, как слово парное, в единственном числѣ почти не употребляется. *На одной ногѣ* не ходят, а ковыляют.

Вертѣться или прыгать на одной ножкѣ, скоро упрыгаешься. Чтобъ твердо держаться и непосредственно двигаться человѣческому тѣлу, непремѣнно нужна добрая пара.

Выраженія: *по рукамъ и по ногамъ быть связаннымъ, пропасть съ руками и ногами*, сами собою показываютъ близкую связь и сродство этихъ членовъ. Ихъ можно назвать крыльями вѣтряной человѣческой мельницы: желудокъ — это жерновъ, голова — мельникъ, вѣтеръ — счастіе, безвѣтріе — невзгода.

Иные шагаютъ удивительно! почти опрометью, *со всѣхъ ногъ*, что́ есть духу. Въ Россіи Петръ I-й шагалъ всѣхъ удивительнѣе. Великій преобразователь нашъ былъ *легокъ на ногу. Онъ занесъ её* на Швецію и подкосилъ ноги Карлу XII-му. Отъ Яузы онъ шагнулъ къ Невѣ, отъ Невы къ Полтавѣ; изъ ботика на корабль; изъ Царей въ Императоры.

Нашихъ дѣтей учатъ гимнастикѣ и танцамъ. Для дѣвицъ танцы необходимы. Женщина въ танцахъ тоже, что корабль подъ всѣми парусами. Изъ 5-ти позицій 4-я самая интересная для китайской ножки.

Упасть къ ногамъ – знакъ покорности, но это обманчиво.

«Въ ноги кланяется, а за пяты кусаетъ!» говоритъ Русская пословица.

Старайтесь держать себя на приличной ногѣ; не давайте наступать себѣ на ногу; будьте на короткой съ кѣмъ нужно и держитесь на твердой ногѣ при исполненіи вашихъ обязанностей (homo remanens in pedibus suis). Но Боже сохрани васъ свалиться съ ногъ, или попасть подъ ногу.

Къ сожалѣнію, путь нашъ слишкомъ не ровенъ.

Берегитесь неосторожнаго шага.

Стоитъ поскользнуться, и все пойдетъ вверхъ ногами.

СЛОВО.

Давайте, бросайте другой мячикъ, другое слово. Какъ тутъ! оно поймано.

Во-первыхъ, слово означаетъ 19-ю букву русской азбуки, но не въ этомъ дѣло. Собственно подъ словомъ разумѣется: «Всякое рѣченіе, состоящее изъ извѣстнаго числа складовъ, и служащее знакомъ изобразительнымъ какой либо вещи.» Это слово въ слово и отъ слова до слова выписано изъ 5-й части Словаря Россійской Академіи.

Хорошо-ли, дурно-ли такое опредѣленіе, дѣло не наше, слова изъ пѣсни не выкинешь.

Слово не стрѣла, но пуще стрѣлы... и это правда.

Роковое слово и дѣло, уничтоженное милосердіемъ Екатерины II, погубило многихъ.

Слово-законъ, такъ было въ старину. До слова крѣпись, а давши слово дер-

жись, говаривали предки наши. Дать слово, или положить на словѣ, считалось дѣломъ конченнымъ. Въ короткихъ словахъ, или словомъ сказать, на слово полагались словно на каменную стѣну.

Древнее слово было такъ крѣпко, что вошло въ народную поговорку:

«Кто слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно.» Сказалъ Крюковскій въ своемъ Пожарскомъ.

Воля ваша, а нынче совсемъ не то: на правду мало словъ... Впрочемъ, не всякое слово въ строку.

Выраженіе — забросать словами: все тоже, что много словъ, да мало дѣла.

Красное, острое словцо, не то, что честное слово.

Словами техническими называются слова иностранныя (употебляемыя въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ), которыхъ мы не умѣемъ замѣнить русскими. Омонимами (Homonymes) называются тѣ

слова, которыя пишутся и выговариваются одинакимъ образомъ, а между тѣмъ имѣютъ совершенно различныя значенія. Напримѣръ: стопа (нога), ходите по стопамъ заповѣдей, стопа (бумаги) которая все терпитъ, и стопа, или метръ въ стихахъ, которыхъ нынче не отличишь отъ прозы.

Эти омонимы, наборъ и игра двусмысленныхъ словъ, служатъ источникомъ всѣхъ свободныхъ каламбуровъ.

Не ихъ-ли въ старину называли непригожимъ словомъ?

Сочинить, или сказать слово, — дѣло чрезвычайно трудное. Для этого надобно имѣть даръ слова. Образцовыхъ словъ немного; онѣ на-перечётѣ.

Кому не извѣстны:

Слово о Полку Игоревѣ, этотъ драгоцѣннѣйшій памятникъ русской поэзіи XII вѣка.

Слово, сказанное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ на кончину Петра Перваго?

«До чего мы дожили о Россіяне! что видимъ?... что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!

И кого не восхищало слово Георгія на прибытіе въ Мстиславль Императрицы Екатерины II? «Тецы, убо о солнце наше, спѣшно; къ западу только жизни твоея не спѣши; въ семъ-бо случаѣ, яко Іисусъ Навинъ и руки и сердца простирая къ небу возопіемъ: Стой солнце и недвижись!»

Замѣтьте, однакожъ, что неограниченная свобода слова — не оставалась безнаказанною. Сократъ, вооружившійся противъ боговъ-идоловъ, кончилъ ядомъ; Цицеронъ, возстававшій на Антонія, кончилъ изгнаніемъ.

Прибавимъ, что отъ кореннаго слова произошло много словъ производныхъ, какъ напримѣръ: словесность, словословіе, предисловіе, пустословіе, злословіе, пословицы и пр. и пр. и даже Словарь.

ГОЛОСЪ.

Кто-то поетъ.... я вслушиваюсь — и узнаю по голосу; какой голосъ!

Чего-жъ лучше, вотъ и мячикъ, начнемъ-те варіировать. Правда, для этого надобно умѣть управлять голосомъ; но прыжки моего мячика не Родіевскія варіаціи.

Слово голосъ означаетъ исключительную способность человѣка, посредствомъ внятныхъ звуковъ, выражать свои мысли и чувства.

Вотъ источникъ разговоровъ и пѣнія.

Эту акустическую способность говорить и пѣть подраздѣляютъ на разныя степени, а потому говорится:

Голосъ, голосокъ, голосочикъ, голосище.

Онъ бываетъ: прекрасный, низкій, тихій, громкій, оглушительный и проч.

Гг. живописцы, прославляя первокласныхъ художниковъ, прибрали всевоз-

можные эпитеты, въ особенности, къ ихъ колориту. Такимъ образомъ, колоритъ серебристый присвоенъ Гвидо-Рени; золотистый Тиціану.

Гг. диллетанты сдѣлали тоже; кромѣ голосовъ: звучнаго, свѣтлаго, яркаго, сильнаго, восхитительнаго, очаровательнаго, явился голосъ серебристый. Если нѣтъ золотистаго, то потому только, что золото не звонко, въ смыслѣ акустическомъ. Есть даже голосъ бархатный.

Лучшій голосъ, безъ сомнѣнія женскій.

Мужчины поютъ хуже. Изъ нихъ немногіе съ голосомъ, прочіе не имѣютъ никакого.

Они отголосокъ, гулъ, эхо первыхъ.

«И гласъ его сокрушаетъ кедры Ливанскіе», говорится въ Св. Писаніи, подразумѣвая громъ Господень.

Въ дѣловомъ смыслѣ — написать, подать голосъ, собирать, считать, опредѣ-

лять по большинству голосовъ, есть по большей части, дѣло секретарское.

Въ смыслѣ физіологическомъ... голоса неизчислимы.

Изъ множества мы слышимъ:

Всѣхъ чаще голосъ клеветы, всѣхъ рѣже голосъ правды.

Это голосъ вопіющаго въ пустынѣ...

«Господи, услыши гласъ мой, по милости Твоей».

Пока остерегались, безъ особой надобности, вводить въ языкъ русскій, слова иностранныя, обыкновенно говорилось: у этого инструмента хорошъ голосъ. Теперь, когда языкъ нашъ наводнился и ежедневно наводняется тысячами словъ иностранныхъ, говорятъ: инструментъ хорошаго тона. Если этому гласному дѣлу, этому злому навожденію не положатъ преграды, то право, чрезъ полсотни лѣтъ не для чего будетъ учиться по-русски; вѣроятно, къ тому времени и остальныя русскія слова переведутся по-нѣмецки.

Мнѣ кажется, что я запѣлъ на 9-й голосъ, какъ вы думаете?

Да, вы немножко не въ голосѣ, отвѣчаете вы, улыбаясь.

Насмѣшницы! Но всѣмъ-ли имѣть вашъ голосъ?

Вы знаете, я астрологъ,
По ходу звѣзднаго теченья;
По мѣсяцу, по дню рожденья,—
Я право, многое предсказывать бы могъ.
Мой мѣсяцъ — холоденъ, какъ льдина;
Но вашъ,—вашъ Май даритъ вѣнкомъ...
Мой мѣсяцъ, мѣсяцъ соловьиной —
А вы поете соловьемъ.

ВОЛЯ

Скажите мнѣ, что значитъ воля?

Я думаю... что воля есть право и способность распоряжать своими дѣйствіями.

Дѣйствія однакожъ бываютъ добрыя и дурныя!

О, разумѣется, что воля есть право располагать добрыми дѣйствіями.

Замѣтьте: добрыми, а не дурными, слѣдовательно воля ограничена.

Я думаю даже, что идея воли есть идея совершенно мечтательная.

Какая тутъ воля, если отъ колыбели до гроба мы не выходимъ изъ зависимости? Иначе и быть не можетъ. Мать природа передаетъ насъ отцамъ, отцы передаютъ насъ мамкамъ, нянькамъ и проч. Вступая въ свѣтъ, нерѣдко попадаемъ въ руки кредиторовъ, и всего чаще въ руки любезныхъ нашихъ сопутницъ въ земной юдоли. Наконецъ время и дряхлость доканчиваютъ дѣло. Врачи вносятъ его въ алфавитъ рѣшенныхъ и передаютъ въ архивъ вѣчности.

Гдѣ-же тутъ воля? растолкуйте, ради Бога.

Не та ли это воля, которая хуже неволи?

Правда, человѣческая воля могла бъ поразшириться, но для этого нуженъ разумъ... бездѣлица! Разумъ, который также въ неволѣ у прихотей!

Вольные города — это города съ нѣкоторыми привиллегіями, на нѣкоторое время.

Вольность стихотворную и музыкальную составляютъ мелочныя отступленія отъ педантической указки учителей.

Вольный слогъ — значитъ пиши какъ велятъ, но какъ можно поглаже.

У людей есть даже вольный паръ, отъ котораго какъ мыши потѣютъ.

Воля заноситъ въ неволю, или воля портитъ, а неволя учитъ.

Я, напримѣръ, играю мячикомъ въ кабинетѣ, въ четырехъ стѣнахъ и прекрасно, играю вольно и ничѣмъ не рискую; играй я на волѣ... кто знаетъ, волей и неволей мой мячикъ могъ бы залетѣть Богъ знаетъ куда, и пожалуй задѣлъ бы еще кого-нибудь невольно.

Вы скажете: вольно же не остеречься; то-то и есть, совѣтовать легко, исполнять трудно.

«Воля наша, (*) кричали наши храбрецы подъ Варшавою.

Да будетъ во всемъ воля Божія!

ЛИЦО.

Передняя часть головы у человѣка называется лицомъ, у звѣря — мордою.

Если лицо хуже морды, это ужъ ни на что̀ не похоже.

Дѣйствительно, иногда... человѣческаго лица не увидишь.

«Срѣтеніемъ лица признанъ будетъ умный» говоритъ Іисусъ Сирахъ, въ своихъ Притчахъ.

(*) Укрѣпленное предмѣстье подъ Варшавою.

Въ прямомъ смыслѣ слова, лицо бываетъ бѣлое, черное, бронзовое, круглое, длинное, широкое, рябое, весноватое, блѣдное, румяное, нарумяненное.

Въ смыслѣ иносказательномъ: низкое, высокое, умное, глупое, смѣшное, уморительное и проч.

Вообще, существительныхъ и первообразныхъ лицъ мало, производныхъ тьма-тьмущая.

Кто не знаетъ мѣстоимѣній личныхъ?

Я, мы, наше и наши; это совсемъ не то, что онъ, они, ихніе; то есть, не наши и не ваши, а чортъ знаетъ, кто такіе, — лица совершенно посторонніе.

Если вѣрить, что лицо есть вывѣска души, то лицо привлекательное есть даръ завидный.

Иной хорошъ лицомъ, другой дуренъ... Бываютъ даже безобразные.

Безобразіе съ клеймомъ зависти, коварства и злобы — это олицетворенный гнѣвъ Божій.

Это по лицу видно, на лицѣ написано.

Бойтесь лицъ, въ которыхъ, какъ говорятъ, нѣтъ ни кровинки. Бойтесь лицъ кошечьихъ, вѣчно улыбающихся. Они готовы васъ стереть съ лица земли при первой личности.

У всего на свѣтѣ есть лицо и изнанка, то есть, сторона — внѣшняя и внутренняя. Будьте осторожны, лицевая сторона казиста, но обманчива.

Домъ лицомъ на улицу; лицевыя окна, двери.

Товаръ лицомъ продать, говоритъ пословица.

Древніе изображали Януса съ двумя лицами, въ знакъ того, что ему извѣстно было и прошедшее и будущее.

У насъ человѣкъ двуличный тотъ, кто говоритъ такъ, а думаетъ и дѣлаетъ иначе.

А къ лицу и не къ лицу одѣться? Но кто-жъ изъ васъ не позаботится объ этомъ, милыя читательницы.

Наконецъ, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь, не лучше-ли пріостановиться и отдохнуть немножко.

И чего искать, чего доискиваться? все налицо.

Жаль одного, что всѣ лицомъ къ настоящему и спиной къ будущему.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.

(Изъ Гейне.)

I.

Трагедія.

Бѣжимъ!... Ты будешь мнѣ женой;
Склонишься ты на грудь мою,
Она тебѣ, въ странѣ чужой,
Замѣнитъ родину, — семью!

Бѣжимъ!... Иль я умру, дитя!
И что-же станется съ тобой?...
Чужбиной будутъ для тебя —
И отчій домъ, и край родной!...

II.

(Народная пѣсня подслушенная на Рейнѣ.)

Выпалъ крупный градъ, осенней ночью,
Выпалъ онъ — на зыбкіе цвѣточки —
Бѣдные увяли, пожелтѣли!...

Мо́лодцу дѣвица полюбилась,
Изъ дому они бѣжали тайно,
Ничего отецъ и мать не знали!

Изъ страны въ страну они бродили,
Горе да нужду терпѣли долго...
И увяли бѣдные... погибли...

III.

Все тихо вокругъ одинокой могилы;
Склонились фіалки надъ ней,
Душистая липа ее осѣнила
Покровомъ зеленыхъ вѣтвей...

И ношу тяжелую снявъ, отдыхаетъ
Тамъ мельникъ, въ раздумьѣ нѣмомъ.
И птичекъ влюбленныхъ чета затихаетъ...
И плачетъ, — не зная о чёмъ .

Барабанщикъ.

Возьми баранъ... да небойся!
Цалуй маркитантку звучнѣй!
Вотъ опытъ глубочайшій искусства,
Вотъ смыслъ философіи всей!...

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ духъ философскихъ началъ!..
Давно я постигъ эти тайны —
Давно барабанщикомъ сталъ!

А. Плещеевъ.

ОПЕЧАТКА.

На страницѣ 123-й, снизу въ 7-й строкѣ напечатано: Das Leben ist ein Traum. Слѣдуетъ читать: Жизнь есть сонъ.

